

Elza Mars
Тёмный
рассвет
Ночной Мир
Вампирш#8

16+

Elza Mars

Тёмный рассвет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68025436

SelfPub; 2022

Аннотация

До того как исчезла любимая сестра Майлза, Мелони, единственной заботой мальчика было привести свою университетскую футбольную команду к победе на предстоящих соревнованиях. Теперь мир перевернулся... Но Майлз уверен, что сестра жива, что он может её спасти, и отправляется на поиски. На пути Майлза встаёт красавица вампирша Дилоса. Сейчас на одной чаше весов жизнь Мелони, на другой – Дилосы, к которой парня неудержимо тянет... Удастся ли Майлзу справиться с собственными чувствами и колдовским наваждением?..

Elza Mars

Тёмный рассвет

Ночной Мир Вампирш...ни разу любовь так ещё не пугала. Ночного Мира Вампирш нет на карте мира, но он есть в нашем мире. Он повсюду. Он представляет собой тайное общество вампирш, ведьм и оборотней женского пола, живущих среди людей. Порождения тьмы красивы и опасны, их влечёт к смертным и те не в силах устоять перед ними. Ими могут быть кто угодно: хоть любой учитель, хоть подруга давних лет или кто-либо другой. Законы Ночного Мира Вампирш позволяют охотиться на смертных. Можно играть их сердцами, убивать их. Для существ Ночного Мира Вампирш есть лишь два строгих запрета: нельзя смертным знать о Ночном Мире Вампирш и нельзя влюбляться в смертных. Этот ориджинал рассказывает про то, что бывает, если нарушить эти законы.

Глава 1

Майлз Нил проснулся от крика матери. Он спал, как всегда, с Джиной, французской болонкой, развалившейся в его ногах, и двумя котами, которые боролись за место у его головы. Его щека лежала на открытой тетради, а поверх одеяла, усыпанного кусками картофельных чипсов, лежали учебники с домашним заданием и пустая сумка. Майлз уснул в пижамных штанах и с голым торсом, да к тому же в носках,

которые удалось отыскать вчера вечером: один – чёрный носок, а другой – белый. Пройдёт совсем немного времени, и эти самые носки будут означать для Майлза либо жизнь, либо смерть. Однако тем вечером ничего такого ему и в голову не могло прийти.

Спросонья Майлз в недоумении хлопал глазами, не сообщая, что происходит. Он никогда раньше не слышал, чтобы так орали. И почему он так уверен в том, что орёт его мать?.. Постепенно до его сознания начало доходить: что-то произошло... что-то действительно ужасное... самое худшее.

Часы на ночной тумбочке показывали 02:10. Майлз вскочил с кровати и поспешил на шум. По всему полу его комнаты была раскидана испачканная одежда вперемешку с разрозненными деталями спортивного инвентаря, которые всё время норовили попасть ему под ноги. Ещё не до конца проснувшись, он зацепился ногой за мусорную корзину, стоящую почему-то посередине спальни, и, с трудом преодолев это препятствие, наконец очутился в коридоре. Там было темно. Яркий свет горел лишь в гостиной, оттуда и доносились вопли. За ним увязалась Джина. Но, подбежав к гостиной, она вдруг остановилась и угрожающе заворчала. Майлз шагнул в гостиную и застыл в дверях, с ужасом взирая на происходящее. Он вдруг понял, что с этого момента его жизнь изменится навсегда. Парадная дверь была раскрыта настежь, и холодный воздух вашингтонской ноябрьской но-

чи лился в зал. Отец в пижаме крепко обнял мать, которая вырывалась из его рук, пытаясь сдержать рвущийся из груди крик, словно стремясь убежать, и всё время сдавленно орала. У входа стояли четыре человека: двое копов – девушка и парень, – рейнджер Национального парка и Сильвион Уил.

Сильвион! Парень его сестры Мелони. Озарение пришло так быстро, что Майлз вздрогнул, как от удара. Его сестра погибла.

Глава 2

Майлз услышал, что у него за спиной опять зарычала Джина. Но никто и не взглянул на них.

“Почему я так спокоен? – думал Майлз – Со мной что-то не так. Я даже не заплакал”.

Он с абсолютной ясностью осознал трагедию, но чувства молчали. Миг спустя волна адреналина, которой Майлз так боялся, нахлынула на него. Лицо запылало, по коже с болезненным покалыванием побежали мурашки. На Майлза накатила приступ дурноты, и пол начал уходить из-под ног.

Он тупо твердил про себя:

“О, пожалуйста! Пожалуйста, пусть это окажется неправдой. Возможно, она просто ранена. Тогда всё не так страшно. Конечно, случился несчастный случай, и она ранена. Только бы не мертва!”

Нет, если бы сестра была жива, мать не стояла бы тут и не орала так страшно.

Она бы уже мчалась в больницу, и никто не смог бы её

остановить.

Зацепиться за спасительную мысль не получалось. И сознание Майлза заметалось, как испуганный зверь.

“Пожалуйста, пусть это будет неправдой”, – снова и снова, как заклинание, повторял он.

И вдруг ему показалось, что он нашёл решение и всё ещё можно исправить.

Нужно лишь незаметно вернуться в комнату, забраться назад в кровать, укрыться с головой одеялом и зажмуриться... Но как же мать? Майлз не мог оставить её одну. Теперь, когда мать обессилела и затихла, Майлз слышал голос папы – чужой, полный отчаяния и срывающийся.

– Почему вы не оповестили нас, что собираетесь в горы? Вы пошли туда на Хэллоуин, значит, прошло уже шесть дней. А мы даже не знали, что дочери нет в городе...

– Простите, – прошептал Сильвион, – мы не собирались уходить надолго. Девчонки из её комнаты знали, что мы пойдём в горы, а больше мы никому не говорили. Мы просто собрались и пошли. У нас отменили пары на Хэллоуин, и погода была такая хорошая... Мелони сказала: “Давай ползаем по скалам”. И мы пошли...

“Давай. Это она мне так говорила!”

Сердце Майлза заныло. Хотя после того, как у неё появился Сильвион...

Шериф с подозрением поглядел на отца:

– Неужели вас не удивило, что дочь не звонила вам с пят-

ницы?

– Нет, она всегда была такой... очень независимой, особенно с тех пор, как переехала в общагу. Одна из её соседок по комнате позвонила сегодня утром, спросила, не дома ли Мелони. Но она не сказала, что Мелони ушла в горы почти неделю назад. Я подумал, дочь прогуляла пару либо... – Голос папы дрогнул и оборвался.

Шериф понимающе кивнул:

– Очевидно, девчонки решили, что она устроила себе каникулы. Они заволновались лишь сегодня и позвонили нам. А к этому времени рейнджер нашёл Сильвиона.

Сильвион заплакал. Друг Мелони был высоким и стройным. Его густая шевелюра была такой тёмной, что, казалось, отливала темнотой, а голубые глаза цветом напоминали фиалки в лесу. Среднего роста, овальнолицый, русоволосый и зеленоглазый Майлз всегда завидовал изящному и хрупкому Сильвиону. Раньше... не теперь. Сейчас на Сильвиона было больно смотреть.

– Несчастье произошло первым же вечером. Мы едва начали подъём, и вдруг погода испортилась и нужно было возвращаться. Мы спускались довольно быстро... – Сильвион остановился, всхлипнул и прикрыл рот стиснутым кулаком.

– Разве можно заниматься альпинизмом в это время года?! Это так рискованно... – начал парень-полицейский, только Сильвион покачал головой.

“Сильвион прав”, – печально подумал Майлз.

Тем роковым днём погода была вполне обычной. Конечно, осенью часто идут дожди, но иногда, как говорят синоптики, “устанавливается область высокого давления” и небо целый месяц синие-синие, ни облака. Все горные туристы знают об этом. Кроме того, Мелони не боялась плохой погоды. Ей недавно исполнилось девятнадцать, а за её плечами уже было много трудных подъёмов. Она совершала восхождения всю зиму и в дождь, и в снег – в любую непогоду. Сильвион продолжал рассказывать, и его речь становилась всё более бессвязной:

– Мелони была... она простудилась и тогда ещё не совсем поправилась. Но на вид с ней всё было нормально, она выглядела здоровой и сильной. Это случилось, когда мы спускались на верёвках. Она смеялась и шутила, и всё такое... Я никогда бы не подумал, что она устала и может совершить ошибку... – Он запнулся и затрясся в отчаянных рыданиях, так что рейнджер был вынужден положить руку на его плечо.

Майлз, который с трепетом вслушивался в каждое его слово, побледнел...

Ошибку? Мелони? Он был готов услышать, что подвела страховка... либо внезапный камнепад... или Сильвион оступился и нечаянно столкнул Мелони в пропасть... Но чтобы Мелони совершила ошибку?! Майлз уставился на Сильвиона, и вдруг что-то в этом скорбном типе вызвало у него смутную тревогу. Что-то лишнее было в утончённом, бледном лице, в мокрых от слёз голубых глазах. Всё в нём ка-

залось чересчур правильным и слишком трагическим. Сильвион казался актёром, удостоенным первой премии Академии театрального искусства, он словно исполнял известную сцену, и наслаждался своей игрой.

– Не понимаю, как это могло произойти, – всхлипывал Сильвион, – крепление было хорошим. Нам следовало повнимательнее проверить страховку, но мы очень торопились. Наверное, у неё... о господи!.. у неё что-то произошло с ремнём. Возможно, она застегнулась неправильно либо карабины были поставлены вверх ногами...

Ну уж нет! Все чувства Майлза вдруг обострились. Теперь он уже не сомневался: такого быть не могло. Это – враньё. Мелони была очень опытной, ловкой, сильной и поразительно техничной скалолазкой. Уверенной, но осторожной. Майлз лишь мечтал, что когда-нибудь и он станет таким же.

Она никак не могла неправильно застегнуть ремень либо поставить карабины вверх ногами. Здоровая или больная, она никогда не пошла бы на спуск без страховки.

“Это я мог бы такое учудить. А она всегда ворчала на меня, что я рассеянный и когда-нибудь попаду в беду. Но Мелони... нет!”

Сильвион врёт. Эта мысль шокировала Майлза. Ему показалось, что он проваливается в какую-то чёрную дыру и комната уносится от него. Но почему! Для чего Сильвиону выдумывать такую ужасную историю? Зачем ему лгать?

Сильвион прикрыл глаза рукой:

– Я искал её, но... там был лёд ... расселина в леднике...

Вот! Нет тела. Он говорит, что нет тела. Майлза обдало жаром. Глаза Сильвиона ещё больше убедили его в том, что интуиция не подводит его.

Сильвион говорил с опущенными в пол глазами и неотрывно смотря на кафельную голландскую плитку, которой была выложена прихожая. Но теперь, когда Сильвион дошёл до последних объяснений, его взгляд скользнул на Майлза. Он вдруг уставился на его ноги, затем вновь на плитку и вновь на ноги. Тогда и Майлз посмотрел на свои ноги.

“Мои носки! Он рассматривает мои носки. Один белый, другой чёрный... И он это заметил! Вид моих разных носков отвлек его, но он продолжает говорить, как актёр, который настолько часто произносит один и тот же текст, что уже играет свою роль как автомат”.

Гнев обжёг душу Майлза, заполнил всё его существо и вытеснил все другие чувства. Он пронзил Сильвиона тяжёлым взглядом. И хотя тот стоял очень далеко, Майлз видел всё достаточно хорошо, чтобы понять наверняка: парень врёт! Может быть, он совершил нечто... ужасное.

” И он не может показать нам тело Мелони... Либо, возможно, нет никакого тела, потому что Мелони жива! “

Да! Майлз воспарил на крыльях надежды.

“Это всё обман. Не существует причины, по которой Мелони могла погибнуть. Всё, что мы должны сделать, – это заставить Сильвиона сказать правду”.

Но больше никто не заметил фальши. Все слушали, как Сильвион продолжал рассказывать свою историю, и верили ему.

– Я не мог оттуда выбраться, пока погода не улучшилась... мне пришлось просидеть в палатке несколько дней. Я очень ослабел, но мне удалось кое-как подать сигнал бедствия альпинистам. Они спасли меня. Меня вытащили... А её... было слишком поздно её искать. Я знаю, никто не мог бы спастись во время такой грозы... – И он замолчал.

Рейнджер стал было говорить о плохих погодных условиях, о работе спасателей... Но тут мать Майлза как-то странно захрипела и начала сползать на пол.

– Мама! – испугавшись, вскрикнул Майлз.

– О, Майлз! Произошло несчастье! – Папа Майлза лишь сейчас заметил присутствие сына.

“Отец волнуется за меня. Он не понимает... Я должен сказать ему...”

– Папа, – начал он торопливо, – послушай, есть кое-что...

– Майлз! – Мать протянула к нему руку. Её тихий голос был спокоен, даже чересчур спокоен, но в глазах мелькнуло безумие. – Мне так жаль, сынок. Произошло ужасное... – И она, потеряв сознание, повисла на руках супруга.

Папа Майлза пошатнулся, и рейнджер вместе с шерифом кинулись ему помогать. Они подняли мать и понесли в комнату. Её голова моталась из одной стороны в другую на тонкой шее, рот и глаза были приоткрыты. От испуга у Майлза

подкосились ноги и закружилась голова. Он боялся, что тоже потеряет сознание.

– Куда можно...

– Туда, на диван, – сказал отец одновременно с шерифом.

Когда мать положили на диван, Сильвион опять запричитал. О чём он говорит?

– Мне так жаль... Мне так жаль... Лучше бы я... Мне нужно домой...

– погоди, – остановил его парень-полицейский, который с беспокойством следил за состоянием матери Майлза, – погоди, ты не в состоянии никуда идти. Тебя бы следовало сразу отвезти в больницу, но ты так настаивал, чтобы мы сначала заехали сюда.

– Мне не нужна больница. Я просто очень устал...

– Мне кажется, тебе стоит немного посидеть в машине, – предложил Сильвиону офицер полиции.

Сильвион кивнул. Он выглядел таким слабым, таким несчастным, когда шёл вниз по дорожке к полицейскому автомобилю.

“Красивый уход со сцены, – подумал Майлз. – Не хватает лишь музыки”.

Но Майлз был единственным, кто оценил это, единственным, кто видел, как Сильвион подошёл к тачке... и остановился. Потом повернулся и пошёл вниз по улице. Нет, решительно ему нельзя верить. Нужно проследить за ним. Но сначала нужно переодеться. Майлз застыл на месте, не зная,

куда бежать.

Ему хотелось остаться с матерью. Но гнев и негодование приказывали ему идти за Сильвионом. И он решил довериться своей интуиции. Майлз помедлил лишь миг. Сердце билось так, что казалось, оно выскочит из груди.

Затем Майлз втянул голову в плечи и сжал кулаки. Этот жест был хорошо знаком мальчикам из университетской футбольной команды. Он означал, что Стальной Нил принял решение и собирался кинуться туда, куда разумный человек поостерегся бы сунуться. Майлз вихрем промчался по коридору в свою комнату. Он включил свет и начал озираться по сторонам, будто никогда раньше не видел этой спальни. Что он тут делает? И почему вокруг такой беспорядок? Как ему вообще удавалось что-нибудь тут находить? Он раскидал кучу банных полотенец, вытащил из-под них пару кроссовок и сунул в них ноги. Переодевать пижамные штаны было некогда. Он схватил с пола светло-голубую куртку, и неожиданно на глаза ему попало фото, засунутое в рамку на тумбочке. Фото Мелони на вершине скалы. Она улыбалась, показывая жестом – кулак с большим пальцем вверх, – что всё отлично.

Мелони скинула шапку, и её рыжие волосы отливали на солнце красным цветом. Какая она потрясающая!

В нижнем углу чёрным маркером по белому снегу было небрежно написано:

“Самому шумному, упрямому неряхе, – самому лучшему братишке в мире. С любовью, Мелони”.

Не отдавая себе отчёта в своих действиях, Майлз вытащил фото из рамки, запихнул в карман куртки и сбежал вниз по коридору. Все столпились вокруг дивана. Даже Джина сунула туда свой нос. Майлзу было видно мать, но раз никто больше не суетится, значит, кризис миновал. Все были спокойны и сдержанны.

“Я уйду всего на несколько минут. Лучше ничего им про Сильвиона не говорить, пока я не удостоверюсь сам. Я ведь вернусь раньше, чем они заметят, что меня нет дома”.

И, успокаивая себя этими путаными оправданиями, Майлз выскочил на улицу и помчался за Сильвионом.

Глава 3

На улице было сыро. Моросил осенний холодный дождь. Майлз не обращал на него внимания. И пусть его волосы намокли и прилипли к голове, зато лёгкий шум дождя приглушал звук его шагов. Низкие облака заволокли скалу Рэйниер. В ясную погоду она возвышалась над городом, как грозный ангел, распростёрший большие белые крылья.

“Надо же – я шпионю!” – думал Майлз.

Верилось с трудом, но он действительно украдкой передвигался вниз по своей улице, прятался за припаркованными тачками и, согнувшись, пробирался за кустами. Всё это время его взгляд был прикован к стройной фигуре впереди него. Не в характере Майлза было подглядывать и шпионить.

Но произошедшее несчастье заставило его забыть об абсурдности ситуации.

Когда же он начинал испытывать неловкость, у него перед глазами возникала сцена в гостиной и заслоняла собой всё остальное.

Он будто вновь и вновь слышал слова Сильвиона:

“Наверное, она неправильно застегнулась”.

Вспоминал, как безжизненно повисла рука мамы и вдруг обмякло её тело.

“Я пойду за тобой, Сильвион, куда бы ты ни направлялся, – твердил мысленно Майлз. – И тогда...”

Он не знал, что будет тогда. Он полагался на интуицию, позволяя ей вести себя. В настоящий момент его интуиция была мудрее и сильнее, чем он сам.

Квартира Сильвиона находилась в студенческом городке. Путь был долгим, и к тому времени, когда они добрались до места, начался настоящий град.

Майлз был рад спрятаться от града, нырнув вслед за Сильвионом в подземный гараж.

“Опасное место”, – подумал он и углубился во тьму, отдающую эхом.

Но Майлз не чувствовал страха. В то мгновение он готов был размазать по стене любого монстра, попадись он ему под руку. Пока Сильвион ждал лифт, Майлз прятался в тени. Затем ринулся к лестнице. Майлз взбежал на четвёртый этаж быстрее лифта, даже не запыхавшись. Дверь на лестничную площадку была открыта, и когда он выглянул из-за неё, то увидел, как Сильвион подошёл к одной из квартир и поднял

руку, собираясь постучать. Но дверь открылась сама. Девушка немногим старше Сильвиона вышла проводить двух гогочущих парней. До Майлза донеслись звуки музыки и запах струящегося фимиама. У них там вечеринка. Почему бы и нет – сегодня суббота. Сильвион жил в одной комнате с двумя парнями. Вероятно, они-то и устроили вечеринку. Парни поравнялись с Сильвионом и, кивнув ему, улыбнулись, и Сильвион тоже улыбнулся, кивнул им в ответ и спокойно вошёл в квартиру.

“Разве можно себя так вести, когда твоя девушка только что погибла!” – возмутился Майлз.

Сильвион явно вышел из роли “трагического героя”. И в это мгновение взгляд Майлза опять приковала к себе дверь, которую девушка прикрыла за Сильвионом, но полностью не захлопнула.

“А слабо мне взять и войти? Стоит попробовать. Главное, выглядеть уверенно. Войду, и всё, словно я здешний. Надеюсь, он меня не заметил. Тогда за ним! Поглядим, о чём они там болтают и что он скажет...”

Хохотущие парни вошли в лифт, а Майлз направился прямо к двери, решительно распахнул её и шагнул внутрь. Пробираясь вдоль стены, он старался держаться естественнее. Между тем на него никто не обращал внимания. Оставаться незамеченным в чужой компании оказалось легче, чем он думал. В комнатах было довольно темно. Музыка играла не очень громко, и все разговаривали. Но где же Сильвион?

Прижавшись к стене, Майлз подождал, пока его глаза привыкнут ко тьме. Там его нет, в углу рядом с проигрывателем – тоже. Наверное, он в одной из комнат, переодевается.

Майлз начал продвигаться в сторону коридора, который вёл к спальням, и вдруг его охватило странное чувство. Что-то не так в этой квартире, в этой вечеринке... что-то ирреальное. Пожалуй, подобное ощущение вызывал у него и Сильвион. От него исходила... Опасность! Тут опасно. Ребята в компании были все необыкновенно хороши собой и такие стильные, будто они только что сошли с экрана телевизора. А вот общая атмосфера вечеринки почему-то напомнила Майлзу аквариум с акулами, который он однажды видел.

Интуитивно Майлз чувствовал холод, ледящий душу. Тут что-то не так. Кто они? Наркодилеры? Сатанисты? Юношеская мафия? От них веяло злом...

Вдруг он услышал мужской голос, доносившийся из ближайшей комнаты.

Майлз замер: возможно, это Сильвион?

– Ты даже вообразить себе не можешь, какое это секретное место...

Нет, это не его голос. Через щель в двери Майлз разглядел говорившего.

Красивый, бледный парень с короткими белыми волосами что-то рассказывал девушке, касаясь её руки:

– Сплошная экзотика, всё такое таинственное... словно попадаешь в прошлое, ты сама увидишь. О нём все забыли,

но оно существует. Конечно, там очень опасно... но не для нас...

“Ерунда, – решил Майлз и перестал слушать. – Кто-то строит странные планы на каникулы, но это не имеет никакого отношения ни к Сильвиону, ни к Мелони”.

Он двинулся дальше по коридору. Дверь в конце его была закрыта. Комната Сильвиона. Он должен быть там, ведь больше его нигде нет. Всё время поглядывая в сторону гостиной, чтобы никто не застал его врасплох, Майлз осторожно приближался к спальне. И когда его щека коснулась холодной поверхности крашеной двери, он затаил дыхание и постарался хорошенько прислушаться. Сердце стучало так громко, что его удары, казалось, раздавались в его голове. За дверью было тихо. Надежды Майлза понять, что там происходит, не оправдались.

“Ну, хорошо, тогда я войду. Дальше скрываться нет смысла. Пусть он меня увидит. Я сделаю это”.

Психологически Майлз был готов ко всему. Ему не нужно было собираться с духом, он и без того был напряжён до предела. Несмотря на зловещее ощущение сгущавшейся опасности, он не испытывал страха, – по крайней мере, ему так казалось. Его переполняли злость и желание вступить в открытую битву. Майлз взялся за ручку двери и толкнул дверь. Сильный аромат благовоний ударил ему в нос. Тут он был сильнее, нежели в гостиной, более резкий, мускусный, очень приторный. Майлз поморщился. В комнате было полумрач-

но. Парень шагнул во тьму, и дверь, скрипнув, захлопнулась за ним. Сильвион стоял возле стола. Он был в том же самом горном костюме, в котором его привезли в дом родителей Майлза. Его красивые тёмные волосы высохли и ореолом распушились вокруг головы. Он колдовал над медной горелкой, подкидывая в неё щепотки пудры и сухой травы. Курился фимиам, распространяя вокруг тошнотворно сладкий аромат. Майлз планировал – насколько он вообще что-то планировал – сразу накинуться на Сильвиона и врезать по его лицу. Испугать его и заставить во всём признаться.

Он уже открыл рот, чтобы сказать:

“Мне нужно с тобой поговорить”.

Но едва он успел произнести первое слово, как прозвучал голос Сильвиона:

– И не стыдно? Тебе бы следовало остаться дома с родителями. – Он совсем не выглядел расстроенным и, уж конечно, ни в чём не раскаивался.

Майлз замер.

“Что бы это значило? Он мне угрожает? Ну и пусть! Так даже лучше. Я тоже могу пригрозить”.

Но такой поворот событий сбил его с толку. Майлз постарался собраться с мыслями.

– Я не знаю, о чём ты сейчас говоришь! – выкрикнул он. – Зато точно знаю, что тот слезливый и лживый спектакль, который ты разыграл у нас дома, был омерзительным!

– Напротив, он имел успех. Главное, что копам понравив-

лось. – И Сильвион спокойно добавил ещё щепотку в медную горелку.

Майлз был ошарашен. Всё пошло совсем не так, как он ожидал. Сильвион никак не отреагировал ни на его появление, ни на его разоблачения и вполне контролировал ситуацию. Впрочем, уже не совсем. Он же признался, что это был спектакль. И эти едва сдерживаемые рыдания по Мелони... Гнев обжёг сердце Майлза, как укусы змеи. Он сделал несколько шагов, преодолев последнее расстояние, разделяющее их.

– Ты превосходно понимаешь, зачем я пришёл. Я хочу знать, что произошло с моей сестрой.

– Я всё объяснил...

– Ты соврал! Я не знаю, что у вас там случилось. Но одно я знаю точно: Мелони никогда не сделала бы такой ошибки, она не могла не застегнуть ремень. Послушай, если ты совершил какую-то глупость... если она лежит там раненая... а ты испугался и бросил её... Тебе лучше сейчас признаться в этом.

Майлз впервые сумел сформулировать причину, по которой Сильвион мог бы лгать. При этих словах Сильвион повернулся к Майлзу. И... Майлз испугался. В неверном свете горелки ему померещилось, что глаза у Сильвиона не голубые, а фиолетово-красные, как аметисты, они будто светились. Или это свет играл в них, сверкая?

– Ах, вот, оказывается, о чём ты подумал! – Сильвион улыбнулся.

– Я ведь сказал, я не знаю, что произошло! – Майлз не мог отвести взгляда от странных глаз Сильвиона, и у него вдруг закружилась голова. – Возможно, вы порамсили, – продолжал он, борясь с головокружением, – возможно, у тебя другая девушка? Возможно, вы вообще не ходили в горы на Хэллоуин? Я лишь знаю, что ты лжёшь и что нет смысла искать её тело... потому что нет никакого тела. Но ты скажешь мне правду!

Сильвион смотрел в упор на него, и свет горелки танцевал в его пурпурных глазах.

– А знаешь, что говорила о тебе сестра? Две вещи. Во-первых, ты никогда не сдаёшься. Она сказала: “Майлза, конечно, не назовёшь настоящим исследователем, но уж если он во что вцепился, то насмерть, как маленькая такса”. А во-вторых, ты всегда бросаешься на помощь тем, кто в беде. Настоящая служба спасения. – Он взял несколько мелких кусочков гладкой коры и добавил их в смесь, которая курилась в горелке. – Очень плохо, – продолжил он задумчиво. – Сильная воля плюс сострадание – отличный рецепт, чтобы накликать беду на собственную голову.

– Что с Мелони? Что ты сделал с ней?

Сильвион усмехнулся:

– Боюсь, ты никогда не догадаешься, даже если потратишь на это остаток своей короткой жизни. – Он покачал головой. – В действительности всё очень плохо. Ведь она мне нравилась. Нам было хорошо вместе.

Майлз хотел знать лишь одно:

– Она жива?

– Я ведь сказал, ты никогда не узнаешь. Даже тогда, когда окажешься там, куда ты сейчас отправишься.

Смысла последних слов Сильвиона Майлз не понял, да и не пытался.

Смотря прямо в глаза Сильвиону, он бросил с презрением ему в лицо:

– Мне всё равно, что с тобой произошло: может быть, ты рехнулся, может быть, ещё что... Но клянусь, если ты погубил мою сестру, я убью тебя. – Он и не подозревал никогда, что способен на такое, но сейчас гнев обжёг и ослепил его. – Ну, ты скажешь или нет, что с ней произошло?!

Вздыхнув, Сильвион отрицательно покачал головой:

– Нет.

Майлз захлебнулся от презрения и вцепился двумя руками в ворот зелёного альпинистского костюма Сильвиона. Глаза Сильвиона яростно сверкнули. На миг в них мелькнуло не то любопытство, не то невольное уважение. Затем он вновь вздохнул и слегка улыбнулся.

– И ты собираешься меня убить?

– Послушай, ты... – Майлз наклонился и...

– Что?

Майлз зажмурился. Его обожгло дымом из горелки, который поднимался ему прямо в лицо.

– Ты...

“Что со мной? Как странно! Почему так кружится голова?”

Вокруг Майлза всё зашаталось, а в глазах потемнело. Он почувствовал сильный приступ дурноты.

– С тобой что-то не так? – Голос Сильвиона доносился откуда-то издалека.

Этот аромат! Дым поднимался ему в лицо, и теперь...

– Что ты со мной сделал? – Майлз задыхался.

Он отшатнулся назад, но слишком поздно. Ноги больше не держали его, тело куда-то уплывало, а перед глазами, ослепляя, вспыхивали искры. Он натолкнулся на кровать и падал... падал, напрасно пытаясь уцепиться за что-либо руками. Губы онемели.

Где-то вдали голос Сильвиона спокойно сказал:

– А я чуть было не подумал, что из-за тебя у меня могут быть неприятности. Но я ошибался. Ты просто обычный мальчишка. Слабый, бессильный – как и все. И как лишь тебе пришло в голову биться со мной? С моими подданными?!

“Неужели я умираю? – думал Майлз. – Я теряю своё тело, не могу видеть, не могу пошевелиться...”

Голос Сильвиона звучал всё дальше и дальше:

– Как ты посмел прийти сюда и напасть на меня? Как тебе могло прийти в голову, что ты одолеешь меня? Несчастный! Ну, ничего, ты скоро узнаешь, что происходит с теми, кто пытается помешать тайным силам. Тебя научат...

Голос затих. Осталось лишь какое-то шипение, и вокруг

– бесконечная темнота.

“Мелони, мне так жаль, что...”

Мысль оборвалась.

Глава 4

Майлз спал. Он понимал, что спит, и это было удивительно, но ещё более странным казалось то, что сон, который он видел, не был простым сном. И он знал это. Это видение было ему... послано. Подсознательно он пытался отыскать объяснение тому, что с ним происходит, и даже во сне испуганно оглядывался вокруг. Туман. Повсюду сплошной туман. Вокруг него извивались белые клубы, похожие на грациозных змей или джиннов из бутылки. В тумане мелькали чьи-то тёмные тени, он улавливал их краем глаза, но стоило ему повернуться к ним, и они пропадали. Его руки покрылись мурашками. И не холодное прикосновение тумана было тому причиной.

Виной тому был едва слышный голос, от звука которого у него волосы вздыбились.

Чей-то еле различимый голос орал вновь и вновь:

– Кто ты? Кто?

“Мне нужна передышка, – подумал Майлз. Он принялся вертеть головой, стараясь избавиться от болезненного покалывания в области шеи. – Всё это слишком... слишком... напоминает фильм ужасов. Неужели теперь мне постоянно будет это сниться?”

И тут он совсем запаниковал. Из тумана к нему что-то

приближалось, и очень быстро. Он повернулся, готовый к битве. И тогда вокруг всё стало меняться.

Туман рассеивался. Он увидел фигуру, тёмный силуэт. Мелони! Но надежда исчезла так же быстро, как и появилась. Это была девушка, но, судя по фигуре и по движениям, совсем ему незнакомая.

Она тяжело дышала и отчаянно звала кого-то:

– Где ты? Где?

“Ага, – подумал Майлз, – значит, кричали вовсе не “кто ты?”, а “где ты?” “.

– Где ты? Майлз! Где?

Как странно – она звала его по имени. Майлз в удивлении ахнул. На звук его голоса девушка обернулась и увидела его. И замерла. Туман почти полностью рассеялся, и он смог разглядеть лицо незнакомки. Девушка смотрела на него удивлённо и радостно.

– Майлз, – прошептала она.

Майлз окаменел. Он не знал её. И точно никогда не видел её раньше. Но она смотрела на него так, словно он для неё был всем в этом мире. Она искала его долгие годы, почти отчаялась и наконец нашла. От изумления Майлз не мог двинуться с места. И вдруг незнакомка, придя в себя, стремительно подошла к нему и нежно обняла. Обняла так, будто имела право обнимать его и ей нужно было убедиться, что он настоящий.

– Получилось! Я пробилась, – выдохнула она.

Девушка была потрясающе красива. Таких он никогда не встречал.

Атлетически сложенная, стройная, она была на голову выше его. Светлые, прямые, слегка разлохмаченные волосы. Бледное лицо, едва выступающие высокие скулы. Изгиб губ, который мог быть надменным и властным, сейчас был мягким и печальным. И бесстрашные глаза с красным оттенком. Её глаза приковывали к себе, а лицо уже через миг стало казаться ему знакомым. Нет, всё-таки он никогда раньше не видел её. Он бы вспомнил.

Майлз совсем не испугался её. В её багровых глазах, обрамлённых длинными чёрными ресницами, было много нежного беспокойства и мольбы.

– Послушай. Я знаю, ты ничего не можешь понять. Извини. Так трудно было сюда пробиться... у нас почти нет времени.

Совсем сбитый с толку, Майлз машинально ухватился за последние слова:

– Пробиться? Что это значит?

– Неважно. Майлз, тебе нужно покинуть это место. Понимаешь? Как только ты проснёшься, тебе нужно уходить отсюда.

– Уходить откуда?..

Майлз был озадачен. Он же просто спит. Значит, что-то случилось перед тем, как он уснул. Но где это случилось? Надо вспомнить... Что-то произошло... с Мелони... Он вол-

новался о ней...

– Моя сестра! – выпалил вдруг он. – Я искал мою сестру. Я должен найти её. – Нет, ему не удавалось вспомнить, почему он искал её.

Багровые глаза помрачнели.

– Сейчас не время думать о ней.

– Ты знаешь что-либо...

– Майлз, главное, чтобы ты благополучно выбрался отсюда. А для этого тебе нужно бежать, как только ты проснёшься. Я покажу тебе дорогу.

Она повела рукой, и Майлз вдруг ясно увидел далёкий пейзаж, спроецированный на экране тумана.

– Сразу за огромной нависающей скалой есть тропа. Ты видишь её?

Майлз пожал плечами. При чём тут тропа? Он вообще не узнавал этого места.

Вероятно, это где-то в горах и, судя по скудной растительности, на очень большой высоте.

– Сначала тебе нужно найти место, где три остроконечные вершины наклонены друг к другу. Видишь? Затем погляди вниз, и ты увидишь нависшую скалу. Она выглядит как гребень волны.

Она говорила таким настойчивым и требовательным тоном, что Майлз поневоле ответил:

– Вижу. Только...

– Запомни. Найди. Иди и не оборачивайся. Главное, что-

бы тебе удалось выбраться отсюда, остальное неважно.

Она побледнела, и лицо её застыло, будто высеченное из льда.

– Пусть целый мир падёт в руинах, лишь бы ты не пострадал... Ты – единственный, кого я люблю.

Наклонившись, она поцеловала его. Всего-то скромный поцелуй в щеку. Он почувствовал её тёплое дыхание, лёгкое прикосновение губ и неожиданную дрожь в них от переполнявшего её сильного чувства: то ли страсти, то ли щемящей, мучительной тоски.

– Я люблю тебя, – прошептала она, касаясь губами его щеки. – Я любила тебя. Помни это всегда.

У Майлза голова пошла кругом от смущения. Он совсем ничего не понимал.

Ему следовало бы отпихнуть незнакомую девушку. Однако ему не хотелось.

Он не понимал, что с ним происходит, и это его пугало. Но её он не боялся. В её объятиях ему было так спокойно, он чувствовал себя защищённым, словно полностью принадлежал ей.

– Кто ты? – прошептал Майлз.

Но прежде чем она успела ответить, всё снова изменилось. Туман вернулся.

Разом упала белая завеса, всё смешав и погрузив в безмолвие. Тёплые, сильные руки, обнимавшие Майлза, оказались бесплотными и сотканными из полупрозрачной дымки.

– Погоди... – услышал он свой испуганный голос, приглушённый перламутровым покрывалом.

Однако незнакомка исчезла. И он тщётно всматривался в бесконечный белый туман.

Глава 5

Майлз постепенно пробуждался от сна. И пробуждение было мучительно тяжёлым.

“Должно быть, я заболел”, – думал он.

Другого объяснения его состоянию не находилось. Тяжесть и слабость во всём теле, в голове стучало, суставы ломило. Он хрипло дышал, во рту совсем пересохло, и язык прилип к нёбу.

“Мне что-то снилось”, – пытался собраться с мыслями Майлз.

Но разрозненные обрывки воспоминаний всё время ускользали от него... Что это было? Туман? Незнакомая девушка... Ему казалось крайне важным вспомнить сон, но он никак не мог сосредоточиться. Кроме того, его мучила другая, более прозаическая проблема – жажда. Он просто умирал от жажды.

“Мне нужен стакан воды...”

Ему стоило невероятных усилий поднять голову и открыть глаза. Но когда он справился с этим, его сознание мигом прояснилось. Это не его комната, а маленькое, тёмное, душное помещение, которое тряслось, будто по кочкам, и от каждого толчка его кидало вверх-вниз и из одной стороны

в другую. Всё это сопровождалось ритмичным постукиванием, которое ему что-то напоминало. Под щекой он ощутил шероховатую поверхность некрашеного дерева. Потолок и стены были из таких же старых, посеревших досок. Что это за помещение, такое маленькое и сколоченное из досок?..

“Это не помещение, – осенило его, – это повозка. Точнее, крытая деревянная телега”.

Он догадался об этом и понял причину ритмичного цоканья. Это стучали лошадиные подковы.

“Нет, не может быть. Очень невероятно!.. Я болен, у меня глюки”.

Но всё вокруг было даже чересчур реальным. Он действительно находился в деревянной повозке, которую по неровной грунтовой дороге везли лошади.

Поэтому и трясло.

“Итак, что же происходит! И что я делаю тут? Где я уснул?”

Память полыхнула молнией, и он вздрогнул. Сильвион! Аромат трав...

“Мелони... Мелони погибла... нет! Она не погибла. Сильвион врёт. Но он сказал, мне никогда не узнать, что с ней произошло. Он отравил меня ядовитым дымом”.

Майлз был доволен, что ему удалось воедино сложить обрывки воспоминаний. Даже если всё остальное совсем непонятно, теперь у него были факты, за которые он мог зацепиться.

– Ты проснулся? – раздался чей-то голос. – Наконец-то. Мальчишка говорит, ты спал больше суток.

Майлз приподнялся, опираясь на локти, чтобы увидеть, кто обращается к нему. Это был парень с лохматой русой шевелюрой, резкими чертами лица и жёстким, решительным взглядом. Он был примерно одного возраста с Майлзом. За ним сидел маленький мальчик лет семи–восьми, очень хорошенький, худенький, с коротко стриженными тёмными волосами под синей бейсболкой. Мальчик выглядел очень испуганным.

– Кто ты? – пробормотал Майлз невнятно, его язык распух от жажды. – Где я? И что происходит?

– Ха! Ты скоро узнаешь, – ответила русоволосый.

Майлз огляделся. В телеге находился ещё и четвёртый парень. Он свернулся в позу эмбриона в углу, глаза его были закрыты. Майлз соображал медленно и с трудом, но попытался собраться.

– Как это – я спал больше суток?

Русый пожал плечами:

– Это он так говорит. А мне почём знать? Они поймали меня только пару часов назад. Мне почти удалось выбраться отсюда, но тут они схватили меня.

Майлз уставился на него. На худой щеке парня кровоточил свежий порез, а губы были разбиты.

– Выбраться – откуда? – переспросил он тихо, а когда никто не ответил ему, опять заговорил: – Послушайте, я Майлз

Нил. Я не знаю, где мы и что я тут делаю. Но последнее, что я помню... парень, которого звали Сильвион. Он меня усыпил. Сильвион Уил. Кто-нибудь его знает?

Русый сощурил серые глаза и молча разглядывал Майлза.

Парень в углу не шевельнулся, а мальчишка в бейсбольной кепке поёжился и захныкал:

– Ну, кто-нибудь, поговорите со мной!

– Ты правда не понимаешь, что происходит? – отозвался наконец русый.

– Я бы не стал спрашивать, если б знал!

Молча посмотрев на Майлза, парень проговорил с мрачным злорадством:

– Тебя продали в рабство. Ты – раб.

Абсурдность этой фразы невольно рассмешила Майлза. Но этот смех отозвался резкой головной болью, а черноволосый мальчик вздрогнул. И при виде его испуганного лица улыбка сползла с лица Майлза.

– Кончайте шутить! Рабов нет!

– Есть! Тут есть. – Русый криво усмехнулся. – Но держу пари, ты даже не представляешь, куда попал.

– В штат Вашингтон... – начал Майлз и осёкся, почувствовав, как у него задрожало в животе.

– Ничего подобного! Или... ну, допустим, пусть так. Это не важно. Возможно, это и штат Вашингтон... Но в действительности мы – в аду.

Майлз стал терять терпение:

– Хватит лгать!

– А ты глянь в щель.

Между досками и впрямь было полно щелей, через которые пробивался бледный свет, тускло освещавший телегу. Подтянувшись, Майлз зажмурил один глаз и приник к большой щели. Сначала он почти ничего не увидел.

Повозку трясло, и было трудно что-нибудь разобрать. Но ему показалось, что окружающий мир вдруг лишился всех красок. Он видел лишь белый или глухой чёрный цвета. Постепенно ему удалось разглядеть, что белым было затянутое облаками небо, а чёрным – гора. Большая гора, и так близко, что он мог бы дотянуться до неё рукой. Гора возвышалась на фоне белого неба, её склоны, покрытые деревьями, казались не зелёными, а чёрными и буквально тонули в тумане. Вся вершина терялась в облаках. Рядом другая гора, точно такая же. Майлз передвинулся к другой щели, чтобы получить более широкий обзор, но неприступные отвесные скалы окружали её с каждой стороны.

Они... выглядели пугающе. Майлз знал горы и любил их, но эти отличались от тех, что он видел раньше. Холодные, неприветливые и окутанные плотным туманом. Казалось, тут полно привидений, которые то появляются, то исчезают с еле слышным завыванием. Похоже на другой мир. Майлз тяжело опустился на пол, затем медленно повернулся и посмотрел на русоволосого парня.

– Где мы? – спросил он полушёпотом.

К его удивлению, парень больше не стал насмехаться над ним.

Он уставился в даль невидящим взглядом, обращённым в воспоминания, и тоже прошептал в ответ:

– В самом потаённом месте Ночного Мира.

Майлз почувствовал, как сырой туман проникает через его одежду.

– Какого Мира?

– Ночного Мира. Это – своего рода организация. Знаешь, для этих...

Майлз тупо смотрел на него.

– Э... для них. Для всякого рода нечисти...

Горло Майлза перехватило. Он и сам не знал, что на него подействовало больше: то, что его заперли с чокнутыми, или то, что он начинал верить в их рассказы. Как бы то ни было, он испугался и не смог выдать ни звука в ответ. А русоволосый тип сощурил глаза и злобно усмехнулся.

– Вампирши, – продолжил он, смакуя каждое слово, – оборотни, колдуны...

Сильвион! Он – колдун. Майлз не понимал, что натолкнуло его на эту мысль, – он никогда не верил в существование колдунов, но само слово стучало в голове, как несущийся вниз водопад, приобретая всё большую очевидность. Курящийся фимиам, фиолетово-красный отблеск в глазах... да и Мелони изменилась после встречи с ним – втюрилась в него по уши и даже прекратила звонить домой, словно её

заговорили, околдовали, лишили собственной воли...

“Ах, Мелони! Ну почему я раньше не догадался?.. Конечно, умным меня не назовёшь, но зато я всегда хорошо разбирался в людях. Как я мог так промахнуться! Куда ушла моя проницательность?!”

Несмотря на хаос в голове, Майлз продолжал прислушиваться к странным словам парня.

– Обычно они живут возле нас в наших городах, притворяясь людьми. Но недавно они обнаружили эту долину. Она особенная и существует уже сотни лет, но никто не знал о ней. Долина, окружённая горами и окутанная туманом, заколдована. В горах есть тропа, достаточно широкая, чтобы могла проехать телега, но только Обитатели Ночи видят её. Мы в Тёмном Королевстве.

Майлз был потрясён. Тёмное Королевство – вполне подходящее название тому, что он видел снаружи. Невозможно представить себе эту местность, залитую ярким светом солнца. Таинственные духи тумана оберегали зачарованную долину, укрывая её мерцающим серебристо-белым покрывалом.

– Ты хочешь сказать, что мы все теперь... Их рабы? Но вы-то как сюда попали?

Поскольку русский явно не собирался отвечать, Майлз перевёл взгляд на черноволосого малыша.

Мальчик заёрзал, сглотнул и заговорил пискляво:

– Меня зовут Ли Джо Пенобско. Я был... всё произошло

во время Хэллоуина. Меня похитили. – Он опустил голову, и Майлз обратил внимание на то, как тот был одет: голубо–серый вязаный свитер и безрукавка. – Я играл в игровые автоматы, – продолжал мальчуган, – пока не потратил все карманные деньги и надо было идти домой. Погода испортилась. Мы с Арнеллой, моей подругой, переходили улицу... и вдруг остановилось авто... – Он всхлипнул.

Майлз положил руку ему на плечо:

– Держу пари – ты отлично играл в игровые автоматы.

Ли Джо печально улыбнулся:

– Спасибо. – Затем его маленькое лицо сморщилось, а глаза наполнились слезами. – Арнелла убежала, а меня схватила какая-то тётка. Я пытался укунить её в руку, но она зажимала мой рот ладонью. Посмотрела на меня и впихнула в тачку. Ужас, какая сильная!

– Профессиональная работорговка, – определил русский. – Я видел двух. Они обе профи. Потому и глядят на лица – выбирают. Выгоднее добывать красивых рабов.

Майлз в удивлении уставился на него и опять повернулся к Ли Джо:

– А что было затем?

– Они накинули мешок на мою голову. Я и орал, и дёргался, и отбивался изо всех сил – и вдруг уснул. А когда проснулся... – Он не по-детски тяжело вздохнул и посмотрел на свои тонкие руки. – Я был прикован к кровати, и совсем один. На следующий день они принесли его. – Он кив-

нул на спавшего в углу парня.

Майлз посмотрел на того. Парень вообще не шевелился, лишь его тело сотрясалось от толчков телеги.

– С ним всё нормально?

– Он болен. Он уже долго лежит – дней пять – и пока ни разу не просыпался. Наверное, ему плохо, – обречённо произнёс Ли Джо. – Они приходили, оставляли еду. А вчера они принесли тебя.

– Как на склад? – попытался сострить Майлз.

Ли Джо серьёзно кивнул:

– Ага. Ты тоже спал. Но я не знаю, что было после. На меня вновь накинули мешок. А когда я проснулся, то оказался в фургоне.

– Они используют фургон для перевозки рабов лишь до потайной тропинки, – пояснил русоволосый. – Затем нас перекладывают в повозку. Люди в этой долине никогда не видели тачек.

– И ты хочешь сказать, что я всё это проспал?

Ли Джо кивнул, а русский добавил:

– Может, тебе дали большую дозу наркотика. Они стараются держать всех под кайфом, чтобы никто не оказывал сопротивления.

Майлз прикусил губу. Может быть, Сильвион вовсе не ходил в горы с Мелони?

– Ли Джо, а других рабов ты не видел? Ты не видел тут девушку? – Он пошарил рукой в кармане куртки и вынул из

неё фото Мелони. – Вот. Кого-нибудь похожую на неё?

Ли Джо внимательно посмотрел на фото и покачал головой:

– Я не видел её раньше. Она похожа на тебя.

– Это моя сестра Мелони. Она тоже пропала во время Хэллоуина. Я подумал, может... – Майлз протянул фото русому.

– Нет. Не видел.

Майлз разочарованно взглянул на него. Говорит о всяких ужасах, а ничего толком не сообщит.

– А ты? Ты как сюда попал?

Парень фыркнул:

– Я ведь говорил. Попытался убежать, – он нахмурился, – и почти добрался до тропинки, но они поймали меня и запихнули сюда. Мне нужно было спровоцировать их, чтобы меня убили.

– Прекрати. – Майлз посмотрел на Ли Джо, давая понять, что не стоит напрасно пугать ребёнка. – Не так уж всё и плохо.

Русый почему-то не разозлился.

– Всё гораздо хуже, – отозвался он шёпотом, – погоди, скоро узнаешь.

Майлз почувствовал, что его волосы вздыбаются.

– О чём ты?

Серые глаза парня мрачно сверкнули.

– Обитателям Ночи надо питаться. Конечно, они могут

есть и обычную еду и пить воду. Но вампиршам нужна кровь, а оборотням необходима живая плоть. Допёрло?

Майлз окаменел. Он уже больше не думал о том, как бы не напугать Ли Джо.

Он сам был смертельно напуган.

– Мы для них рабы, но мы также и запасы продовольствия. Живая еда, которая хранится длительное время, несмотря на многократное использование.

Майлз втянул голову в плечи и сжал кулаки.

– Тогда мы должны бежать! – решительно сказал он, стискивая челюсти.

Русоволосый рассмеялся так громко и горько, что Майлза передёрнуло.

И он обратился к Ли Джо:

– Ты хочешь бежать?

– Оставь его! – крикнул русский. – Ты не понимаешь, что несёшь! Мы всего-то люди, а они – Обитатели Ночи. Мы ничего не можем с ними сделать, ничего!

– Но...

– А ты знаешь, что они делают с теми рабами, которые пытаются бежать? – Русский резко повернулся спиной к Майлзу.

“Разве я обидел его?” – удивился Майлз.

Парень оглянулся через плечо, заводя руку назад, чтобы захватить подол рубахи.

По его непроницаемому, ничего не выражавшему лицу невозможно было догадаться, о чём он думает, но Майлз за-

нервничал:

– Что ты делаешь?

Странно усмехнувшись, русский резко дёрнул рубаху вверх, оголяя спину. На его спине... были полосы от ножа, ещё не затянувшиеся. Майлз поперхнулся.

Ему не хватало воздуха. Его начало тошнить. В глазах потемнело. Резко отшатнувшись, он стукнулся головой о стенку телеги. Голова закружилась.

– Господи! – произнёс шокированный Майлз. – Что они с тобой сделали! Как они могли такое сделать?

– Ерунда! – отмахнулся парень. – Тогда я пытался бежать впервые. Теперь я опять бежал – и меня опять поймали. На этот раз будет пострашнее. – Он отпустил рубаху, и та скользнула вниз, закрывая исполосованную спину.

Майлз постарался глотнуть, но во рту было очень сухо. Не осознавая, что делает, он схватил парня за плечи.

– Как тебя зовут?

– Кто зовёт...

– Как тебя зовут?

Русый в удивлении посмотрел на Майлза и пожал плечами:

– Джин.

– Джин! Их нужно остановить. Нельзя допустить, чтобы над людьми так издевались. Мы должны бежать. Если они и без того накажут тебя за побег, почему бы не попытаться снова? Тебе не кажется?

Майлзу понравилось, как прозвучали его собственные слова – спокойно, разумно и логично. Стремительное решение действовать, конечно, не вычеркнет из памяти того, что он видел, но он не будет сложа руки дожидаться своей участи. Раз уж он столкнулся с несправедливостью, то должен был её исправить. Всё просто. Преступление должно повлечь за собой наказание, и незамедлительно. И вдруг Майлза вырвало. Джин кинул на него убийственный взгляд. А Ли Джо стал хлюпать носом. Майлз облегчил желудок.

Джин пристально посмотрел на него:

– Значит, ты собираешься расправиться с целым Ночным Миром один?

Майлз вытер рот рукой.

– Нет, но с теми, кто живёт тут.

Джин изучающе смотрел на него некоторое время, затем резко выпрямился.

– Ладно, – кивнул он. Это прозвучало так неожиданно, что Майлз растерялся. – Давай! Но как?

Майлз махнул рукой в конец телеги:

– А там что за двери?

– Закрыты и заперты снаружи. Биться в них смысла нет.

Вдруг Майлз вспомнил, как они с Мелони и с дедой катались по озеру в лодке. Дети баловались и раскачивали лодку, а деда сердился и орал на них.

– Давайте навалимся разом на одну сторону, а затем на вторую. Если мы сумеем перевернуть телегу, может, двери

и откроются. Знаете, даже бронированные тачки переворачиваются. А может быть, стена отвалится и мы выберемся отсюда...

– ...и свалимся вниз в ущелье, – едко вставил Джин, – тут глубокий обрыв, а дорога узкая. – Но в его глазах мелькнуло уважение. – Думаю, мы можем рискнуть, когда выедем на поляну, – продолжил он медленно. – Я знаю это место. Я не говорю, что твой план удастся, – скорее всего, нет, но...

– Мы должны попытаться, – решительно заявил Майлз, смотря Джину прямо в глаза.

В этот миг что-то случилось между ними – они поняли друг друга и договорились о согласии. Установилось взаимопонимание.

– Как только мы выберемся отсюда, нужно будет бежать. Они сидят там сверху. – Джин показал на потолок в передней части повозки, как раз над головой Майлза. – Телега похожа на почтовую карету. Там на козлах сидят двое. Не думаю, что работорговки позволят нам бежать.

– Но когда мы перевернём повозку, они упадут и разобьются, – сказал Майлз.

Джин отрицательно покачал головой:

– Твари Ночи живучие. Их так просто не убить. Нам нужно будет бежать в лес, да так быстро, как мы лишь можем. Наш единственный шанс – спрятаться среди деревьев и надеяться, что они не смогут выследить нас.

– Хорошо, – согласился Майлз и посмотрел на Ли Джо. –

Как ты думаешь, ты сумеешь сделать это? Просто бежать?

Ли Джо два раза глотнул, прикусил губу и кивнул. Затем решительно перевернул свою бейсбольную кепку козырьком назад.

– Я хорошо бегаю.

Майлз одобрительно кивнул. Затем он посмотрел на четвертого парня – того, что всё время спал, свернувшись эмбрионом. Наклонившись, Майлз потянулся рукой к его плечу.

– Забудь об этом, – коротко сказал Джин, – мы не сможем взять его.

Майлз поднял на него глаза.

– Как ты можешь так говорить? – возмущившись, спросил он. – Почему нет?

Глава 6

– Потому что это бессмысленно. Считай, он уже мёртв. – Лицо Джина стало вновь таким же непроницаемым, как и в начале беседы.

– Но...

– Ты что, не понимаешь? С ним быстро не побежишь. Он же не может бежать без посторонней помощи. И кроме того, Ли Джо говорит, он слепой.

Слепой! Дыхание Майлза перехватило. Как страшно оказаться в таком положении, будучи, помимо прочего, больным и слепым! Майлз осторожно потянул парня за плечо, стараясь заглянуть в его лицо. А он красавец! У парня была

светлая кожа, красивые черты лица, низкие скулы и совершенные губы. Его белые волосы были длинными и собраны в хвост. Глаза закрыты.

Короткие ресницы подрагивали, словно ему что-то снилось. В нём было нечто большее, чем просто физическое совершенство. Его лицо наполняли одухотворённость, мягкость и спокойствие, которые казались... сверхъестественными.

– Эй, послушай, – позвал Майлз, – ты меня слышишь? Я Майлз. А тебя как зовут?

Ресницы парня затрепетали, и губы приоткрылись. К удивлению Майлза, он что-то прошептал. Майлзу пришлось наклониться к нему, чтобы расслышать.

– Аркадий? – переспросил он.

Странное имя... Майлз не был уверен, что правильно расслышал его. Кивнув, парень снова что-то прошептал.

“Он меня слышит! Он мне отвечает!”

– Хорошо. Можно я буду называть тебя Кэдом? Слушай меня, Кэд. – Майлз слегка потряс плечо парня. – Мы попали в плохое место, но мы постараемся убежать. Если мы поможем тебе выбраться, ты сможешь бежать?

И опять ресницы вздрогнули. Затем Аркадий открыл глаза.

“Глаза то чёрные, как сама ночь!” – изумился Майлз.

Они были маленькими и словно сияли светом изнутри. Может, парень и был слепым, но у Майлза возникло ощущение

ние, что его никто и никогда не разглядывал так, как Кэд.

– Я постараюсь, – прошептал Кэд, его голос звучал глухо и болезненно, но говорил он вполне разумно. – Иногда я чувствую в себе достаточно сил, но недолго. – Он приподнялся, и Майлз помог ему сесть.

“Он высокий. И такой тяжёлый... У меня хорошая мускулатура! Я смогу поддержать его”.

– Ну что ты делаешь?! – Джин не просто был раздражён, он пришёл в ужас. – Совсем ничего не соображаешь?! Ты всё испортишь. Лучше бы ты его не будил.

Майлз пригвоздил его взглядом:

– Значит, так. Я не знаю, что у тебя на уме, но мы никого тут не бросим. Тебе бы хотелось, чтобы тебя бросили? А если бы на его месте оказался ты?

Лицо Джина изменилось. Он стал похожим на загнанное дикое животное.

– Я бы понял, – огрызнулся он, – так и должно быть. Тут царит закон джунглей. Лишь сильные выживают. Слабые... – Он покачал головой. – Им лучше умереть. И чем быстрее ты поймёшь это, тем больше у тебя шансов остаться в живых.

Майлза переполняли возмущение, злость... и страх. Джин наверняка прекрасно знал этот мир, и он, скорее всего, был прав. Их всех могут поймать из-за одного слабого человека, которому всё равно не спастись...

Обернувшись, он вновь посмотрел на красивое лицо Аркадия. Ему всего около двадцати лет. Конечно, он слышал

слова Джина, но он не возражал и не спорил. Спокойная мягкость его лица не изменилась.

“Я не могу оставить его. А что, если Мелони жива и лежит где-нибудь раненая, а ей никто не поможет?”

Майлз скользнул взглядом на Ли Джо, который не расставался со своей бейсболкой, надетой задом наперёд. Он очень маленький... Может, он и сам справится. Но это предел его возможностей.

– Послушай, это не твоя проблема, – приняв окончательное решение, категорично произнёс Майлз. – Ты просто можешь Ли Джо выбраться отсюда, ладно? Ты позаботишься о нём, а ответственность за Кэда я беру на себя.

– Вас с Кэдом поймают.

– Не переживай об этом.

– А я и не переживаю. Но говорю тебе сразу, я не собираюсь помогать тебе, когда ты попадёшь в беду.

– А я и не прошу, – ответил Майлз, смотря прямо в сердитые глаза Джина, – я и не собирался лишать тебя шанса на побег. Но я не брошу его тут.

Ещё миг Джин хмурился, затем равнодушно пожал плечами. Он замкнулся.

Их дружба с Майлзом продолжалась совсем недолго, и теперь ей пришёл конец. Отвернувшись, Джин посмотрел в щель между досок.

– Превосходно, поступай как знаешь, – безразлично произнёс он. – Но лишь действовать нужно немедленно. Мы как

раз в нужном месте.

– Все готовы? – спросил Майлз.

Парни поднялись, вернее, согнулись (поскольку не хватало высоты, чтобы выпрямиться в полный рост) и упёрлись спинами в стены телеги. Джин и Ли Джо с одной стороны, Майлз – с другой.

– Когда я скажу: “Начали”! – вы подпрыгнете. А затем мы все навалимся на ту стенку, – прошептал Майлз.

Джин прильнул глазом к щели:

– Ладно. Давайте!

– Начали! – скомандовал Майлз.

Он немного волновался, что Ли Джо не успеет отреагировать на его слова. Но в то мгновение, когда команда слетела с губ Майлза, Джин ринулся через всю телегу к противоположной стене и тяжело ударился в неё всем телом, а Ли Джо разбежался и полетел за ним. Телега качнулась на удивление сильно, и Майлз услышал треск разошедшегося дерева.

– Назад! – крикнул он, и все навалились на противоположную сторону.

Майлз с размаху врезался в твёрдую поверхность стены и понял, что без синяков не обойдётся, но зато телега снова затрещала.

– Ещё! Ещё! – кричал он, чувствуя, что его помощники уже двинулись за ним, кидаясь всей тяжестью на противоположную сторону абсолютно синхронно.

Подчиняясь стадному инстинкту, все они, как единое су-

щество, кидались на стены телеги. Телега раскачивалась, скрежетала и шаталась, теряя равновесие. Это было похоже на фокус, который ребята часто показывают на вечеринках, когда несколько человек поднимают вместе кого-то на стуле, держа его лишь двумя пальцами. Их объединённая сила впечатляла, но её было недостаточно, чтобы перевернуть телегу. Майлз понимал, что в любое мгновение работорговки могут спрыгнуть с козел и тогда всему конец.

– Все разом навались! Сильнее! Ещё сильнее! – орал он так, словно подбадривал свою футбольную команду. – Мы справимся! И ещё раз!

И он ринулся в ту сторону, куда стала накреняться телега. Подпрыгнув настолько высоко, как мог сам, Майлз врезался в стену, когда та достигла крайней точки крена. Он услышал, как другие мальчики ударились в стену вместе с ним и как Джин заорал, влетев в деревянные доски. И тут послышался треск – на удивление, громкий да продолжительный – и раздалось испуганное ржание лошадей. Мир закачался и стал распадаться...

Майлз почувствовал, что падает. Он не предполагал, что падение будет таким долгим. Вокруг всё спуталось и перемешалось. Пол под ним исчез, и его поглотил оглушительный ревущий хаос, треск, визг и темнота. Он всё кувыркался и кувыркался попеременно с чужими конечностями, которые сильно били его. Чьё-то колено двинуло ему по носу, и боль на пару минут вытеснила все остальные чувства. И вдруг на-

ступила полная тишина.

“Наверное, я всех нас убил”, – решил Майлз.

Затем он увидел дневной свет – бледный и слабый. Телега перевернулась вверх дном, и распахнутые двери болтались на петлях, открывшись от удара.

В кино так переворачиваются бронированные тачки. Снаружи кто-то истошно голосил. Женщина. Майлз никогда раньше не слышал такого злобного гнева в голосе. Это стряхнуло последнюю паутину с его сознания.

– Идём! Нужно отсюда выбираться!

Джин уже карабкался по полу (точнее, по тому, что прежде было потолком) к болтающимся дверям.

– Ты в норме? Вперёд, вылезай! – крикнул Майлз Ли Джо.

Испуганное, бледное лицо повернулось к нему, и мальчик послушался. Кэд лежал без движения. Майлз не стал тратить время на болтовню, а подхватил его под мышки и выволок на свет. Оказавшись снаружи, он краем глаза заметил, как убегает Ли Джо и как Джин машет ему рукой. Затем он постарался сориентироваться, где же они находятся. Майлз увидел опушку леса, кроны деревьев в клубках тумана, их вершины тонули в белой мгле.

“Туман, – промелькнуло в его голове. – Я вспомнил...”

Однако миг узнавания был кратким и сразу оборвался. А Майлз уже нёсся к лесу, волоча на себе Аркадия. Равнина, по которой они бежали, была субальпийской поляной. Майлз часто встречал такие в походах. Весной она превратится в

восхитительный букет синих люпинов и розовых настурций. Но сейчас она была только спутанным ковром из старой травы, которая цеплялась за ноги и мешала бегущим.

– Они убегают! Хватай их! – раздался грубый крик за спиной.

“Не оборачивайся, – приказал себе Майлз. – Не замедляй бег”.

И всё-таки мальчик оглянулся, украдкой кинув взгляд через плечо, и увидел, что произошло с телегой. Она упала с узкой тропинки и скатилась по склону горы. Узникам повезло, что их остановила торчавшая из земли чёрная каменная глыба. Майлза удивило, насколько сильно была разбита телега: она напоминала смятый спичечный коробок. Кони запутались в поводьях. Один из них упал и яростно бился, пытаясь встать.

Совість кольнула Майлза:

“Жалко коня. Надеюсь, он не сломал себе ноги”.

Двое женщин карабкались по склону. Они орали, а одна из них показывала прямо на Майлза.

“Беги. Перестань пялиться. Беги!”

Ещё миг – и он скрылся в лесу, волоча за собой Кэда. Надо найти место, где спрятаться: под кустами или, может быть, им удастся влезть на дерево... Но стоило только посмотреть на Кэда, как сразу стало понятно, что эта миссия невыполнима. Белое лицо парня блестело от пота, его глаза были наполовину прикрыты, грудь тяжело вздымалась.

“Ладно хоть Джин и Ли Джо убежали”, – подумал Майлз.

За спиной раздался хруст веток, и сильный голос грязно выругался.

Оглянувшись, Майлз увидел одну из работороговок. Жуткая особа. Туман, клубясь вокруг неё, придавал ей зловещий и сверхъестественный вид. Она была огромна, с широкими плечами, большими грудями, сильными, накачанными руками и странно тонкой талией. Её лицо не выражало ничего, лишь жестокость и злобу.

– Гэвина! Двоих я поймала! – крикнула она сотоварке.

Майлз не стал слушать дальше и ринулся с места, как испуганный зверёк. Он долго бежал, будто в ночном кошмаре, и преследовательницы гнались за ним по пятам. Иногда он останавливался, не в силах больше тащить Кэда, и искал, где бы им спрятаться. Один раз он протиснулся в дупло дерева, сумел втащить туда Кэда и, не дыша, притаился там. Работороговки шли прямо на них. Майлз услышал шелест папоротника под ногами и стал молиться.

Тяжёлые удары сердца Кэда сотрясали их обоих. Губы Кэда шевелились без звука.

“Может быть, и он тоже молится”, – подумал Майлз, выглянул из дупла и вздрогнул.

Всего в паре шагов от них стояли двое. Одна из них – та, которую он видел раньше, – повела себя как-то странно. Повернувшись лицом в их сторону, она закрыла глаза, а её голова завращалась на поразительно длинной и гибкой шее.

“Она принохивается”, – ужасаясь, подумал Майлз, которого била дрожь.

Находясь пока с закрытыми глазами, здоровая спросила:
– А ты их чувствуешь?

– Нет. Совсем не чую. И я их не вижу из-за этих деревьев, – спешно произнесла её приятельница, которая была помоложе, почти девушкака.

Возможно, она и есть Гэвина. Брюнетка с толстым носом и овальным подбородком.

– Я тоже никак не могу их учуять, – медленно сказала здоровая. – И это очень странно. Они не могли уйти далеко. Возможно, они блокируют нас.

– Неважно, что они делают, – засуетилась Гэвина. – Нам бы лучше поймать их побыстрее. Они не обычные рабы. Если мы не доставим Юнца – мы пропали. Считай, что ты мертва, Берна.

“Юнца? Вероятно, там, где есть рабы, могут быть и юнцы. Но о ком она говорит? Во всяком случае, не про меня”.

– Мы поймаем его, – уверенно отозвалась Берна.

– Ага, нам бы лучше поймать его, – злобно произнесла Гэвина. – Или я расскажу ему, что это была твоя ошибка. Мы должны были всё предусмотреть, чтобы ничего не произошло...

– Пока ничего и не произошло, – прорычала Берна.

Развернувшись на пятках, она скрылась в тумане. Посмотрев в её спину, Гэвина последовала за ней. Майлз перевёл

дыхание. Губы Кэда перестали шевелиться.

– Идём. – Майлз помог ему выбраться из дупла, и они двинулись в противоположную сторону.

И вновь они бесконечно бежали да останавливались, прислушивались и прятались. Лес был ужасным местом. Их окружал пугающий мрак, который из-за тумана, лежащего во впадинах и вьющегося вокруг поваленных деревьев, казался полным привидений. Майлз словно попал в кошмарную сказку. Одно было хорошо – во влажной почве тонули звуки их шагов, и парней трудно было выследить. Всё так тихо. Ни ворон, ни серых соек. Ни оленей. Лишь сплошной туман да бесконечные деревья. Только вдруг лес закончился. Майлз и Кэд вылетели на поляну. Майлз окинул её безумным взглядом в поисках убежища. Ничего. Туман тут был прозрачнее, и он смог разглядеть, что впереди совсем нет деревьев, лишь скалы.

“Может быть, нам лучше вернуться обратно...”

Однако позади них в лесу слышались голоса. Майлз заметил выступ над скалами. Он выглядел как конец тропы, которая поворачивала на другую сторону, спускаясь вниз с горы.

“Если доберёмся туда, мы спасены, – решил Майлз. – Завернём за угол и очутимся вне поля зрения”.

Поддерживая Кэда, он направился к скалам – большим гранитным плитам, оставленным тут древним ледником. Майлз легко забрался на одну из них и наклонился.

– Дай руку, – сказал он торопливо, – наверху есть тропа, нужно лишь взобраться немного повыше.

Кэд посмотрел на него. То есть не посмотрел, а повернулся к Майлзу. И опять возникло странное чувство, что эти слепые глаза видят лучше, чем глаза многих зрячих.

– Будет лучше, если ты бросишь меня, – сказал Кэд.

– Не глупи! Скорее давай руку.

Кэд покачал головой.

– Иди, – прошептал он.

Силы полностью оставили его. Лицо ещё не утратило прежнего выражения абсолютного покоя, но теперь к нему примешивались смертельная усталость... и признательность.

– Я лишь обуза. А если я останусь тут, у тебя будет больше времени, чтобы убежать...

– Я не брошу тебя! – оборвал его Майлз. – Пошли!

Тёмные блестящие глаза Аркадия, обращённые к Майлзу, наполнились слезами нежности. Он слегка покачал головой и протянул руку Майлзу. Не теряя времени, Майлз спешно полез вверх. Он почти волоком тащил Кэда, направляя его и задыхаясь. Промедление им дорогого стоило.

Преследовательницы быстро приближались. Майлз добрался таки до края каменной насыпи и увидел нечто такое, что заставило его содрогнуться от ужаса. Никакой тропы не было. Перед ним возвышалась отвесная голая скала. А с другой стороны зиял крутой обрыв, под которым внизу распро-

стёрлось глубокое ущелье. Он завёл Кэда прямо в ловушку. Дальше идти было некуда.

Глава 7

Майлз, может, и сумел бы вскарабкаться по скале и найти другой путь... если бы он был один. Этот подъём не очень трудный – не больше третьего уровня сложности. Но на его руках был Аркадий. А втащить парня на такую скалу невозможно. Но и вернуться назад в лес тоже уже нельзя. Майлз понял, что теперь их схватят.

– Пригнись, – прошептал он Кэду.

Он обнаружил углубление в груде камней. Там хватит места для одного из них. Маловато, но всё-таки это хоть какое-то укрытие. Как только Майлз втокнул туда Кэда, он услышал крик с лесной опушки. Майлз распостёрся на скользких камнях, покрытых мхом да лишайником. Его будто выставили на показ, как ящера на стене. Всё, что он мог сделать, – это крепко вцепиться в камни и прислушиваться к приближающимся шагам преследовательниц, которые раздавались всё ближе. И ещё ближе... пока Майлз не услышал тяжёлое дыхание с другой стороны насыпи.

– Мы пропали... – начал было молодой голос Гэвины.

– Нет. Они тут. – И это, конечно, была Берна.

Затем послышался самый ужасный в мире звук. Кто-то пыхтел, влезая на насыпь.

“Мы пойманы...”

Майлз отчаянно оглядывался по сторонам, ища оружие. И

к своему удивлению, он нашёл его, будто специально оставленное тут для них. Сухая ветка застряла между камней как раз над его головой, и Майлз смог дотянуться до неё. Сердце билось сильнее. Толстый сук оказался довольно тяжёлым. Наверное, климат здесь чересчур влажный – даже обломанные ветки не сохнут.

– Сиди там тихо, – прошептал он Кэду, стараясь, чтобы ему хватило дыхания до конца этой короткой фразы. – У меня появилась идея.

Кэд выглядел очень плохо. Его красивое лицо осунулось, конечности тряслись, тело дрожало от каждого вдоха. Его белые волосы разлохматились по спине. Майлз отвернулся от него, сердце пульсировало в горле и кончиках пальцев. Теперь он смотрел лишь на вершину каменной насыпи. И всё-таки он вздрогнул от неожиданности, когда над насыпью появилась голова. Перед ним возникла светловолосая макушка, затем лоб, затем жестокое лицо. Берна! Она лезла вверх, как паучиха, подтягиваясь на пальцах. Показались её широкие плечи и большие груди. Она смотрела прямо на Майлза. Их взгляды встретились, и её губы искривились в ухмылке.

Адреналин разлился по всему телу Майлза. Ему показалось, что он, того гляди, вылетит из своего тела. Однако сознания он не потерял, только неподвижно застыл в испуге и зажал в руке палку. Берна продолжала ухмыляться. Заглянув в её чёрные, пустые глаза, Майлз не обнаружил там ничего человеческого. Она не человек.

“Она – нечто иное”, – шепнуло ему подсознание.

Берна поставила ногу на насыпь – под штанами перекатывались чудовищные мышцы – и начала подниматься, принимая угрожающие размеры и возвышаясь над парнем, как гора.

– Проваливай! – крикнул ей Майлз.

– Ты уже создал мне много проблем! – проревела Берна. – Сейчас я прочу тебя.

Майлз услышал шорох за спиной. В панике он оглянулся и увидел, что Кэд пытается встать.

– Не вставай! – прошипел Майлз.

А Кэд и не смог. Напрасно пытался он выбраться из укрытия, у него не хватило сил, и секунду спустя он упал и закрыл глаза, не подавая больше признаков жизни. Майлз успел повернуться к Берне, которая уже ринулась на него. Он выдернул палку и инстинктивно, не целясь ни в голову, ни в груди, вонзил её в небольшую ямку рядом с её ногой, превратив в своего рода капкан. Это почти сработало. Её ступня застряла под палкой, Берна потеряла равновесие и зашаталась. Не будь она такой наспигованной мышцами орангутанихой, она бы упала. Но ей удалось быстро сгруппироваться и восстановить равновесие. Майлз дёрнул палку, чтобы воспользоваться ею вновь, но Берна оказалась быстрее. Она выдернула сук из его руки, оставляя занозы в ладонях, и швырнула его вниз, как копьё. Оно сильно ударилось о скалу и отскочило. Майлз постарался увернуться, но было уже очень

поздно.

Большие руки Берны вытянулись вперёд и схватили его.

– И ты, милюзга, пытаешься сражаться со мной? – прорычала она, сдавив его своими лапами. – Со мной? Вот, гляди!

Её глаза больше не были холодными и пустыми. Они излучали дикий гнев хищницы. А потом... Её облик стал меняться. То, что увидел Майлз, могло ему лишь присниться в страшном сне. По лицу Берны побежала рябь. Длинные светлые волосы зашевелились и волнами побежали вниз подобно плесени, растущей на бревне. У Майлза от ужаса свело желудок. Он так испугался, что был еле жив, и всё же не мог отвести от неё обезумевшего взгляда. Глаза Берны стали меньше, чёрные зрачки расширились и закрыли всё глазное яблоко. Нос и рот вытянулись вперёд, а подбородок провалился. Уши заострились и переместились выше. Тело её превратилось в бесформенную глыбу. Большие плечи и тонкая талия исчезли, её длинные ноги с большими мышцами стали короткими и толстыми, будто она присела на корточки. Она всё так же крепко держала Майлза, но уже не руками, а невероятно сильными грубыми лапами с когтями. В её облике больше не осталось ничего человеческого. Она превратилась в большую бурую медведицу, и её блестящие маленькие глаза глядели прямо в глаза Майлза с хищным вождением. От неё исходил резкий аромат дикого зверя, который застревал у Майлза в горле.

“Я только что видел превращение оборотня”, – подумал

Майлз с каким-то отстранённым удивлением.

Он пожалел, что сразу не поверил Джину. А ещё больше он жалел, что подвёл Кэда... и Мелони.

“Сильвион был прав. Я обычный мальчишка, ну, может, очень упрямый”.

Внизу, возле подножия каменной насыпи, злобно хохотала Гэвина, наблюдая за происходящим, будто за увлекательной игрой. Медведица разинула жадную пасть, оголив тёмные возле основания и жёлтые на острие клыки. У неё... потекли слюни. Её лапы сгибались, притягивая его ближе к себе и...

Огненный шар! Это выглядело именно так. Майлза ослепила вспышка, яркая, как солнце, только синяя. Она потрескивала электрическими разрядами, расщепляясь и вновь концентрируясь. Синее пламя казалось живым. И оно било медведицу током. Медведица замерла, её голова откинулась назад, пасть неестественно широко распахнулась. Молния ударила её в область шеи.

Майлз услышал, как внизу Гэвина взвизгнула от ужаса. Её рот открылся так же широко, как у Берны, а взгляд был прикован к шаровой молнии. Только это была не молния. Она не взрывалась и не исчезала. Она вонзалась в Берну тысячами разрядов, ежесекундно меняя форму. Искры вспыхивали в её густой шерсти, потрескивали возле подбородка, на животе и вокруг морды.

Майлз увидел синие языки огня в глубине её пасти. Гэви-

на истошно завопила, скатилась с насыпи и кинулась прочь. Майлз не видел, куда она убежала. Ему было не до неё. Ему надо было высвободиться из лап Берны.

Он понятия не имел, что с ней происходит, но знал наверняка, что она сражена насмерть. И когда она умрёт, то свалится с горы и утащит его за собой. Он вдыхал аромат горячей плоти и палёной шерсти. Шкура медведицы дымилась. Она сгорала изнутри.

“Мне нужно что-то быстро делать”.

Он извивался и брыкался, чтобы выскользнуть из её лап, которые упорно сжимали его. Майлз отчаянно пинал и толкал медведицу, пытаясь ослабить хватку хоть на дюйм. Но всё напрасно. Его душил ковёр из шкуры медведицы, которая загорелась и отвратительно пахла. Почему молния не убила и его тоже? Не понятно. Зато нет сомнений в том, что он вот-вот погибнет, раздавленный тяжёлой палёной тушей. Он набрал в лёгкие побольше воздуха и со всей силы ударил оборотня ногой в живот. Невероятно – она отпрыгнула!

Большие передние лапы разжались. Майлз упал на скалу. Он инстинктивно растянулся на камнях, цепляясь за них пальцами, чтобы не скатиться с горы.

Медведица стояла над ним и вздрагивала от ударов молний, пронзающих её, как множество копий. Затем синее пламя исчезло так же быстро, как появилось. Медведица качнулась ещё несколько раз и рухнула, будто марионетка, у которой обрезали нити. Она повалилась обратно и полетела со

скалы. Майлз краем глаза увидел, как её тело ударяется о камни, подпрыгивает и опять ударяется. Он отвернулся и зажмурился так, что в глазах завертелись жёлтые и чёрные круги. Голова кружилась. Конечности не слушались его. Майлз никак не мог отдышаться и прийти в себя. Что же это было?! Шаровая молния спасла ему жизнь. Но она была самым кошмарным из того, что довелось тут увидеть.

“Тёмная магия! Волшебство! Если бы я снимал фильм и мне бы понадобились спецэффекты, я бы использовал этот”.

Майлз медленно поднял голову. Молния появилась с того уступа. Парень посмотрел в ту сторону и заметил молодую особу. Она стояла к нему боком и что-то делала со своей левой рукой... перевязывала окровавленную кисть носовым платком.

“Она не намного старше меня”, – решил Майлз.

Или намного? В ней было что-то особенное. Гордая осанка и уверенные движения делали её взрослее. Одетая она была очень странно – в костюм эпохи Возрождения. Позапрошлым летом Майлз был на ярмарке, и там все вырядились в средневековые одежды и ели зажаренные целиком индюшачьи ноги, а ещё устраивали рыцарские турниры. Эта девушка в чёрном плаще и высоких сапогах могла бы отправиться прямо на турнир и начать поединок на шпагах, если бы, конечно, была парнем. Встретив её в другое время и в другом месте, Майлз наверняка бы улыбнулся. Однако сейчас у него не возникло ни малейшего желания смеяться.

“Тёмное Королевство, – подумал он. – Рабы, юнцы, оборотни, волшебники... Может, она ведьма? Во что я вляпался?!”

Сердце его тяжело колотилось, а во рту так пересохло, что язык стал словно наждачная бумага. Только сильнее страха была... признательность.

– Благодарю вас, – вежливо сказал он.

Молодая особа даже не взглянула на него.

– За что? – Голос её был резким, и говорила она отрывисто.

– За то, что вы спасли нас. Ведь... это вы сделали, да?

Повернувшись к нему, она окинула его с ног до головы неприязненным взглядом.

– Что сделала? – переспросила она всё тем же враждебным голосом.

Но Майлз не смог сразу ответить. Он узнал её!

“Мне снился сон, так? И там была девушка, похожая на неё. Она выглядела точно так же, лишь выражение лица было другим. И она сказала... она сказала... что-то очень важное...”

Он не мог вспомнить. А девушка всё ещё раздражённо смотрела на него.

– Э... это. – Майлз пошевелил пальцами в воздухе, изображая молнию. – То, что свалило её со скалы. Это вы сделали?

– Синее пламя? Конечно, я. У кого ещё есть Сила? Но я

сделала это вовсе не ради тебя. – От её слов веяло холодом.

Майлз растерянно заморгал, не зная, что бы ещё сказать. С одной стороны, он хотел расспросить её, с другой – вдруг захотелось её ударить и убежать той же дорогой, что и Гэвина. Любопытство одержало верх.

– Ладно, тогда зачем вы это сделали?

Девушка смотрела на него со скалы сверху вниз.

– Она кинула в меня палку. И я убила её. – Она пожала плечами. – Это ведь естественно.

“Она не кидала её в тебя”, – хотел было возразить Майлз.

Однако девушка добавила:

– Мне наплевать на тебя. Ты только раб. А она только оборотень с мозгами медведицы. Какое мне до вас дело?

– Хорошо. Неважно, почему ты это сделала. Ты спасла нас обоих... – Он оглянулся к Аркадию для поддержки и осёкся. – Кэд? – Майлз поискал его глазами и затем полез по камням к парню.

Аркадий по-прежнему лежал в укрытии, но его тело безжизненно обмякло.

Голова с лёгкой копной белых волос запрокинулась на длинной шее. Глаза были закрыты.

– Кэд! Ты меня слышишь?

В какой-то ужасный миг Майлз решил, что парень умер. Но тут же заметил, что его грудь слегка поднимается и опускается, и услышал слабое дыхание.

Кэд сипло дышал, у него был сильный жар. Температура!

Весь этот бег и подъём в гору привёл к обострению болезни. Ему нужна помощь, и сейчас же.

Майлз обернулся к незнакомке. Она справилась с платком и теперь откручивала крышку кожаной сумки. Майлз при-смотрелся. Нет, это не сумка, а фляга. Наклонившись к ней, она начала пить. Вода. Жажда сразу напомнила о себе. В пылу битвы и погони она была оттеснена на край сознания, как постоянная боль, которая может быть на время забыта, но теперь вдруг превратилась в разгорающееся внутри пламя и стала самой важной вещью в мире.

“Аркадию необходима вода даже больше, нежели мне...”

– Пожалуйста! Не могли бы вы дать мне глоток? Киньте мне флягу, а? Я поймаю.

Она уставилась на него. Нет, уже не удивлённо, а досадно.

– И как я получу её назад?

– Я принесу. Я сумею взобраться.

– Не сумеешь.

– Смотрите.

Он ловко вскарабкался на скалу. Это оказалось даже легче, чем он думал.

Полно отличных выступов и зацепок. Когда он влез на край тропы, в глазах девушки появилось одобрение.

– Быстро. На, держи. – Она протянула ему кожаную флягу с водой.

Майлз вздрогнул. Вблизи ощущение, что они знакомы, стало ещё сильнее.

“Это ты приходила ко мне во сне, а не просто какая-то девушка, похожая на тебя”.

Он узнавал в ней всё: гибкое, сильное, энергичное тело, манеру держать себя, светлые прямые волосы и чеканное лицо с низкими скулами и властным ртом. Но особенно глаза. Бесстрашные глаза с красным оттенком, обрамлённые тёмными ресницами. В них вспыхивали солнечные искры света, ума и неистовой страсти. Одноко выражение лица было другим. Во сне оно было обеспокоенным и нежным. Наяву – язвительным и высокомерным. Она вся была будто покрыта тонким слоем льда. Но это она!

Потому что нет в мире никого, кто бы мог быть так похож на неё.

Всё ещё блуждая в сновидении, он сказал:

– Меня зовут Майлз Нил. А тебя?

Она была застигнута врасплох. Багровые глаза расширились, затем сузились.

– Как ты посмел спросить? – возмутилась она.

Её негодованию не было предела. Похожую фразу Майлзу доводилось слышать лишь в кино.

– Я видел сон, – терпеливо объяснил он. – Вернее, не я видел, а сон был мне послан... – Он припомнил подробности. – Ты говорила, я должен что-то сделать...

– Иди к дьяволу со своими снами! – отрезала девушка. – Ты хочешь пить или нет?

Он жадно потянул к себе флягу, но она не отпустила её.

– Воды хватит лишь для одного. Пей тут.

Майлз заморгал. Увы, фляга оказалась почти пустой. Он потряс её и услышал слабый всплеск.

– Кэду тоже необходима вода. Он болен.

– Он не просто болен. Он почти мёртв. Нет смысла тратить на него воду.

“Не могу поверить, что я вновь это слышу. Она рассуждает так же, как Джин”.

Он дёрнул флягу сильнее.

– Если я хочу поделиться с ним водой – это моё дело. Тебе-то что?

– Глупо. Воды хватит лишь для одного.

– Послушай...

– Странно... неужели ты меня не боишься? – вдруг спросила незнакомка.

Её искрящиеся глаза были прикованы к Майлзу, будто она читала его мысли.

Действительно странно, но он не боялся. Ну не то чтобы совсем. Он боялся, конечно, но упрямство заставляло его спорить, несмотря на страх.

– Вода моя, – продолжала она, – и я сказала, её хватит лишь для одного. Ты сглупил, помогая ему раньше, вместо того чтобы убежать. Пора о нём забыть.

Майлзу почудилось, что его проверяют. Но не было времени размышлять, зачем и почему.

– Отлично. Это – твоя вода, – ответил он дерзким тоном. –

И тут хватит лишь одному.

Он потянул флягу сильнее, и она выпустила её. Отвернувшись от девушки, Майлз поглядел вниз на камни, где лежал Кэд. Он внимательно пригляделся и заметил, что один камень был похож на люльку. Значит, фляга от него отскочит и застрянет в трещине. Он вытянул руку, примеряясь к броску.

– Стой! – Её окрик был грубым... и ещё более грубой оказалась рука, схватившая его руку. – Ты соображаешь, что делаешь? – сердито спросила девушка.

Майлз очутился с ней лицом к лицу и заглянул в её блестящие глаза с красным оттенком.

Глава 8

– Что ты делаешь?! – угрожающе повторила она, до боли сжав ему руку.

– Я бросаю флягу с водой вниз, – ответил Майлз.

“Какая она сильная! Я ещё таких не встречал. Она могла бы запросто сломать мне руку”.

– Я знаю! Но почему?

– Потому что это легче, чем нести её в зубах. – Майлз лукавил.

Дело, конечно, не в этом, а в том, что ему надо было избавиться от соблазна.

Жажда превратилась в наваждение, и он боялся, что не справится с собой, если будет держать в зубах эту холодную булькающую флягу с водой. Она неотрывно смотрела на него своими удивительными глазами, пытаясь проникнуть в его

сознание. Кажется, ей это удалось, во всяком случае, она догадалась о настоящей причине его поступков.

– Ты идиот, – произнесла она медленно, явно недоумевая, – ты должен слушаться своё тело, когда оно диктует тебе желания. Ты не можешь игнорировать жажду. С этим нельзя справиться.

– Можно, – просто ответил Майлз.

Его рука совсем онемела. Если так будет продолжаться, он просто выронит флягу, и та полетит не туда, куда надо.

– Нет, нельзя, – злобно прошипела она. – Иначе я бы знала.

Она оскалилась. Майлзу следовало быть готовым к этому. Ведь Джин предупреждал его. Он ведь рассказывал ему о вампиршах, колдунах, оборотнях... Сильвион был колдуном, Берна оказалась оборотнем. А эта девушка – вампирша. Но странное дело: превратившись в вампиршу, она не стала уродливее, в отличие от Берны. Её лицо, теперь ещё более бледное и тонкое, казалось, как тогда в его сне, высеченным из льда. Багровые глаза горели ярче в обрамлении тёмных ресниц, которые стали ещё чернее. Зрачки расширились, и в них зияла темнота, готовая поглотить кого угодно. Но сильнее всего изменился её рот. Пухлые губы искривились в усмешке, оголяя клыки. Это впечатляло! Длинные, прозрачно-белые, с аккуратными острыми концами и блестящие, как драгоценные камни, клыки. Похожие на кошачьи.

Не жёлтые бивни, как у Берны, а изящное, красивое оружие убийства. Да, она выглядела абсолютно сверхъестественной и в то же время оставалась реальной. Просто она принадлежала к другому виду живых существ, наряду с людьми и животными, и имела такое же право на существование, как и они.

Не испугаться было невозможно. Но теперь его испуг означал готовность к действию. Майлз будет драться, если придётся. С того времени, как он очнулся в деревянной телеге, мальчик очень изменился. Это уже был другой Майлз: страх больше не вызывал у него паники, только заставлял насторожиться.

“Если мне придётся обороняться, потребуются две руки. И лучше не показывать ей, что я испугался”.

– Может, тебе не удаётся справляться с твоей жаждой, – сказал он и отметил про себя, что его голос не дрожал. – Но я в норме. За исключением того, что ты очень сильно сжала мою руку. Отпусти! Мне больно.

Красные глаза сверкнули, и он подумал, сейчас она накинется на него. Но в следующий миг её веки опустились, тёмные ресницы закрыли лучистый взгляд. Она разжала пальцы. Рука Майлза повисла, кожаная фляга выпала из неё и благополучно приземлилась рядом на тропу. Майлз потёр затёкшее место.

Он даже не поднял на неё глаз, когда девушка спросила: – А теперь ты боишься меня?

– Боюсь.

Это было правдой. Даже не из-за того, что она была вампиршей, и не из-за того, что она могла посылать синюю смерть на расстояние двадцати футов. А из-за того, какой она была. Она сама по себе была страшна.

– Но что толку бояться? – Майлз продолжал растирать онемевшие пальцы. – Если ты собираешься напасть на меня, я буду драться. До сих пор ты не причиняла мне вреда. Ты помогала мне.

– Я ведь сказала, вовсе нет. К тому же ты долго не проживёшь, если и дальше будешь вести себя как полоумный...

– Как кто? – Он наконец взглянул на неё и увидел, что клыки исчезли, остался только презрительный аристократический изгиб губ да глаза всё ещё светились чёрным золотом.

– Как полоумный, который доверяет людям, заботится обо всех... Разве ты не знаешь, что лишь сильным позволено делать всё, что хочется? Слабые – только стадо. И если ты попытаешься помочь им, они растопчут тебя.

– Кэд не слабый, – убеждённо ответил Майлз. – Он болен. Он поправится... если дать ему шанс. А если мы не будем заботиться друг о друге, что с нами будет?

Она нахмурилась. Пару минут они стояли, недовольно уставившись друг на друга. Затем Майлз наклонился и поднял флягу.

– Мне надо напоить его. А затем я принесу твою флягу назад.

– Погоди, – приказала она, но на сей раз не стала хватать его за руку.

– Что?

– Иди за мной. – Она повернулась к Майлзу спиной, уверенная, что он пойдёт за ней. Ясно: она привыкла, что её слушаются, не задавая вопросов. – Захвати флягу, – бросила она, даже не обернувшись.

Майлз заколебался, взглянув туда, где лежал Кэд. Нора была надёжно защищена камнями, Кэд продержится ещё немного. Он двинулся следом за девушкой. Узкая тропа, которая огибала скалу, была неровной и прерывалась полосами ломаных, острых как бритва аспидных сланцев. Майлзу приходилось осторожно обходить их. Незнакомка повернула за скалу и исчезла из виду. Майлз заторопился за ней и увидел пещеру. Проход был узким. Ему пришлось потрудиться, пролезая боком в расщелину. Зато внутри открывалась укромная, маленькая пещера, откуда дохнуло холодом и сыростью. Дневной свет почти не проникал сюда. Майлз прищурился, стараясь привыкнуть ко тьме. Чиркнула спичка, запахло серой, и заплясало тонкое пламя. Девушка зажгла высеченную в скале каменную лампу. Она повернулась к Майлзу, и языки пламени заиграли в её глазах. Майлз озираясь вокруг. В свете лампы танцевали причудливые тени, и на стенах пещеры таинственно мерцали кварцевые блёстки. Маленькая пещера превратилась в волшебный дворец. Возле ног девы разливался серебряный блеск. В тишине непо-

движного воздуха Майлз услышал ритмичный, похожий на колокольчик, звук капающей воды.

– Это водоём, – сказала она, – тут бьёт источник. Вода холодная, но очень чистая.

Вода. Дикая жажда одолела Майлза. Больше не обращая на неё внимания, он ринулся вперёд. Его ноги подкосились. Он опустил руку в водоём, почувствовал прохладу и зачерпнул ладонью воду, будто горсть бриллиантов.

Он никогда не пил ничего вкуснее этой воды. Никакой лимонад в самый жаркий летний день не шёл в сравнение с этим. Вода освежила его сухой рот, высохшее горло, разлилась по всему телу, успокаивая и наполняя его жизнью. Он пил и пил, наслаждаясь этим блаженством. А затем он опустил кожаную флягу под воду и наполнил её до краёв.

– А это зачем? – спросила незнакомка, уже догадываясь, каким будет ответ.

– Для Кэда. Мне пора возвращаться.

Майлз сидел на корточках и смотрел на неё. Блики огня танцевали вокруг её фигуры, играя серебром в светлых волосах и оставляя в тени пол-лица.

– Спасибо, – сказал он тихо слегка дрогнувшим голосом. – Ты вновь спасла мне жизнь.

– Тебе действительно хотелось пить?

– Ага. – Он встал.

– Но когда ты думал, что воды недостаточно, собирался отдать флягу ему? – Казалось, она никак не могла этого по-

нять.

– Ага.

– Даже если бы это означало для тебя смерть?

– Но я ведь не умер, – возразил Майлз. – Я, в общем-то, и не собирался. То есть... конечно, если бы не было другого выбора. – Он заметил, что незнакомка в замешательстве, и попытался объяснить: – Я несу за него ответственность. Знаешь, когда ты берёшь щенка... или если ты король и у тебя есть подданные, ты берёшь на себя ответственность за своих подопечных и отвечаешь за них. Ты обязана.

В её взгляде мелькнули не то ярость, не то удивление. Наступила неловкая тишина.

Майлз опять заговорил, смотря в её лицо:

– Подумай, разве это так странно, что люди заботятся друг о друге? Или ты хочешь сказать, что тут всё иначе?

Она коротко усмехнулась.

– Иначе, – сухо проговорила она. – Знать может сама о себе позаботиться, а рабы дерутся друг с другом, чтобы выжить. К ним принадлежишь и ты. Но, конечно, ты не отсюда. Ты из Внешнего Мира.

– Разве ты знаешь о существовании Внешнего Мира?

– Контакт между нами быть не должно. Их и не было на протяжении почти пяти веков. Но когда моя... когда старая королева умерла, тропу открыли и стали привозить рабов с внешней стороны. Нужен приток свежей крови, – сказала она обыденно.

“Слухи о снежном человеке не столь далеки от истины”, – подумал Майлз.

Многие годы говорили, что в Каскадах среди ледников живут монстры, которые охотятся на альпинистов. Великаны или чудовища. Всегда находились путешественники, готовые поклясться, что они видели следы больших ног. А может, они видели оборотней, таких же, как Берна.

– И ты считаешь, что это нормально? Похищать людей, тащить их сюда и продавать в рабство?!

– Нормально. Человеческие существа – вредные твари. Они лишены интеллекта, – ответила она равнодушно.

– Ты чокнутая? – От возмущения кулаки Майлза сжались так, что означало: поберегись! Он прищурил глаза: – Вот сейчас ты говоришь с человеком – есть у меня разум или нет?

– Ты раб, который не умеет себя вести, – словно отрезала она. – По закону мне следовало убить тебя лишь за то, что ты посмел со мной болтать.

Она говорила холодно и высокомерно... но Майлз научился не доверять внешности. Ведь именно она приходила к нему во сне. Тогда она смотрела на него с такой любовью и прижимала его к себе так нежно! Их сердца бились в унисон, а её дыхание касалось его виска. Та девушка была реальной... пусть это кажется абсурдом, и Майлз не сомневался, что именно её он видел во сне! И неважно, какой высокомерной и заносчивой казалась теперь эта дева, он знал, что они – две половины одного целого. Он по-прежнему боялся

этого, но старался побороть свой страх.

– В моём сне, – сказал он, взвешивая каждое слово и осторожно приближаясь к ней, – ты заботилась по крайней мере об одном человеческом существе. Ты заботилась обо мне.

– Тебе не позволительно видеть меня во сне, – злобно отозвалась она.

В её мрачном голосе теперь слышалось напряжение, и Майлз подошёл ближе, смотря прямо ей в глаза. Незнакомка сделала нечто неожиданное для него – она попятилась.

– А почему? Потому что я раб? Нет, я личность. – Он сделал ещё шаг вперёд, не отрывая от неё пристального взгляда. – Я не верю, что ты по-правде такая, какой хочешь казаться. Я думаю, в моём сне я видел, какая ты по-правде.

– Ты рехнулся! – сказала она. Но больше не отстранялась от него, потому что отступать было некуда, хотя и выглядела воинственно. – С какой стати я должна заботиться о тебе? – добавила она пренебрежительно. – Что в тебе такого особенного?

Хороший вопрос. Майлз не сразу нашёлся что ответить.

– Понятия не имею, – честно признался он. – Я ничего особенного собой не представляю. И нет причин, по которым ты стала бы заботиться обо мне. Неважно. Всё равно, ты спасла мне жизнь, когда Берна собиралась растерзать меня, ты дала мне воды, когда знала, что без неё мне не выжить. Ты можешь говорить всё, что угодно, но факт есть факт. Может, ты подсознательно заботишься обо всех или...

Он так и не закончил последней фразы. Майлз вёл себя как обычно, когда убеждал кого-то или волновался. Он бы сделал то же самое, уговаривая Ли Джо, Джина или Кэда. Он потянулся к ней. И хотя Майлз догадывался, что она отводит руки, избегая его прикосновений, он неосознанно пытался поймать её руку... Поймал. И лишь он дотронулся до неё, то потерял дар речи и у него из головы вылетело всё, о чём он до этого говорил. Потому что с ним что-то случилось. Что-то, чему он не находил объяснения и что было ещё более странным, чем тайные королевства, вампирши и тёмная магия. Когда его пальцы сомкнулись на её руке и когда их тела впервые соприкоснулись (раньше, когда она держала его за руку, между ними оказался рукав куртки), случилось чудо... Сначала он испытал болезненный толчок, и пульсирующий озноб разлился по всему телу. Майлз задыхался, напрасно стараясь оторвать от неё руку и чувствуя себя так, будто его подключили к электросети.

“Синяя молния! – в панике подумал он. – Она сожжёт меня так же, как Берну”.

Но вскоре Майлз понял, что она тут ни при чём. Это не было действием смертоносного пламени, сразившего Берну, и происходило не по воле вампирши. Таинственный мощный источник энергии поразил их обоих.

Нечто старалось... создать между ними канал телепатической связи. Другими словами описать это было невозможно. Его сознание кто-то притягивал к сознанию этой девушки.

А её душа оказалась открытой перед Майлзом, вообще голый и беззащитной. Новые ощущения потрясли Майлза. Он тяжело дышал, перед глазами сверкали звёзды, ноги стали ватными, он падал и падал... Она поймала его, но и сама не удержалась на ногах. Майлз чувствовал её тело, как своё собственное, и знал, что с ней происходит. Незнакомка опустилась на колени, продолжая обнимать его.

“Что ты со мной делаешь?”

Это не было мыслью Майлза. Это была её мысль.

“Беспонятия... Я ничего не делаю... Я сам не понимаю!”

Майлз не знал, как нужно общаться телепатически. Но ему и не нужно было учиться. Всё получалось само по себе. Постоянный контакт установился между ними. Невероятное состояние – они будто слились вместе, оплавленные ударом молнии. Страшно... и упоительно. Майлз замер от восторга. Он парил, и воздух вокруг него дрожал от невидимых крыльев.

Жаль, что большинству людей это недоступно! Люди должны быть именно такими... соединёнными вместе.

” Ничего тайного, никаких глупых стен между нами... ” – размышлял он в блаженстве.

Девушка отозвалась быстро и резко, её мысль будто наотмашь ударила его.

“Нет!”

Майлз растерялся. И тут же почувствовал, что за грубостью она скрывала ярость... и страх. Она боялась его. Она

не хотела быть... Уязвимой.

“Ну, я и сам в таком положении”, – про себя возразил Майлз.

Он испугался не меньше её, но сейчас ему было не до своих эмоций.

Связавшая их сила была настолько неизмеримо мощнее любого из них, что все страхи уже не играли роли. Один луч пронзил их насквозь, срывая все замки и маски и высвечивая самые потаённые уголки их души друг для друга.

“Для тебя это нормально. Потому что тебе нечего стыдиться!” – Её мысль мелькнула так быстро, что Майлзу показалось, он ослышался.

“Что ты подразумеваешь? погоди... Дилоса!

Так её звали. Дилоса Редферн. Теперь он знал её имя. Кстати, он обнаружил, что она принцесса. Наследная принцесса королевской семьи вампирш, которая родилась, чтобы править этой страной, как правила тут веками династия Редфернов.

“Старая королева была твоей матерью. И она умерла два года назад, когда тебе было пятнадцать. С тех пор ты на троне”.

Её сознание отпихивало его, стараясь разорвать связь между ними.

“Это не твоё дело!” – прорычала Дилоса.

“Погоди, пожалуйста, погоди”.

И Майлз мысленно погнался за ней. Он хотел ей помочь...

Второй удар молнии остановил его.

Глава 9

Он очнулся внутри её сознания. Странный и опасный мир окружал его.

Пугающий и тревожный, но полный красоты, застывшей в ледяном плену.

Майлз был заключён в большой кристалл, состоящий из блестящих, холодных, острых граней. Прозрачные льдинки преломляли неровный свет, мерцающий и многократно отражающийся, расцветивая лёд отблесками бриллиантов.

“И правда опасное место”, – думал Майлз.

Края кристаллов вокруг него были остры, как меч. Сей мир выглядел так, словно сюда никогда не заглядывал тёплый солнечный луч.

– И ты живёшь тут? – спросил он Дилосу.

“Уходи. – Ответ ударил его порывом холодного ветра. – Проваливай!”

“Нет! Тебе не удастся испугать меня. Я взбирался на льдинки и раньше”.

Да, вот что напоминает ему это место. Высокогорный льдник. Обнажённая ледяная вершина, где ничто – и, разумеется, никто – не может жить.

“Но неужели с тобой никогда не случилось ничего хорошего? У тебя никогда не было ни подруги... ни котёнка... ни... совсем никого?”

“Никаких подруг, – отрезала Дилоса. – Никаких котят.

Проваливай, пока я не уничтожила тебя!»

Майлз не рискнул возражать, потому что стоило ей только подумать об этом – и кристалл ожил. На блестящей поверхности близлежащих льдинок вдруг появились маленькие живые изображения с движущимися внутри фигурами.

И лишь Майлз взглянул на одну из них, сцена развернулась, приобрела трёхмерность и окружила его. Её детские воспоминания. Он увидел ребёнка, с которым с момента её рождения обращались, как с вещью. А вот и пророческое предсказание: девушки и парни обступили маленькую пятилетнюю девочку, чьи глаза с красным оттенком, обрамлённые короткими тёмными ресницами, были широко раскрыты и испуганы.

Старейшая из них, учительница Дилосы (Майлз получил эти сведения из сознания Дилосы), говорила:

– Без сомнения, ребёнок – Неукротимая Сила. – Голос учительницы был полон благоговения... и страха. Трясущимися руками она развернула обветшалый пергамент. – Какая древность! Он хранился в Тёмном Королевстве веками и был сбережён тут даже тогда, когда его утратили во Внешнем Мире. Четыре Неукротимые Силы, – продолжала старуха, – придут в канун тысячелетия, чтобы спасти мир... либо уничтожить его. Пророчество гласит, что они придут с разных сторон.

Один – из края королей, давным-давно забытых,

Один – из очага, где теплится огонь,

Один – из мира Дня, где два бессонных глаза,
Один – из сумрака и вновь соединится с Темнотой.

Ребёнок заглядывал в окружавшие его жестокие лица и слушал странные слова, не понимая их.

– Забытый край королей, – сказал мужчина, – это, скорее всего, Тёмное Королевство.

– Кроме того, мы уже видели, на что она способна, – добавила высокая женщина, – наверняка она и есть Неукротимая Сила. Синее пламя у неё в крови. Правда, она научилась использовать его очень рано, она не умеет контролировать его. Видите?

Схватив левую ручку девочки, она подняла её. Ручка была повреждена, пальцы сведены судорогой и неподвижны. Малышка попыталась выдернуть руку, но ей не хватило сил. А взрослые не обращали на неё внимания.

– Королева хочет, чтобы мы нашли заклинания, которые помогут заблокировать Силу, – сказал мужчина. – Иначе она будет постоянно калечить себя...

– Не говоря уже о том, что она может покалечить нас, – грубо оборвала его женщина, злобно рассмеявшись.

Девочка оставалась ко всему безучастной, пока взрослые тискали её и передавали из рук в руки, как игрушку. Её глаза красного цвета были сухими, маленький рот крепко стиснут, чтобы не дать вырваться рыданиям.

“Какой кошмар! – негодуя, воскликнул Майлз, обращаясь к сегодняшней Дилосе. – Какое кошмарное детство! И не бы-

ло никого, кто бы защитил тебя? А твоя мать?”

“Вали! Я не нуждаюсь в твоём сочувствии”.

“А твоя рука? – Майлз решил не обращать внимания на её грубость. – Ты ранишь руку каждый раз, когда пользуешься Синим Пламенем?”

Вместо ответа другое воспоминание вспыхнуло на поверхностях кристалла, и Майлз погрузился в него. Он увидел шестилетнюю Дилосу с рукой, затянутой чем-то похожим на планки и скобы. Он сразу понял, что это были не просто скобы. Это были обереги и телепатемы с заклятиями на Синее Пламя.

– Вот, – объяснял мужчина, которого Майлз уже видел раньше, стоявшим вокруг женщинам, – мы можем полностью контролировать её.

– Ты уверен? Вы, колдуны, иногда так беспечны. Ты уверен, что отныне она сама не может пользоваться Силой? – спросила высокая особа с неприветливым, суровым лицом и красными, как у Дилосы, глазами.

“Твоя мать, – подумал Майлз. – И её звали... Торментила? Но...” – Он не стал продолжать.

Королева не была похожа на любящую мать и выглядела такой же бессердечной, как остальные.

– Пока я не сниму заклинания, она не сможет использовать Силу. Я уверен, Ваше Величество. – В последних словах колдуна не было ничего необычного, но Майлз был потрясён.

От слов “Ваше Величество” Дилоса всё больше становилась наследной принцессой в его глазах.

– Повязка делает её слабее, – объяснял тем временем мужчина. – И она не сможет снять её сама. Но я-то смогу... и в любое время...

– Когда она понадобится нам в качестве оружия.

– Да, но для того чтобы Синее Пламя появилось, должна пролиться кровь.

– Покажи, – раздался приказ королевы.

Мужчина пробормотал заклинание и снял повязку с руки девочки. Затем вытащил из-за пояса кинжал и быстрым привычным движением, каким дедушка Майлза потрошил лососину, сделал надрез на её руке. Шестилетняя Дилоса не издала ни звука и даже не вздрогнула. Кровь стекала по пальцам и капала на пол. Красные глаза девочки впились в лицо матери.

– Погодите, – попыталась остановить его старая учительница, – Синее Пламя не предназначено для того, чтобы его использовали таким образом, а ребёнок будет ранить руку каждый раз, когда...

– Сейчас! – приказала королева дочери, не обращая внимания на старуху. – Покажи мне, какая ты сильная. Порази Синим Пламенем... – Она медленно обвела взглядом окружающих и остановилась на учительнице. – Э... например, её.

– Ваше Величество! – Старуха охнула, прижавшись к стене.

Багровые глаза принцессы расширились от ужаса.

– Убей её! – раздражаясь, повторила королева.

Девочка молча покачала головой, но мать сильно сжала её плечо. Майлз видел, как стальные пальцы впились в тело ребёнка.

– Делай, что тебе говорят. Сейчас же!

Дилоса обратила взгляд своих больших испуганных глаз на старуху, которая съёжилась и что-то невнятно бормотала, подняв дрожащие руки, будто пытаясь закрыть себя от удара.

Королева отпустила плечо и схватила руку дочери:

– Сейчас же, гадина! Сейчас же!

И из детской руки вырвался синий огонь и полился нескончаемым потоком, как вода из пожарного шланга. Пламя откинуло старуху к стене и моментально охватило её полностью. На миг рот учительницы искривился в немом крике, а глаза вылезли из орбит. А потом старухи не стало – лишь на стене тень из пепла.

– Любопытно, – сказала королева и отпустила руку девочки. Её ярость исчезла так же быстро, как и вспыхнула. – Правда, я ожидала, что удар будет мощнее. Я думала, она снесёт и стену.

– Дайте ей время, – осипше сказал колдун.

– Хорошо, неважно, она и так будет полезна. – Королева обернулась к остальным: – Запомните вы все, время Темноты наступает. Конец тысячелетия означает конец мира. Но чтобы там ни произошло во Внешнем Мире, моё королев-

ство останется навеки.

А маленькая девочка молча стояла и смотрела на то место, где только что стояла старуха. Её глаза были всё ещё широко раскрыты, зрачки большие и неподвижные. Лицо побелело, но оставалось бесстрастным. Майлз еле дышал.

“Ничего страшнее я не видел. – Он с трудом подбирал слова, мысли путались. – Она заставила тебя убить свою учительницу... Она заставила тебя сделать это. Твоя мать. – Он не знал, что ещё сказать. Майлз искал взрослую Дилосу в этом странном мире грёз. Ему хотелось поговорить с ней, увидеть её, обнять и утешить. – Мне так жаль. Мне жаль, что твоё детство прошло так ужасно”.

“Глупости, – отозвалась Дилоса. – Меня учили быть сильной. И лишь это имеет значение”.

“Ты росла без любви”, – сказал Майлз.

“Любовь – удел слабых. Иллюзия. И она может оказаться гибельной”.

Майлз не знал, что ответить ей.

И он поменял тему:

“А все эти разговоры о конце тысячелетия и конце света – что это значит?”

“Именно то, что сказано. Пророчества исполняются. Мир людей бредёт к своему концу в кровопролитии и мраке. А Обитатели Ночи будут править миром”.

“И ради этого они превратили шестилетнюю девочку в орудие убийства?” – мелькнула у Майлза осуждающая

мысль.

Она не предназначалась Дилосе, но Майлз чувствовал, что она слышала.

“Я – то, что я есть, – сказала она. – И я не хочу быть ничем другим”.

“Ты уверена?”

Майлз огляделся вокруг. Он не очень понимал, что именно ищет... но что-то... хорошее, доброе... чтобы доказать ей... В кристалле вспыхнул новый эпизод.

Дилосе исполнилось девять. Она стояла перед горой больших валунов, каждый из которых был размером с небольшое авто. Её мать возвышалась над ней.

– Пламя! – скомандовала королева и девочка подняла руку.

Полыхнул синий огонь. Камень взорвался и превратился в пыль.

– Ещё!

И другая скала разлетелась вдребезги.

– Больше мощности! Ты не стараешься. От тебя нет пользы!

Целая гряда камней взорвалась. Поток синего огня всё лился и лился. Он уже охватил рошу за камнями и, расплавляя сланец и гранит, крушил склон горы, как огнём сжигает деревянную дверь.

Улыбнувшись, королева одобрительно похлопала дочь по плечу:

– Так-то лучше.

“Нет. Это ужас! – возмутился Майлз. – Это совсем не то! Гляди, что такое семья”.

И он оживил воспоминания своего детства. Конечно, семья Нил не была какой-то особенной. У них тоже были скандалы, и иногда весьма неприятные, но было и много хороших моментов. Он выбрал их. Он показал ей свою жизнь... и себя. Как он хохотал, когда его папа смешно надувал щёки, разжигая костёр во время привала в горах. И как он нанюхался скипидара. А вот он рискованно взгромоздился на раму велика, Мелони крутила педали, и они с визгом летели с горы... Как он рассматривал волшебные цветы, распускающиеся на картинах, которые писала его мать. И как просыпался утром оттого, что шершавый горячий язык лижет его лицо, и видел свою болонку Джину, пыхтящую от счастья... и задувал свечи на торте в день рождения... и устраивал засаду, выскакивая из-за двери с наполненным водой ружьём и поливая Мелони...

“Кто это?” – спросила Дилоса.

Майлз почувствовал, что её тон смягчился. В его воспоминаниях было столько незнакомых и непонятных ей вещей: жёлтый свет солнца, современные дома, велики, автомобили. Но всё-таки в ней проснулось любопытство и интерес к людям. Особенно в то мгновение, когда он показал ей семнадцатилетнюю Мелони (тогда она выглядела почти так же, как и сейчас).

“Это Мелони. Она моя сестра. Ей исполнилось девятнадцать, и она уже поступила в университет. – Майлз остановился, стараясь услышать мысли Дилосы. – Я тут из-за сестры. Она встречалась с парнем, которого зовут Сильвион, он колдун. И потом Мелони исчезла. Я преследовал Сильвиона и попал в руки работороговок. Они и привезли меня в твоё королевство, о существовании которого я раньше даже не знал”.

” Ясно”, – сказала Дилоса.

“Дилоса, ты её знаешь? Ты видела её раньше?” – Майлз постарался, чтобы вопрос прозвучал спокойно.

Он вдруг засомневался в том, что все мысли Дилосы отражаются в кристаллах и нет ничего, что она могла бы утаить.

“Тебе лучше бросить эту затею”, – посоветовала Дилоса.

“Я не могу! – взорвался Майлз. – Она моя сестра! Если с ней произошла беда, я должен найти её. Именно это я и пытался объяснить тебе. Мы помогаем друг другу”.

“Почему?”

“Потому что... Потому что людям полагается так поступать. И даже ты в глубине души согласна с этим. Ты же пыталась помочь мне в моём сне...”

Она отстранилась:

“Твои сны – это лишь твои фантазии”.

“Нет! Только не этот, – убеждённо возразил Майлз. – Я видел тебя во сне до нашей встречи наяву”.

Ему удалось вспомнить больше. Тут, внутри её сознания,

подробности сна постепенно всплывали в памяти. И оставалось лишь одно: показать сон Дилосе. Туман и девушка, которая искала его и звала по имени. Удивление и радость на её лице, когда она наконец нашла его и обняла – так нежно! И смотрела на него с такой любовью.

“А затем... я вспомнил! Ты сказала, мне нужно найти тропу под скалой, которая выглядит как нахлынувшая волна. Ты велела мне уходить отсюда, бежать и...”

Он вспомнил, что было дальше, и замолчал. Потому что потом она поцеловала его. Он словно вновь ощутил её поцелуй: мягкое, ровное дыхание около щеки и прикосновение её губ. В том поцелуе было так много чувства.

Дилоса ужасно смущалась своей нежностью, но не скрывала страстной любви, зная, что это их первый и последний поцелуй.

“Было... так грустно, – сказал Майлз, запинаясь. И не только из-за смущения, а потому, что его вдруг охватило такое сильное ответное чувство, что он испугался. – Непонятно почему, но было грустно...”

В это время – с явным запозданием – он почувствовал, что происходит с Дилосой. Она пришла в ярость. Она неистовствовала в своей ярости.

Кристалльный мир вокруг Майлза сотряснулся от негодования... и страха.

“Это была не я. Я не могу быть такой”. – Её слова звенели, подобно ударам ледяного меча.

“Это была ты! – ответил он резко. – Я не понимаю, как это могло случиться, но это реально была ты. Я ничего не петрю в снах. Но между нами есть связь. Видишь, что с нами творится? Разве это нормально? Разве людям подвластно проникать в сознание друг друга?”

“Проваливай!”

Гневный крик Дилосы отозвался эхом в каждом кристалле. Её ярость неистово бушевала, подобно древнему урагану. Под ним скрывался ужас от мысли, которую она гнала от себя прочь и не могла прогнать, бежала от него и не могла убежать.

“У нас с тобой общая душа”.

Слова гудели в мозгу Дилосы помимо её воли. И Майлз понимал, что они означали: два человека не просто связаны, они прикованы друг к другу навечно, душа к душе, и даже смерть не разлучит их. Их души были предназначены друг для друга.

“Всё это – враньё! – негодовала Дилоса. – Я не верю ни в какую душу. Я никого не люблю. И у меня нет никаких чувств!”

Хрустальный мир вокруг Майлза распадался. Кристаллы тряслись и ломались. Льдинки падали и разбивались с мелодичным звоном. Всё смешалось и превратилось в хаос. В следующий миг он очутился вне её сознания. Он опять сидел на земле в маленькой пещере, освещённой лишь мерцающим огнём. Тени плясали на стенах и потолке. Майлз вер-

нулся в своё тело, и Дилоса держала его в объятиях. Едва осознав это, она отпрянула и вскочила на ноги. Даже в полутьме он мог разглядеть, насколько она бледна и взволнована. Он встал. Странно, их сознание оставалось связанным, хотя она и вышвырнула его из своего внутреннего мира. И ещё – он увидел себя... её глазами. Он увидел парня, совсем не похожего на хрупкого, русоволосого принца, бледного, изнеженного и полного притворства, который, по идее, должен был стать спутником Дилосы. Перед ним был загорелый парень, тёплый, реальный и полный жизни, с русыми волосами, с прямым, смелым взглядом зелёных глаз. Именно эти сияющие глаза, в которых была ясность, честность и глубина, приковывали к себе внимание, оставляя как бы в тени милое лицо того, кому они принадлежали. Дыхание Майлза перехватило.

“Неужели я так выгляжу? Не может быть! Моё отражение в зеркале выглядит по-другому”...

Но она видела Майлза таким. Для неё он был единственным ярким, живым существом в холодном чёрно-белом мире. Он чувствовал, её тянет к нему даже тогда, когда она пытается отстраниться.

– Нет! – хрипло твердила она. – Я не привязана к тебе. Я не люблю тебя.

– Дилоса...

– Я никого не люблю. У меня нет чувств.

Майлз молча покачал головой. Всякий раз, когда она го-

ворила, как сильно она его не любит, она невольно придвигалась всё ближе и ближе, отчаянно борясь за каждый дюйм.

– Ты ничего для меня не значишь! – прорычала Дилоса через стиснутые зубы. – Ничего!

Её рассерженное лицо было так близко, что он различал язычки пламени в красных зрачках.

– Совсем ничего... – И она прильнула к его рту губами.

Глава 10

Но в то же мгновение Дилоса рванулась назад. Прикосновение её горячих губ сменило холодное дуновение воздуха.

– Нет, – твердила она. – Нет, нет и нет!

Её ярость боролась со страхом и выливалась растущей непереносимой болью. Она встряхнула головой, прогоняя смятение, и оно исчезло, словно стёртое большой рукой. Осталась только ледяная решимость.

– Напрасно ты борешься с собой, – заговорил Майлз. – Не поможет. Невозможно полностью подавить чувства...

– Послушай, – произнесла Дилоса напряжённо, почти стиснув зубы, – в твоём сне я велела тебе уходить, так? Хорошо, сейчас я говорю тебе то же самое. Уходи и никогда сюда не возвращайся. Я не хочу больше видеть тебя.

– Ах, так! Ну и ладно! – Майлз постарался не выдать своего разочарования.

Его терпение кончилось. Ясно, она ни от кого не примет помощи. Ну и пусть мучается!

– Разумеется, ладно. Ты даже не понимаешь, какую я ока-

зала тебе милость. Ведь ты не просто беглый, ты раб, который знает о тропинке в горах. За это полагается смерть.

– Так убей меня! – дерзко ответил Майлз, что, конечно, было глупостью с его стороны.

Она опасна. Она убивала одним взмахом руки. А он вёл себя безрассудно.

– Я приказываю, уходи! Ладно, я скажу тебе кое-что. Ты хотел знать, что произошло с твоей сестрой?

Майлз замер. Она полностью переменялась. Она собиралась нанести удар. Её глаза горели, как два факела.

– Так вот знай, – сказала она, – твоя сестра мертва. Я убила её.

Это было ударом. Майлз пошатнулся. Судорога прошла волной по его телу.

Он задрожал от неожиданной слабости, ноги отказывались держать его дальше. Нет, он не поверил. Он не мог поверить. Только не это! Он открыл рот, собираясь ответить... и окаменел. Снаружи раздался чей-то голос. Мужской.

Майлз не мог разобрать слов. Голос приближался. Дилоса обернулась, и не успел Майлз издать и звука, как она начала действовать. Шагнув к стене, она задула огонь в каменной лампе. Пещера погрузилась в темноту. Майлз прежде не замечал, что дневной свет почти не проникал в пещеру. Теперь же он обнаружил, что уже наступил вечер.

– О господи! Кэд! – спохватился он и ринулся к выходу. – Я просто ушёл и оставил его там. Что со мной? Я совсем о

нём забыл, я даже и не думал...

– Куда ты? – прошептала Дилоса.

Остановившись на полпути, Майлз уставился на неё. Вернее, в её сторону, потому что теперь он ничего не видел в полной тьме.

– Кэд... – обеспокоенно проговорил он, сжимая в руке флягу с водой. – Я оставил его там. Прошло столько времени, с ним всё могло произойти.

– Тебе нельзя выходить. Там развлекается моя компания. Мы здесь охотимся. Если они схватят тебя, я не смогу помочь...

Майлз не дал ей договорить.

– Пофиг! Минуту назад ты больше не хотела меня видеть. О господи! Я бросил Кэда одного. Как я мог так поступить?!

– Прошло не так много времени, – раздражительно возразила она, – где-то час.

Наверное, она была права. И всё-таки ему казалось, минула не одна сотня лет с момента, как он влез на скалу.

– Мне нужно идти, – сказал он немного спокойнее, – Кэд болен. А Гэвина может вернуться. – Одна лишь мысль об этом заставила его содрогнуться.

– Если они поймают тебя, ты будешь мечтать о смерти, – отчеканила Дилоса и, не позволив Майлзу ответить, добавила привычным командным тоном: – Сиди тут. Не высывайся, пока все не уйдут.

И она стремительно прошла мимо, коснувшись его кра-

ем плаща и обдав волной холодного, сырого воздуха. Полоса тусклого вечернего света на миг исчезла, и на фоне серого неба Майлз увидел силуэт её фигуры. Теперь он остался один. Майлз прислушался. И различил только звук своего дыхания.

Осторожно приблизившись к расщелине, он прильнул к скале и вздрогнул.

Снаружи явственно доносились шаги и хруст сланца. Со всем рядом с пещерой.

Тень упала на тропу, и он услышал голос:

– Дилоса! Что ты тут делаешь?

Приятный молодой голос парня, полный заботы и тревоги. Парень обратился к принцессе с внезапной фамильярностью. Но не это заставило Майлза вздрогнуть. Он узнал голос. Да, он знал и ненавидел его. Сильвион. Он тут! И похоже, он живёт тут давно, достаточно давно, чтобы хорошо знать Дилосу.

Либо, возможно, он родился тут и лишь недавно стал навещать во Внешний Мир. Ну, что бы там ни было, теперь Майлз был абсолютно уверен: Мелони привезли сюда. А затем... что с ней произошло? Почему она должна была исчезнуть? Либо Сильвион спланировал всё изначально? Могла ли Дилоса действительно?..

“Не верю”, – исступлённо твердил мысленно себе Майлз, несмотря на болезненный спазм в животе.

Сильвион тем временем болтал, не затыкаясь:

– Мы даже не заметили, когда ты ушла. Затем мы увидели вспышку Синего Пламени, и все испугались – вдруг с тобой что-либо произошло...

– Со мной?

– Э, мы думали... вообще что-то произошло, – исправился Сильвион, и его смех зазвенел колоколами.

– Всё нормально. Я тренировалась.

– Дилоса, – теперь в голосе Сильвиона звучал упрёк, – ты ведь знаешь, тебе нельзя. Ты лишь сильнее ранишь руку. Она так никогда не заживёт...

– Знаю, – грубо оборвала Дилоса заигрывания Сильвиона, – это моё дело.

– Я просто переживаю за тебя...

– Пошли. Нас уже заждались.

“Он ей не нравится, – решил Майлз. – Напрасно он вьётся вокруг принцессы. Но интересно, кем он ей приходится?”

Вот бы выскочить и напасть на Сильвиона. Схватить его и колотить до тех пор, пока он не признается во всём. Правда, однажды он пробовал, и это обернулось для него похищением и продажей в рабство. Стиснув зубы, Майлз придвинулся ещё ближе к краю лаза. Он понимал, что это опасно, но ему нужно было увидеть Сильвиона. Высунувшись, он едва не ахнул от удивления.

Сильвион всегда носил шикарные рубашки и модные брюки, но костюм, который он сейчас напялил на себя, был, как и одежда Дилосы, средневековым. Более того, казалось, ему в

нём удобно, странные одежды отлично на нём сидели и очень ему шли. На нём была синяя туника с длинными рукавами, поверх которой другая туника без рукавов и на тон светлее, подвязанная зелёным, расшитым серебром поясом. Его волосы были гладко причёсаны, а на плече его сидел сокол. Настоящий живой сокол.

В маленьком кожаном колпачке на голове и с кожаными шнурками, с колокольчиками на лапках. Майлз смотрел на него с невольным восхищением. Какое милое зрелище представляет собой Сильвион! Но нужно обладать большой физической силой, чтобы удержать такую птицу.

– О, нам вовсе не стоит торопиться назад, – сказал Сильвион и придвинулся к Дилосе. – Раз уж я тут, мы могли бы пройтись немного дальше. Вот прекрасная тропа, можно исследовать её.

“Там Кэд, – испугался Майлз. – Если они дойдут до конца тропы, они увидят его. Сильвион увидит его”.

Он уже готов был выскочить из пещеры, когда Дилоса заговорила.

– Я устала, – холодно возразила она. – Пошли назад. Немедленно.

– Ах, бедненькая, ты устала, – замурлыкал Сильвион с лукавой улыбкой. – Видишь, я ведь говорил: не нужно так часто пользоваться своей Силой.

– Я помню, – отрезала Дилоса.

А Сильвион продолжал:

– Ах, совсем забыл, представляешь, случилась забавная вещь. Девушка по имени Гэвина только что заскочила на нашу охотничью вечеринку.

” Гэвина! – задохнулся Майлз. – Гэвина убежала, и она всё видела. Вероятно, она бежала очень быстро. Сделать такой крюк, добежать до охотников, которые развлекались на другом склоне горы, и, кроме того, ушло время, пока Сильвион добрался сюда и нашёл Дилосу...”

– Ты, наверное, её не знаешь, – говорил Сильвион, – зато я знаю. Она работоторговка, и я иногда пользуюсь её услугами, чтобы доставлять сюда парней из Внешнего Мира. Обычно она неплохо справляется, но сегодня она была не в форме. Рабы бежали в горах, и её напарница Берна была убита.

“Ты... колдун!” – выругался мысленно Майлз.

Сильвион всё знает. В этом нет сомнений. Если Гэвина служит ему, она рассказала ему всё о Берне, а значит, и обо всём, что случилось до и после этого. И о том, что принцесса Дилоса сожгла Берну Синем Пламенем и что два беглых раба остались возле Дилосы.

“Он всё знает, – думал Майлз, – и старается поймать Дилосу в ловушку. Почему он её не боится? Она ведь принцесса! Её мать умерла, и теперь она стоит во главе королевства. Как же он осмеливается строить свои мелкие козни?”

– Мы все очень тревожились, – гундел Сильвион, склонив голову набок. – Все придворные, и особенно твоя прапрабабушка. Беглые рабы могут доставить неприятности.

– Как мило с твоей стороны, что ты переживаешь! – по-прежнему сухо ответила Дилоса. Её лицо оставалось всё таким же бесстрастным. – Но не стоило. Я использовала пламя для тренировки, я испытала его на торговке рабами, а также на двух рабах. Они нарушили мой покой.

Майлз не мог не восхититься ей:

“Она перехитрила Сильвиона. Теперь ему нечего сказать. И никак нельзя доказать, что она не убивала нас. Гэвина убежала, и она не видела того, что произошло потом. Она спасла нас. Дилоса спасла нас обоих: Кэда и меня... снова”.

– Ясно. – Сильвион кивнул, приторно улыбаясь и недоверчиво посматривая на неё. – Разумеется, тебе следовало убить их. Итак, рабы мертвы.

– Да. И стоит ли так долго говорить о них? Или я чего-то о них не знаю?

– Нет. Конечно, нет, – заторопился Сильвион. – Ты права. Мы и без того потеряли много времени, давай вернёмся.

В памяти Майлза всплыли слова Гэвины:

“Это не обычные рабы. Если мы не доставим во дворец Юнца, мы мертвы”.

“Он снова врёт, – подумал Майлз. – Он всегда врёт. Но кто такой Юнец? И почему он им так нужен? Кстати, у Дилосы есть прапрабабушка? Когда Сильвион упомянул о ней, это прозвучало как угроза. Но если она прапрабабушка, то должна быть очень старой. Что связывает Сильвиона с какой-то старой перечницей?”

Вопрос весьма интересный, но обдумывать его времени не было. Сильвион и Дилоса удалялись от пещеры. Сильвион продолжал мурлыкать, что надо, мол, осмотреть руку Дилосы, когда они вернутся во дворец. Спустя минуту они скрылись из виду, и Майлз услышал удаляющийся шум шагов по сланцу.

Он подождал, пока не замер последний звук, затем задержал дыхание и сосчитал до тридцати. Больше он терпеть не мог и вынырнул из расщелины на открытый воздух. Стало уже по-настоящему темно, и почти совсем ничего не было видно. Он почувствовал перед собой широкий простор долины и неприступность скал за спиной. Майлз должен был бы радоваться, что чудом избежал опасности, остался на свободе, но вместо этого он ощущал подавленность. И он вдруг понял почему. Его окружала неестественная зловещая тишина, которую не прерывали никакие звуки. Ни птичьи голоса, ни звериный вой. Может, сейчас очень холодно для комаров и всякой мошкары, но должны же быть хоть какие-то звери. Олени, волки... птицы, летучие мыши, наконец... Никого. У Майлза возникло жуткое чувство, что он совсем один в этом безжизненном мире, закутанном в вату.

“Что толку рассуждать? – строго сказал он себе. – Ищи Кэда. Шагом марш!”

Засунув кожаную флягу в карман куртки, Майлз начал обратный спуск. Он прижимался к скале, двигаясь на ощупь и осторожно пробирался назад вниз по тропе. Когда Майлз

дошёл до края, сердце сжалось от страха. Кошмар!

Придётся спускаться в полном мраке. Нет, никак не удаётся разглядеть выступы.

“Хорошо, я их нащупаю. Ну, в худшем случае свалюсь со стофутовой высоты”.

– Кэд! – позвал он, шепча.

Орать боялся: охотники могут быть где угодно, а звук в горах разносится очень далеко.

– Кэд? Ты в порядке?

Его сердце стукнуло несколько долгих раз, прежде чем внизу послышался то ли шорох, то ли слабый вздох.

У Майлза отлегло от сердца:

“Кэд жив, и его не похитили из-за моей оплошности”.

– Стой там! – приказал он, громко шепча. – Я спускаюсь.

И несую воду.

Спуск оказался не столь трудным, как он ожидал. Может, потому, что он всё ещё был возбуждён и чувства его были обострены до предела, его ноги сами находили шероховатые выступы, и спустя пару минут он спрыгнул на груды камней.

– Кэд! – Его пальцы нащупали одежду Аркадия. Парень шевельнулся и тихо вздохнул. – Кэд, ты в порядке? Я тебя не вижу.

Тьма будто расступилась. Подняв глаза, Майлз замер. В покрытом облаками небе был небольшой просвет. Луна выглянула из него, явив миру своё сверхъестественно белое полное лицо.

– Майлз... – еле слышный голос Кэда обрадовал и успокоил его сердце. – Спасибо, что ты дал мне отдохнуть. Я чувствую себя лучше.

Майлз взглянул на Аркадия. Серебряный свет коснулся щёк и губ Кэда.

Слепой парень выглядел как принц Древнего Египта: белые волосы освободились от хвоста, в широко распахнутых глазах с короткими ресницами отражался свет луны. Его лицо было, как всегда, спокойно.

– Извини, что меня не было так долго, но я добыл воду. – Майлз помог Кэду сесть и приложил флягу к его губам.

Пока слепой парень пил, Майлз прикоснулся к его лбу – температура спала.

Может, он сможет идти. Только куда? Куда им идти? Им никогда не добраться до тропинки. А если даже они и доберутся, что тогда? Они окажутся одни высоко в горах во тьме и холоде ноябрьской ночи.

– Нам надо найти для тебя доктора, – решил он.

Сделав последний глоток, Кэд вернул флягу.

– Я не думаю, что тут есть доктора. Там внизу, во дворце, возможно, и найдётся знахарь, только... – он покачал головой, – дело того не стоит.

– Что значит “не стоит”? Ты чувствуешь себя лучше, правда?

Майлза порадовало то, что Кэд впервые выговорил такую длинную фразу. И не беда, что его голос был слаб, он всё

отлично понимал.

– Не стоит, потому что очень рискованно. Тебе лучше оставить меня тут. Спускайся и найди себе укрытие.

– Ну только не начинай всё вновь! – Майлз замахал на него руками. Он не мог больше оспаривать этот аргумент. – Если я оставлю тебя тут, ты умрёшь. Скоро совсем похолодает. Я не собираюсь тебя бросать. И если во дворце есть знахарь, значит, мы пойдём во дворец, что бы там ни было.

– Там живут все Обитатели Ночи. – Голос Аркадия прозвучал вдруг громко. – И рабы. Всё местное население живёт за стенами крепости, это настоящий маленький город. И это как раз то место, куда тебе не следует ходить.

Майлз заморгал:

– Как тебе удалось так много разузнать? Ты беглый, как и Джин?

– Нет. Но я услышал об этом около года назад. Я пришёл сюда по делу. Увы, глупая случайность... и меня схватили работорговки.

Майлз хотел расспросить его поподробнее, но ворчливый внутренний голос сказал, что теперь не время. Становилось уже очень холодно. Кроме того, тут их могли поймать.

– Случайно не знаешь, дорога, по которой катилась телега, ведёт в крепость?

Кэд в сомнении покачал головой. Он повернулся лицом к долине, и у Майлза возникло странное чувство, что он всматривается в даль.

– Думаю, да, – отозвался он наконец. – Это было бы логично. Тут лишь одно место, куда можно ехать по дороге.

– Тогда нам нужно опять найти её. – Майлз понимал, что это будет нелегко, – парни долго и путано бежали от погони. Он приблизительно определил направление. – Слушай, даже если мы не пойдём в крепость, всё равно нам нужно найти дорогу, чтобы сориентироваться. И если нам придётся провести ночь под открытым небом, лучше вернуться в лес. Там теплее.

– Да, но...

Майлз оборвал его возражения:

– Сможешь подняться? Я помогу тебе, обхвати меня рукой за шею...

Оказалось невероятно трудным делом вытаскивать Кэда из каменного гнезда. Им обоим пришлось двигаться ползком. И хотя Кэд не жаловался, было заметно, что он сильно устал.

– Вперёд! Ты отлично справляешься, – подбадривал его Майлз.

Стиснув зубы, он решил, что в крайнем случае понесёт его. Очень многие советовали ему бросить этого парня. Майлз не сдавался, а раньше он не был таким упрямым. Но одно дело решить, а сделать это было нелегко. В лесу ветви деревьев закрыли свет луны, и ещё спустя несколько минут Кэд тяжело повис на нём, спотыкаясь и дрожа. Майлз и сам спотыкался о корни, скользил по мху и болотной траве.

“Странно. Кэд лучше меня чувствует направление”.

Поначалу он шептал:

“Сюда, я думаю”.

Но затем перестал указывать дорогу, а спустя ещё какое-то время уже был не в состоянии отвечать на вопросы Майлза. В конце концов он остановился и зашатался.

– Кэд...

Дело плохо. Парень медленно опускался. Майлз еле успел подхватить его, чтобы тот не рухнул на землю. Теперь он сидел на маленькой поляне с пряным ароматом виргинского можжевельника и держал на коленях слепого парня, потерявшего сознание. Майлз вслушивался в тишину, которую вдруг прервал тревожный шорох.

“Шаги... в нашу сторону”.

Может, это олень? Осторожные и крадущиеся шаги. Треск – пауза, треск – пауза. Волосы Майлза вздыбились. Затаив дыхание, он потянулся в поисках камня либо палки, чувствуя тяжесть Кэда на своих коленях. В зарослях между деревьями что-то шевельнулось. Майлз сощурил глаза, каждый мускул его тела напрягся.

– Кто тут?

Глава 11

Кусты вновь зашевелились. В тщётных поисках оружия пальцы Майлза нащупывали лишь жёлуди и папоротник. Он опустил Кэда на землю и сжал кулаки, приготовившись к битве. Тёмная фигура притаилась за ветками.

Майлз всматривался так напряжённо, что перед глазами поплыли серые круги, но он всё же не смог разглядеть, кто это.

Напряжённую тишину нарушил знакомый голос:

– Я ведь говорил, ты не справишься.

Майлз еле не вскрикнул от радости. И в тот же миг луна вышла из-за облака.

Она осветила поляну и стройного парня, который стоял, сложив руки перед собой. Бледный серебряный свет превратил его русые волосы почти в белые, но тонкое лицо с прищуренными продолговатыми глазами не оставляло сомнений. Не говоря уже о недовольном и ворчливом тоне.

– Джин! – облегчённо выдохнул Майлз.

– Вот видишь, ты не очень-то далеко ушёл. Дорога там. Что произошло? Он повис на тебе, как гирия!

Удивительно, насколько приятно было слышать этот раздражённый и резкий голос.

Майлз грустно рассмеялся:

– Нет, просто он в отключке. А Берна мертва, представь себе! Та большая работорговка. Но...

– Шутишь?! Это ты её убил? – Джин уважительно взглянул на Майлза.

– Нет, не я, а... потом объясню. Сначала давай перенесём его куда-нибудь в укромное место. Тут холодно, а он совсем выбился из сил.

Джин наклонился к Аркадию.

– Я говорил, что не собираюсь помогать тебе, если из-за него ты попадёшь в беду.

– Знаю. Поддержи его с той стороны. Подхватим его под руки, и тогда он сможет пройти ещё немного.

– Ерунда! – отрезал Джин. – Давай лучше скрестим руки и понесём его как на стуле.

Майлз сжал холодную мозолистую ладонь с поразительно крепкой хваткой.

Они подняли и понесли парня, который оставался без сознания.

– Ты сильный, – отметил Майлз.

– Ну да, это одно из преимуществ рабства. Дорога в той стороне.

Идти было трудно. Но и Майлз тоже был не из слабого десятка, а Джин ловко обводил их вокруг густых зарослей. Как хорошо, когда рядом другой человек, здоровый, здравомыслящий и который не собирается убивать тебя. Майлз почти совсем успокоился.

– А Ли Джо? Что с ним?

– Он в порядке. Я спрятал его в одном месте... Правда, оно не очень надёжное. Но переночевать мы там сможем. Туда мы и направляемся.

– Ты позаботился о нём. – Во тьме Майлз покачал головой и рассмеялся.

– Что это тебя так развеселило? – проворчал Джин.

Они пару минут топтались на месте, пытаясь обойти по-

крытый мхом ствол упавшего дерева.

– Ничего, – улыбнулся Майлз. – Просто ты очень милый.

Внутри.

– Я забочусь прежде всего о себе. Тут так принято. Не забывай, – ответил Джин, громко шепча, и выругался, провалившись ногой в болотистую жижу.

– Хорошо, – согласился Майлз.

Но он всё равно чувствовал, как улыбка касается уголков его губ. Затем они оба замолкли, потому что задыхались от усталости. А мысли Майлза обратились к Дилосе. Дилоса... Она потрясающая! Он никогда таких не встречал. Но стоило Майлзу только подумать о ней, как его захлестнуло негодование, ярость и... страстное желание видеть её. Он мучительно не понимал своих чувств и поморщился, как от боли. Он так много не понимал. С прошлой ночи события развивались столь стремительно, что у него не было времени осмыслить случившееся с ним. Дилоса и те чудеса, что с ними происходили, были только частью общей неразберихи. Дилоса сказала, что убила Мелони...

“Нет, это невозможно. Невозможно, чтобы Мелони погибла. Да и Дилоса на это не способна... Или способна?”

Майлз обнаружил, что ему не хочется думать на эту тему. Всё связанное с Дилосой представлялось ему большим чёрным облаком, за которым таилась неизвестность. А Джин всё вёл и вёл их куда-то через холод и темноту. Майлз шёл, преодолевая боль в руках. Плечи и шею нестерпимо ломило.

Пот струился по спине, ноги гудели. Но он не сдавался, не отставал от Джина, и парни упрямо продолжали идти вперёд. Они шли где-то час, останавливаясь и трогаясь вновь.

Наконец Джин сказал:

– Это тут.

Перед ними открылась поляна. Свет луна падал на маленький бревенчатый домик, опасно накренившийся на один бок, где не хватало пары брёвен. Зато были потолок и стены. Отличное укрытие. Домик показался Майлзу замечательным.

– Его построили беглые рабы, – пояснил Джин, задыхаясь и делая последние шаги к домику. – Обитатели Ночи долго искали его, но так и не нашли. Все рабы в крепости знают об этом. Эй! – позвал он. – Это я, открывай!

Долгая пауза, скрип деревянного засова, и дверь приоткрылась. Майлз увидел бледное пятно детского лица Ли Джо Пенобско, его синюю бейсболку, чудом державшуюся на голове, напряжённую маленькую фигуру и заспанные испуганные глаза. Ли Джо пригляделся к спутнику Джина и просиял.

– Майлз! – Он ринулся к Майлзу стрелой.

– Ай! – Майлз пошатнулся, и безвольное тело Кэда рискованно наклонилось. – Я тоже рад видеть тебя, – сказал Майлз и, к своему удивлению, почувствовал, как глаза заслезинились. – Но мне нужно положить Кэда, а то я уроню его.

– Пошли туда! – скомандовал Джин.

В дальнем углу дома валялось много соломы. Они поло-

жили на неё Аркадия, и Ли Джо опять обхватил руками Майлза.

– Ты нас выручил, мы убежали, – сказал Ли Джо, и его острый маленький подбородок вонзился в плечо Майлза.

Майлз обнял его.

– Э... мы все друг друга выручили, а Джин помог убежать тебе. Я рад, что все мы целы и невредимы.

– А он? Что с ним? – Отстранившись, Ли Джо посмотрел на Аркадия.

– Не имею понятия.

Лоб Кэда пылал под его рукой, дыхание парня было ровным, но хриплым.

Майлз забеспокоился.

– На, укрой его, – сказал Джин и подтянул кусок тяжёлого, грубого материала, широкого, как парус, и такого жёсткого, что он с трудом сгибался. – Нужно всем залезть под него – и согреемся.

Они положили Кэда посередине, Майлз и Ли Джо улеглись с одной стороны, а Джин с другой. Покрывало было большим, и все они хорошо в него завернулись. Сено пахло замечательно. Оно было колючим, но длинные рукава куртки и штаны защищали Майлза. Ли Джо свернулся уютно рядом, как щеночек, и Майлз быстро согрелся. Как это здорово, больше не двигаться, никого не нести, никуда не бежать, а лежать не двигаясь и расслабив ноющие мышцы.

– Здесь припрятано немного еды, – сказал Джин, роясь

в сене и вытаскивая небольшой пакет. – Ломтики сушёного мяса и овсяные лепёшки с ягодами. Но мы должны оставить немного на завтра.

Майлз жадно жевал сухое мясо. Конечно, это не строганина. Но в то мгновение жёсткое и с душиком мясо казалось ему настоящим деликатесом.

Он постарался заставить Кэда тоже покушать – бесполезно. Кэд упорно отворачивался. Перекусив, они запили еду водой и устроились на своём соломенном ложе. Майлз чувствовал себя почти счастливым. Ноющая боль в желудке прошла, под тяжёлым одеялом было тепло и спокойно.

– Ты собирался... – Джин широко зевнул, – рассказать мне про Берну...

– Ага, – сонно пробубнил Майлз, его глаза слипались. – Завтра...

Он лежал на куче соломы в крошечном домике, затерянном в мрачном лесу неизвестного королевства, рядом с тремя мальчиками, которых до этого дня не знал и которые теперь казались ему братьями... И с этими мыслями Майлз провалился в сон.

Майлз проснулся оттого, что изнемогал от жары под тёплым покрывалом, хотя нос его замёрз. Бледный свет пробивался через щели между брёвнами.

Минуту он тупо смотрел на грубые бревенчатые стены и солому на полу, не понимая, где находится. Затем вспомнил.

– Кэд! – Майлз быстро сел и посмотрел на больного парня.

Кэд выглядел плохо. Его лицо приобрело восковой оттенок, какой бывает у человека с высокой температурой, светлые волосы слиплись на влажном лбу.

Но он услышал Майлза: его ресницы дрогнули, и он открыл глаза.

– Майлз?

– Ты как? Хочешь пить? – Приподняв Кэда, он приложил флягу к его рту.

– Со мной всё нормально. Благодаря тебе, я думаю. Ты принёс меня сюда, да? – Кэд повёл головой, словно осматриваясь вокруг широко открытыми невидящими глазами. Он говорил короткими фразами, сберегая силы, но его голос был скорее нежен, нежели слаб. – Ты и Джин. Спасибо вам обоим.

“Он слышал, как мы разговаривали вчера вечером”, – решил Майлз.

Джин сел, в его русых волосах торчала солома, серые глаза были прищурены и тревожны. Недовольно ворча, зашевелился и Ли Джо.

– Доброе утро всем, – бодро начал Майлз.

– Доброе, – отозвался Ли Джо, и у него в животе заурчало. – Наверное, я всё ещё голоден.

– Там осталось несколько лепёшек, – сказал Джин, – и один кусок мяса. Предлагаю доесть.

Они заставили Кэда поесть мяса, хотя тот и отнекивался.

Затем торжественно разделили лепёшки на четыре части и съели их, набивая полный рот сухими хлопьями и тщательно прожёвывая, после чего запили всё остатками воды.

– Надо будет набрать ещё воды, – сказал Майлз. Фляга была почти совсем пуста. – Но прежде всего нужно решить, что нам теперь делать. Каков наш план?

– Прежде всего, – заявил Джин, – ты нам расскажешь, что произошло с Берной.

– О! – Майлз закрыл глаза. Он понимал, почему Джину так важно было узнать обо всём. – Ну, в общем, она мертва. – И коротко пересказал всё, что произошло после того, как он и Кэд побежали через лес, как Гэвина и Берна преследовали их и загнали в тупик на груде камней, как Берна превратилась в медведицу. – Она была оборотнем – вот...

Джин кивнул, не выразив удивления.

– Берна значит медведица. Их имена обычно означают то, чем они являются. Но ты говоришь, что сражался с ней палкой? Ты ещё глупее, чем я думал. – И всё-таки глаза его мерцали от восхищения, а Ли Джо слушал просто с немym обожанием.

– И вдруг появился... синий огонь, – продолжал Майлз. – И убил Берну, а Гэвина убежала.

Ему не хотелось рассказывать им о том, что его освободила Дилоса – Джин всё равно не поверит, – и тем более о том, как их сознания слились в одно, едва их руки соприкоснулись, и о том, что он видел её воспоминания, и что она ему

снилась раньше, ещё до того, как он попал в долину.

– Затем я наполнил флягу водой, а когда послышались шаги Сильвиона, Дилоса вышла, чтобы он не нашёл меня и Кэда...

Майлз замолчал, заметив, что все уставились на него. Кэд был задумчив и спокоен, как всегда, испуганные глаза Ли Джо глядели любопытно, но Джин окаменел от ужаса.

– Так ты говоришь, принцесса Дилоса спасла тебе жизнь? Синим Пламенем? Ты говоришь, она не выдала тебя охотницам? – переспросил он недоверчиво.

– Ага, так и было.

“Хорошо, что я не рассказал ему о поцелуе”, – подумал Майлз.

– Не может быть! Дилоса всех презирает. Она среди них самая опасная.

– Да, она тоже так говорила. – Майлз смутился и поёжился. Под взглядом Джина ему стало неловко, словно он защищал кого-то сверхпорочного. – Она сказала, что убила мою сестру, но я не знаю, верить ли...

– Верь! – Ноздри Джина раздувались, а губы были изогнуты в презрении, будто он увидел что-то отвратительное. – Она тут главная, и от неё всё зависит. Нет такого преступления, которого бы она не совершила. Я не могу поверить, что она позволила тебе уйти. – Он задумался на миг и хмуро добавил: – Если только она не задумала что-то особенное. Позволить тебе уйти и затем устроить охоту, например. Её

бы это очень позабавило.

В желудке Майлза заняло – и вовсе не от голода. Он старался держаться спокойно.

– Я так не думаю. Я думаю, она хотела, чтобы я скрылся.

– Не ври себя. Ты не знаешь местных тварей, потому что не жил тут. Никто из вас не жил тут. – Джин посмотрел на Ли Джо, который слушал, широко раскрыв синие глаза, и на Кэда, сидевшего молча, склонив голову. – Обитатели Ночи – монстры. А те, кто живут в Тёмном Королевстве – злейшие из них. Некоторым уже сотни лет, они жили тут до того, как прапрабабушка Дилосы основала Королевство. Они вечные и вечно... охотятся. Охота – их единственное развлечение и забота. Ничего другого они не делают.

Майлза знобило. То, что рассказал Джин, никак не укладывалось в его голове.

– Прошлой ночью я заметил кое-что странное, – произнёс он. – Я стоял на тропе и слушал, но не услышал ни звука. Вообще ничего.

– Они истребили всё живое.

Худая рука Ли Джо нервно вцепилась в Майлза:

– Но тогда на кого они охотятся?

– Они разводят животных и выпускают их на волю. Я в рабстве два года, и сначала они разводили лишь местных обитателей: пум, бурых медведей, росомах и всякую мелочь. Но последние несколько лет они начали привозить экзотических животных: львов, гепардов и других хищников.

Майлз перевёл дыхание и похлопал Ли Джо по плечу:

– Они не охотятся на людей.

– Не смей меня! Как раз на людей они и охотятся. Но лишь в случае, если смогут отыскать тому оправдание. По их законам, вампиршам запрещено загонять людей до смерти. Люди – ценный товар. Не будет людей – чем они будут питаться? Но за беглыми рабами вампиршам разрешено охотиться, ловить и доставлять их назад в крепость. А если раб ещё как-то провинился, они затем убивают его.

– Ясно. – Сосущая боль в желудке у Майлза превратилась в ноющий спазм. – Но...

– Если она отпустила тебя, так лишь для того, чтобы поохотиться в своё удовольствие. Я ведь говорю, она изувер. Послушай, вот уже два года, как старая королева умерла и Дилоса взошли на престол, и ровно два года они привозят сюда новых рабов. Они не просто хватают людей, заблудившихся в горах, они спускаются вниз и воруют детей на улицах. Так и Ли Джо, и я оказались тут.

Ли Джо затрясся. Майлз обнял его и почувствовал, как маленькое тело вздрагивает около него.

Он упрямо нахмурился и крепче прижал его к себе:

– Не бойся! Ты был таким смелым всё время. Держись, хорошо? Всё нормализуется.

Он чувствовал на себе насмешливый взгляд Джина, требующий объяснений, каким образом всё нормализуется. Однако Майлз проигнорировал его немой вопрос.

– А тебя, Кэд, тоже схватили на улице? – спросил он, лишь бы прекратить обсуждать Дилосу.

Кроме того, прошлой ночью Кэд сказал странную вещь: “Я пришёл сюда по делу...”

– Нет. Меня схватили в горах.

Слабый голос Кэда испугал Майлза. Парень говорил медленно, и это явно отнимало у него последние силы. Майлз забыл обо всём: и о Дилосе, и о торговле рабами. Он осторожно пощупал голову Кэда.

– О господи! Ты пылаешь. Ты весь в огне.

Кэд медленно открыл глаза.

– Да, яд действует, – простонал он, – они сделали мне какой-то укол... Мой организм старается бороться.

– Тебе делается хуже? – Майлз не на шутку встревожился. А когда Кэд неохотно кивнул, у него уже было готово решение: – Теперь у нас нет выбора. Мы должны пойти в крепость, там есть знахарь. Если кто и может помочь, то только он.

– Погоди, – возразил Джин, – мы не можем пойти во дворец. Не шагать же прямо им в лапы! Нам нельзя уходить отсюда. Однажды я наткнулся на потайную тропинку, но это вышло случайно. Мне не отыскать её вновь...

– Я бы нашёл, – сказал Майлз и добавил в ответ на удивлённый взгляд Джина: – Неважно как. Просто смог бы. Только для этого пришлось бы спускаться с другой стороны горы, а Кэд этого не выдержит. И он долго не протянет, если мы

оставим его тут и отправимся искать помощь.

Джин прищурил серые глаза, будто говоря:

“Значит, мы должны его бросить. Это единственное разумное решение”.

Однако Майлз заявил категорично:

– Ты возьмёшь Ли Джо и отправишься к тропинке. Я объясню тебе, как туда пойти. А я понесу Кэда в крепость. Пойдёт? Ты можешь показать мне туда дорогу?

– Бред! – фыркнул Джин. – Ну, допустим, ты доберёшься до крепости с ним на плечах. Ты ведь не знаешь, как войти! А если войдёшь – это равносильно самоубийству... – Он вдруг осёкся.

Неожиданное чувство беспокойства охватило Майлза. Он заметил, что Кэд повернулся к двери быстрым движением кота, почуявшего опасность. Страх опять охватил парней, научившихся жить, полагаясь на инстинкты. Майлз замер и расслышал далёкий, еле различимый звук. Ауканье... и ещё... лай гончей своры.

– Это они, – прошептал Джин в мёртвой тишине домика. – Я ведь говорил. Они охотятся на нас.

– С псами? – спросил Майлз, не веря своим ушам.

– Всё закончено, – вздохнул Джин. – Мы пропали.

Глава 12

– Нет! – Откинув тяжёлое одеяло, Майлз вскочил, хватая Кэда за руку. – Идём!

– Куда? – спросил Джин.

– В крепость. Мы должны держаться вместе. – Другой рукой Майлз сжал руку Ли Джо.

– В крепость?

Майлз пронзил Джина убийственным взглядом:

– Послушай, у нас нет другого выхода. Они ждут, что мы будем искать тропинку, так? И устроят там засаду. А если мы останемся тут, они скоро отыщут нас. Единственное место, куда, по их мнению, мы не пойдём, – это крепость.

– Ты просто чокнутый...

– Идём! – Майлз направился к двери.

– ...но, возможно, ты и прав. – Джин подхватил Кэда с другой стороны. – Иди за нами, – прошептал он Ли Джо.

Утром лес выглядел вообще по-другому, нежели ночью. Туман соткал над кронами деревьев серебряную паутину, лучи восходящего солнца напоили плотные облака перламутровым светом. Но эта сверхъестественная красота была чужой и тревожной. Вскоре внизу показалась крепость. Увидев её, Майлз невольно остановился. Крепость поднималась в тумане, как чёрный остров, обнесённый зубчатой стеной с башнями по углам, – точно как на картине!

“И она правда настоящая”, – подумал Майлз, которому иногда казалось, что всё происходящее тут, несмотря на реальность его ощущений, всего-то сон.

– Не останавливайся! Чего ты ждёшь? – крикнул Джин, волоча на себе Кэда.

Спохватившись, Майлз ускорил шаг. Они быстро спуска-

лись по направлению к старым, в три обхвата, деревьям, растущим на склоне холма.

– Если они с псами, надо отыскать ручей, чтобы сбить их со следа, – сказал Майлз.

– Я знаю, где есть ручей, – отрывисто отозвался Джин, еле пробиваясь через покрытый росой папоротник и заросли. – Я тут жил некоторое время, когда сбежал впервые и искал тропинку... Но у них не просто псы.

Майлз помог Кэду перебраться через извивающиеся, как щупальца, корни кого-то дерева.

– Что значит “не просто”?

– Это оборотни, как Берна и Гэвина. И они не только идут по нашим следам, они чувят нашу силу жизни.

Майлз вспомнил, как Берна вертела головой, спрашивая: “Ты что-либо чувствуешь?”, и как Гэвина ответила: “Нет, я вообще их не улавливаю”.

– Ну этого нам не хватало, – проворчал Майлз.

Он оглянулся на Ли Джо, который не отставал от них ни на шаг, но его лицо покраснело от напряжения. Странная это была погоня. По влажной лесной почве парни двигались почти бесшумно, единственным звуком было частое, сдавленное дыхание и редкие указания Джина, куда идти. Они скользили, и проваливались в мох, и спотыкались о корни между большими тёмными стволами, поднимавшимися вверх, словно колонны. Тяжёлые ветви кедровых деревьев отбрасывали густые тени на покрытые зелёной плесе-

нюю упавшие брёвна, от которых шёл резкий аромат хвои. Лес дышал безмятежным покоем, вот только отдалённый лай становился всё ближе. Они перешли вброд ледяной горный ручей. Но Майлз уже не очень надеялся, что это собьёт охотниц со следа. После переправы Кэду стало хуже. Он впал в полузабытьё, шёл, как лунатик, и отвечал на вопросы неясным бормотанием.

Да и Ли Джо беспокоил Майлза. Парни постепенно выбивались из сил.

Погоня настигла их уже совсем около крепости. Они еле справились с трудным спуском с горы и Майлз было порадовался за Ли Джо и Кэда, когда ужасающе близко раздался лай псов. Он становился всё громче.

Остановившись, Джин выругался.

– Ты их видишь? – с тяжёлым дыханием спросил Майлз.

– Дорога! – Джин махнул рукой. – Я идиот. Разумеется, они спускались по ней быстрее, чем мы пробирались через заросли. Они нарочно загнали нас в лес.

Ли Джо прижался к Майлзу. Он совсем запыхался, синяя бейсболка съехала набок.

– Что нам делать? Они нас схватят? – всхлипнул Ли Джо.

– Нет! – Майлз стиснул челюсти. – Назад! Быстрее...

– На дерево, – вдруг отчётливо произнёс Кэд.

Он стоял с поникшей головой и опущенными веками, и, казалось, ничего не воспринимал. Но Майлз интуитивно почувствовал, что должен слушаться его.

– Глядите! Мы взлезем на это дерево.

Парни находились возле большого дерева. Его нижние ветви росли так высоко, что до них было не дотянуться, но упавший клён застрял в его кроне, и по его стволу можно было вскарабкаться наверх.

– Ты чокнутый, – опять сказал Джин, – мы не сможем спрятаться в ветвях, они нас точно схватят. Кстати, как он узнал, что тут есть дерево?

Хороший вопрос. Майлз посмотрел на Аркадия, но Кэд не отвечал. Он снова впал в глубокий транс.

– Понятия не имею. Но мы не можем просто стоять и ждать. – Интуитивно Майлз понимал, что сейчас нужно довериться Кэду. – Давайте попробуем спрятаться, ладно? Вперёд, Ли Джо! Ты сможешь.

Спустя несколько минут все они были наверху.

“Нас укрыло рождественское дерево”, – думал Майлз, смотря через тонкие, покрытые гладкой душистой хвоей ветки на просёлочную дорогу – две утрамбованные колёсами колеи с травой, растущей посередине.

А вот и охотницы. Сначала огромные псы, но до жути тощие – видны все рёбра наперечёт. Затем всадницы. Сильвион скакал впереди. Его светло-зелёная мантия развевалась на ветру. За ним рысью шла черноволосая Гэвина, та самая работорговка, которая преследовала вчера Майлза и Кэда да смылась, когда Дилоса убила Берну Синем Пламенем.

“Она служит ему”, – решил Майлз.

Но не успел он утвердиться в этой мысли, как заметил за Сильвионом ещё двух всадниц. Первой на холёной гнедой лошади, почти чёрной с красным отливом, скакала Дилоса. Держась в седле с лёгкостью и изяществом, она выглядела настоящей сказочной принцессой. И только тяжёлая повязка на левой руке никак не вязалась с этим образом. Сердце Майлза заныло. Она гналась за ними. Именно так и сказал Джин. Она охотилась на них с псами.

Вероятно, принцесса рассказала Сильвиону, что не убила беглых рабов.

– Вот видишь? – еле слышно шепнул Джин.

Майлз отвернулся. Затем он разглядел другую всадницу и застыл в замешательстве.

“Мать Дилосы?!”

Ничуть не изменилась, всё такая же, как в её детских воспоминаниях.

Высокая, статная женщина с русо-белыми волосами и суровым красивым лицом. На таком расстоянии трудно было что-нибудь разглядеть, но Майлз точно знал, что глаза у неё ярко-красные.

“Старая королева. Но она ведь умерла!”

Майлз был очень потрясён, чтобы думать об осторожности.

– Кто это? С русыми волосами? – торопливо прошептал он Джину.

Джин ответил почти беззвучно:

– Ханна Редферн.

– Это не королева?

Джин отрицательно покачал головой.

Майлз продолжал вопросительно смотреть на него, и он прошептал:

– Прапрабабушка Дилосы. Она только что сюда приехала.

Расскажу позднее.

Майлз кивнул. В следующий миг все вопросы вылетели у него из головы, а Ли Джо в страхе вцепился в его руку. Охотницы останавливались. Псы потеряли след и завертелись на месте всего в двадцати футах от парней. Всадницы осадили коней прямо под тем деревом, на котором прятались парни.

– В чём дело? – спросила Ханна Редферн.

Одна из собак начала меняться. Майлз уловил движение и неотрывно уставился на неё, чтобы проследить за превращением. Тощее и жилистое животное встало на задние лапы. Псиная вытянулась в полный рост и застыла, а её грязное туловище затряслось. Затем её плечи расправились, лапы исчезли, а на их месте выросли руки и ноги. Спина выпрямилась и расширилась. Хвост поджался и исчез. Псиная морда округлилась, уши и нос уменьшились, подбородок выдвинулся вперёд. И спустя пятнадцать секунд собака превратилась в девчонку, на которой всё ещё болтались обрывки бурой шерсти. Но она окончательно приобрела облик человека.

“Откуда на ней взялась юбка? – удивлялся Майлз. – Ин-

тересно, как им это удаётся?”

Девочка повернулась к всадникам. Майлз видел, как тяжело она дышит.

– Тут что-то не так, – произнесла она. – Я не могу проследить их силу жизни.

Ханна Редферн взглянула на неё:

– Они блокируют её?

– Берна говорила то же самое, – подтвердила Гэвина. – Они и вчера блокировали её.

– Разве это возможно? – спросила Дилоса. Она остановилась около своих спутников, сдерживая нервную, норовистую лошадь. – Разве они не обыкновенные рабы?

Ханна и бровью не повела, но Сильвион и Гэвина заговорщически переглянулись. Майлз нагнулся, стараясь по лицу Джина понять, знает ли тот, о чём они болтают. Но тут Кэд приковал к себе его взгляд. Его глаза были закрыты, голова покоилась на тёмном стволе дерева, а губы беззвучно двигались. Джин тоже подозрительно смотрел на него.

– Человеческие существа иногда преподносят сюрпризы, – сказала Ханна Редферн. – Неважно. Мы всё равно их поймаем.

– Кажется, они идут в крепость, – в задумчивости произнёс Сильвион. – Нужно бы выставить около ворот дополнительную охрану.

Майлз заметил, как Дилоса нахмурилась. Да и Ханна Редферн стала мрачнее тучи.

– Да, сейчас же! – отдала она приказ худой бритоголовой женщине, которая спешно и подобострастно кивнула.

И тут Майлз похолодел. Дилоса смотрела прямо на него. Другие охотницы внимательно изучали дорогу и заросли. До сих пор лишь Дилоса сидела неподвижно и не принимала участия в поисках. Но теперь она вдруг подняла голову и посмотрела как раз туда, где притаился Майлз. Их взгляды пересеклись. Даже на таком расстоянии в её красных глазах было заметно мерцающее пламя. Дилоса смотрела... на него. Отшатнувшись, Майлз еле не свалился с дерева. Его сердце отчаянно билось. Не зная, что делать, он судорожно вцепился в свою ветку.

“Мы покойники, – в смятении твердил мысленно Майлз, окаменев под взглядом красных глаз. – Дилоса сильнее, чем все остальные, она – Неукротимая Сила. Она всё равно чувствует нас. Сейчас охотницы окружают наше дерево... А у нас нет оружия... Они мигом перебыют нас...”

“Уходи. – Голос Дилосы, отчётливо прозвучавший в голове Майлза, стал для него новым потрясением.

“Дилоса? – телепатически откликнулся Майлз, смотря в её горящие глаза. – Ты можешь?..”

Выражение её лица ни капли не изменилось.

“Я ведь и раньше говорила тебе: уходи! Но ты никак не желаешь слушаться. Что мне ещё сделать, чтобы ты понял?”

“Дилоса, послушай, я не хочу...”

“Последний раз предупреждаю, – прервала она его холод-

ным тоном. – Не ходи в крепость. Если ты посмеешь обратиться туда, я больше не буду защищать тебя”.

Майлз оцепенел от ужаса и её угрожающего тона.

“Держись подальше от крепости, если хочешь остаться в живых”, – пригрозила она и отвернулась.

Майлз почувствовал, что связь между ними оборвалась, на душе у него стало пусто.

– Поехали! – крикнула Дилоса охотницам и пришпорила лошадь.

Они послушно тронулись и поскакали вниз по дороге, а Майлз тщётно пытался унять озноб, охвативший его.

Когда охотницы пропали из поля зрения, Ли Джо перевёл дыхание и прошептал:

– Я думал, они нас поймали.

Майлз вздохнул:

– Я тоже. Но Кэд оказался прав. Они проехали мимо. Кстати, что значит “блокировать”?

Кэд продолжал сидеть, прислоняясь головой к стволу дерева, его глаза были закрыты. Он словно уснул, его губы больше не шевелились. Прищурив глаза, Джин хмуро усмехнулся.

Но ничего не сказал, а только приподнял бровь и пожал плечами:

– Кто знает?

“Ты знаешь, – подумал Майлз. – По крайней мере, гораздо больше, чем говоришь”.

Впрочем, сейчас его тревожило другое.

– А кто такая Ханна Редферн?

– О! Весьма важная особа в Ночном Мире, – сказал Джин. – Возможно, она тут самая важная. Пятьсот лет тому назад её дочь основала Тёмное Королевство.

Майлз заморгал:

– Когда?

Глаза Джина язвительно блеснули.

– Пятьсот лет назад, – терпеливо повторил он. – Они ведь вампиры. Вернее, ламии – раз у них есть дети. Но не в этом дело. А в том, что они бессмертны... ну, если только не произойдёт несчастный случай.

– Той тётке больше шести сотен лет? – переспросил Майлз, тупо смотря вниз на тропу, где только что стояла Ханна Редферн.

– Ага. И все говорят, она здорово похожа на старую королеву. То есть наоборот.

Дилоса тоже думает, что Ханна похожа на её мать. Он заметил, что та управляет Дилосой не хуже, чем принцесса своей лошадью. Дилоса привыкла слушаться мать, которая была точной копией Ханны Редферн.

Майлз сдвинул брови:

– Но... почему не она королева?

– А... – Джин нырнул под ветки, и иголки застряли в его волосах. – Она пришла сюда из Внешнего Мира, – ответил он раздражительно. – Всего несколько недель назад. Рабы гово-

рят, она и не знала об этом месте раньше.

– Не знала?!

– Так я слышал от старух. Когда Ханна Редферн была ещё очень молодой, у неё родилась дочь по имени Шери. Шери выросла, поссорилась с матерью и убежала от неё вместе со своими друзьями. Ханна Редферн осталась без наследницы и так и не узнала, что её дочь нашла это место... – Джин обвёл рукой долину, – и создала тут своё королевство. Однако потом Ханна как-то разузнала об этом и нагрязнула с визитом. Ну, вот она тут. – Замолчав, он потянулся.

Ли Джо сидел тихо, смотря то на Джина, то на Майлза. Кэд молча вздохнул.

Майлз облизнул губы.

– Так она тут просто с визитом? И всё?

– Я раб. Ты думаешь, я беседовал с ней лично?

– Я думал, ты знаешь...

Джин сердито посмотрел на него, затем покосился на Ли Джо. И Майлз понял.

– Джин, этот мальчик прошёл через ад. Он сможет выдержать всё, что бы там ни было. Правда? – обратился он к Ли Джо.

Ли Джо поправил на голове синюю бейсболку и очень серьёзно ответил:

– Правда.

– Ну, Джин, говори! Что Ханна Редферн тут делает?

Глава 13

– Я думаю, – сказал Джин, – она прибыла сюда, чтобы убедить Дилосу уничтожить Тёмное Королевство. Наглухо заколотить ворота крепости и уйти вместе с ней во Внешний Мир. И конечно, совершенно случайно уничтожить всех рабов.

– Всех? – поражаясь, переспросил Майлз.

– Эм, в этом есть своя логика. Рабы больше никому не понадобятся.

– И поэтому ты решил бежать...

Джин кинул быстрый взгляд на Майлза:

– Знаешь, ты не настолько уж глуп, как кажешься.

– Ну и отлично! Благодарю.

Майлз уселся поудобнее на своей ветке. Сучья ужасно колелись, и ему очень хотелось отодвинуться, но он передумал – лучше прятаться тут и вообще никуда не высовываться. Его охватили дурные предчувствия.

– Но почему, – вновь заговорил он, собираясь с мыслями, – почему Ханна Редферн захотела вдруг уничтожить королевство именно сейчас?

– А ты как думаешь? Майлз, ты что-то знаешь об этом?

“Четыре Неукротимые Силы, – вспомнил Майлз голос старой учительницы из детства Дилосы, – накануне тысячелетия будут призваны спасти мир... либо уничтожить его”.

– Я знаю, что накануне тысячелетия грянут тяжёлые испытания, и что четыре Неукротимые Силы должны что-то сделать, и что Дилоса – одна из них...

– Они должны спасти мир, – скороговоркой подхватил Джин. – Но Обитатели Ночи хотят от них вообще иного. Они ждут катастрофы, которая сотрёт с лица Земли большую часть людей, и тогда они будут править миром. Вот почему Ханна Редферн сейчас тут. Она хочет перетянуть Неукротимые Силы на свою сторону, чтобы они помогли ей разрушить мир, вместо того чтобы спасать его. И похоже на то, что она уже убедила в этом Дилосу.

Вздохнув, Майлз откинулся на ствол. Да, то же самое он слышал от Дилосы, а Джину нет смысла лгать. Но Майлз всё равно не хотел верить ему. От нахлынувших беспокойных мыслей его охватила неожиданная слабость.

Тяжёлый груз лёг на его плечи.

– Новое тысячелетие несёт с собой конец мира... – проворчал он.

– Да, во всяком случае нашего мира.

Майлз взглянул на Ли Джо, который, сидя на конце ветки, болтал тонкими ногами.

– Ты в порядке?

Ли Джо кивнул. Гибель мира не очень пугала его. Он полностью доверял Майлзу.

– Ты всё ещё хочешь дойти до крепости? – спросил Джин, буравя его взглядом. – Ханна Редферн – плохая девушка, с ней лучше не связываться. Жаль тебя разочаровывать, но твоя приятельница принцесса Дилоса жаждет нашей крови не меньше, чем все они.

– Я не хочу, – коротко ответил Майлз и наклонил голову, хмуро смотря на Джина из-под редких ресниц. – Но я должен. И теперь у меня даже больше причин отправиться туда.

– Каких же?

Майлз стал загибать пальцы:

– Первая, я должен отыскать знахаря для Кэда. – Он посмотрел на Аркадия, который сидел неподвижно, вцепившись в ствол ели, и загнул второй палец. – Вторая, я должен выяснить, что произошло с моей сестрой, – и ещё третий палец. – И третья, я должен освободить всех рабов до того, как Ханна Редферн убьёт их.

– Ты должен что-о-о? – Джин едва не свалился с дерева.

– Именно то, что слышал: освободить всех рабов. Не переживай, я не буду тебя в это втягивать.

– Да. Я ошибся: ты как раз настолько глуп, как кажешься. Ты окончательно сдвинулся.

“Да, знаю, – вздохнул Майлз. – Ладно, что я не успел назвать четвёртую причину: удержать Дилосу от участия в уничтожении мира”.

Он чувствовал, какая тяжёлая ответственность опустилась ему на плечи. Он знал Дилосу. И не имел права просто уйти. Никто, исключая его, не смог бы поговорить с ней и переубедить её. В этом нет сомнений. Значит, он обязан попытаться.

“А если она действительно воплощение зла, как думал Джин... если она по-правде убила Мелони... э, тогда моя за-

дача меняется”.

Он сделает всё, чтобы остановить её. Даже убьёт, если понадобится.

– Идём, – сказал он мальчикам. – Кэд, ты сможешь спуститься? Джин, ты знаешь более короткий путь до крепости?

От крепостного рва исходила вонь. Майлз напрасно радовался, когда впереди показалась крепость. Он даже не предполагал, что им придётся переплывать ров с затхлой водой и перебираться через кучу отбросов, которую Джин звал свалкой.

– Лучше меня убейте, – простонал Майлз на середине пути.

Он насквозь промок и вымазался в жуткой липкой гадости. Он никогда раньше не был таким грязным. Но в следующее мгновение тревога за Кэда заставила его забыть всё остальное. Кэд сумел переплыть ров и послушно выполнял всё, что ему говорили. Но вдруг его стало трясти. Майлз не на шутку разволновался. Вряд ли физические нагрузки пойдут на пользу тому, кого отравили. Когда они наконец добрались до вершины горы мусора, Майлз огляделся и увидел маленький лаз в сложенной из тёмного блестящего камня крепостной стене.

– Тише там, – прошептал Джин и наклонился к Майлзу: – Надо спускаться. Затем мы пройдем через кухню, ясно? Не страшно, если рабы увидят нас, но нужно остерегаться их.

– Мы должны отвести Кэда к знахарю...

– Да знаю я! Туда-то я вас и веду. – Джин взял Ли Джо за плечо и подтолкнул его в проход.

Каменные своды глухо отзывались эхом. Майлз шагал осторожно, чтобы его кроссовки не хлюпали. Крепость произвела на него гнетущее впечатление.

Такая большая и ледяная. Он пробирался по коридору и чувствовал себя насекомым. Они миновали бесконечно длинный лаз и вышли к маленькой входной двери, закрытой деревянными щитами. Майлз услышал за ними какую-то возню, а когда Джин крадучись повёл их вперёд, увидел, что за щитами ходят люди. В большом зале рабы накрывали светлыми скатертями длинные дубовые столы. И ещё одна дверь. И ещё один коридор. А вот наконец и кухня, где тоже было много суетившихся людей. Они помешивали варево в больших чугунных котлах, крутили мясо на вертеле. Различные съестные запахи ударили в нос, и Майлз едва не лишился чувств. Он был так голоден, что у него затряслись колени. Но сильнее голода был страх. Десятки глаз воззрились на вновь прибывших.

– Рабы, – коротко объяснил Джин. – Они не донесут на нас. Возьми мешок, оберни его вокруг себя и пошли. А Ли Джо пусть снимет свою дурацкую бейсболку.

“Рабы”, – в удивлении думал Майлз.

На всех одинаковые широкие штаны и просторные короткие робы. Джин был одет точно так же, но на нём всё сидело

настолько складно, что эти вещи выглядели почти как нормальная одежда, и Майлз сначала не обратил на них внимания. Теперь же он увидел, что эти бесформенные одеяния к тому же неопределённого бурого цвета, а люди в них казались все на одно лицо.

“Что у них за жизнь? – размышлял он, набрасывая на плечи грубый мешок, чтобы спрятать свою светло-голубую куртку. – У них нет выбора и нет надежды на будущее... От такой безысходности можно рехнуться!”

Ему не пришлось долго пялиться вокруг себя. Джин открыл дверь, и парни оказались на открытом воздухе. Возле кухни был маленький сад с чахлыми фруктовыми деревьями, за ним – двор и, наконец, ряд хибар, ютившихся около высокой чёрной стены, окружавшей крепость.

– Тут опасно, – прошептал Джин. – Это задний двор, и, если кто-либо из них случайно выглянет и увидит нас, мы в беде. Наклоните головы и идите как рабы. – И, шаркая ногами, как старик, он повёл их к хибарам

“Похоже на целый город, – подумал Майлз. – Город, обнесённый стеной и с замком посередине”.

Они благополучно добрались до нужной лачуги, и Джин втолкнул их внутрь.

– Надо же! Нам удалось пробраться, – удивляясь, проворчал он.

Мизерное помещение было вообще тёмным. Возле стены стояла грубо сколоченная скамейка и стол. Посередине ле-

жала груды белья для стирки.

– Мы будем в безопасности тут? – спросил Майлз.

– Мы нигде не будем в безопасности, – резко ответил Джин. – Тут мы сможем раздобыть для вас одежду рабов и чуточку отдохнуть. – И добавил, едва Майлз открыл рот: – Пойду приведу знахаря.

Когда он ушёл, Майлз занялся Кэдом и Ли Джо. Их обоих трясло. Он уложил Кэда и помог Ли Джо перелезть через груды тряпок.

– Снимайте мокрую одежду, – распорядился Майлз.

Он и сам быстро скинул кроссовки и бросил на пол влажную куртку. Затем опустился на колени, чтобы снять с Кэда ботинки. Слепой юноша неподвижно лежал на тонком соломенном тюфяке и ни на что не реагировал. Майлз не на шутку испугался. Входная дверь отворилась, и появился Джин. С ним в помещение вошли ещё два раба. Один – красивый тощий мужчина средних лет со светлыми длинными волосами, собранными в хвост. Поверх рубы на нём был надет фартук. Другой – совсем молоденький парень с испуганным лицом.

– Это Прачный. – По тону, с каким Джин произнёс эти слова, стало ясно, что Прачный – имя мужчины. – Он знахарь, а парень – его помощник.

Майлз вздохнул облегчённо.

– Это Кэд, – сказал он.

Никто не шевельнулся, и он продолжил:

– Кэд из Внешнего Мира, его отравили работорговки...

наверное, пару дней назад... у него была высокая температура... и он всё время без сознания...

– Что это? – Тощий мужчина шагнул в сторону Кэда. Выражение его лица не обещало ничего хорошего. Он сердито повернулся к Джину: – Как ты мог приволоочь сюда... этого гада?

Майлз застыл на полу возле ног Кэда.

– О чём вы? Он болен...

– Он – один из них! – Глаза мужчины зло сверкнули. – И не говори, что ты не заметил, – угрожающе обратился он к Джину. – Это совсем понятно!

– Что совсем понятно? – Майлз стиснул руки. – Джин, о чём он говорит?

Горящий взгляд мужчины пронзил Майлза:

– Он колдун.

Майлз окаменел. Не может быть! Он не верил. Кэд – колдун? Такой же, как Сильвион? Как другие Обитатели Ночи? Нет, Кэд вообще не такой. Он не злой и не вредный... Он нормальный, только чересчур красивый и благородный. Он не мог не быть человеком. Однако в глубине души Майлз даже не удивился.

Как ни странно, он был готов к этому. Память рисовала недавние сюжеты.

Вот Кэд в дупле дерева, когда они прятались от Берны и Гэвины, его губы беззвучно шевелятся, и Гэвина говорит:

” Я вообще не могу их учуять”.

Та гончая собака сегодня сказала то же самое:

“Я больше не могу проследить их жизненную энергию”.

Кэд блокировал их. И именно он подсказал залезть на дерево. Он слепой, но он всё видит. Значит, это правда. Майлз медленно повернулся и посмотрел на парня, неподвижно лежавшего на тюфяке. Кэд был в забытьи, только дыхание слабо поднимало его грудь. Влажные волосы прилипли к его голове, как чёрные змеи, лицо было испачкано грязью, ресницы опущены. Каким-то чудом он не утратил ни капли своей безмятежной красоты. Он оставался совершенством, что бы с ним ни происходило.

“Мне всё равно, – решил Майлз. – Возможно, он и ведьмак, но он не похож на Сильвиона. Я знаю, он не может быть злом”.

Обернувшись к Прачному, он заговорил, взвешивая каждое слово:

– Послушайте, я понимаю, что вы не любите колдунов. Но этот парень был с нами целых два дня, и он лишь помогал нам. Взгляните же на него! – Майлз стал терять терпение. – Они приволокли его сюда как раба! С ним обращались ничуть не лучше, чем с нами. Он не на их стороне!

– Тем хуже для него, – равнодушно ответил Прачный, который видел вещи в чёрно-белом свете и не любил напрасных споров.

Его невозможно было переубедить. Большая тонкая рука нырнула под фартук в потайной карман и выхватила оттуда

большой кухонный нож.

– погоди! – вскрикнул Джин.

Прачный даже не взглянул на него.

– Друзья колдунов – не наши друзья, – упрямо проговорил он. – И ты не исключение.

Одним прыжком Джин занял боевую позу.

– Вы правы. Я догадывался, кто он. Сначала я тоже ненавидел его. Но Майлз был прав, он не причинил нам зла!

– А я не упущу случая убить одного из них, – наступал на него Прачный. – И если ты попытаешься остановить меня, ты пожалеешь об этом.

Сердце Майлза бешено стучало. Он смотрел то на высокого мужчину с ножом, то на Джина, который пригнулся, оскалился и прищурился. Они готовы были сцепиться. Майлз оказался в середине треугольника между Кэдом, Джином и Прачным. От ярости он позабыл о своих страхах.

– Брось нож! – гневно крикнул он Прачному. – Ты ничего ему не сделаешь! Как ты можешь?

Он заметил какое-то движение за спиной. Испуганный парень, который до сих пор ничего не говорил, шагнул вперёд. Он неотрывно смотрел на Майлза, тыча в него пальцем.

Он постоял немного с открытым ртом и выдохнул:

– Освободитель!

Майлз еле расслышал его слова и не обратил на них внимания. Он шёл в бой.

– Если вы не будете держаться вместе, у вас никогда не бу-

дет шансов на спасение. Как вы сможете получить свободу...

– Это он! – пронзительно крикнул парень. Теперь его слышали все. Он вцепился в плечо Прачному. – Ты слышал, что он сказал? Он пришёл освободить нас!

– О чём ты?.. – Осёкшись, Джин посмотрел на Майлза и насутился. Вдруг его брови в удивлении поднялись вверх, и он выпрямился, выходя из боевой позы. – Хм-м-м!

В свою очередь Майлз в недоумении воззрился на Джина. Потом он проследил за их взглядами и уставился на свои ноги. На нём не было куртки и кроссовок – он снял их впервые с того момента, как его привезли в Тёмное Королевство. И на нём, конечно, были всё те же пижамные штаны да разные носки.

Продолжая показывать на Майлза рукой (но теперь это был жест особого почтения), парень процитировал:

Он появится в штанах,

Одетый в белое и чёрное...

Свобода прозвучит в его словах...

– Ты слышал его слова, Прачный! Это он!

Нож задрожал в грубой руке с красными натруженными суставами. Майлз заглянул в лицо Прачному. Мужчина недоверчиво хмурил брови, но в его глазах мелькнул странный проблеск затаённой надежды.

– Это и правда он? – Вопрос адресовался Джину. – Неужели глупый Бельевой Замочек прав? Он пришёл освободить нас?

Джин открыл рот и затем закрыл его, беспомощно смотря на Майлза.

И вдруг затрезвонил низкий детский голос Ли Джо:

– Майлз говорил, что должен освободить рабов, пока Ханна Редферн не убила их.

Он стоял, вытянувшись во весь рост. Его тёмные волосы бледно сияли над маленьким открытым лицом, и, казалось, словами Ли Джо говорит истина.

Вспыхнув, Джин прикусил изогнувшиеся в усмешке губы и подтвердил:

– Да, именно так он и говорил. Но я решил, что он чокнутый.

– В самом начале, когда Джин показал ему, что они делают с беглыми рабами, Майлз сказал, что это нужно прекратить и что он не может позволить им вытворять такое с людьми.

– Он сказал, мы не должны позволять им... – поправил его Джин. – Он выглядел рехнувшимся. Мы не можем противостоять им.

Прачный задумался, затем перевёл взгляд на Майлза. В его глазах было такое ожесточение, что Майлз испугался. Вдруг он сейчас нападёт? Однако мужчина сунул нож назад в карман.

– Невежа! – строго сказал он Джину. – Не смей обижать Освободителя! Ты хочешь отнять у нас единственную надежду?!

Джин изогнул бровь.

– Кажется, это ты собирался лишить нас надежды.

Прачный смерил его презрительным взглядом. Затем повернулся к Майлзу.

Суровое лицо немного смягчилось, и тень улыбки искривила его рот.

– Если ты Освободитель, – сказал Прачный, – то у тебя осталось мало времени – пора за дело.

– Помолчите минуту, – попросил их Майлз, у которого голова пошла кругом.

Он понимал, что случилось... Они приняли его за Освободителя, предсказанного пророчеством. У них здесь много всяких пророчеств. Только по-правде он не мог им быть. Он-то знал. Он просто обыкновенный парень.

Неужели ни у кого больше не было разноцветных носков? Впрочем... может, у рабов и не было. Майлз теперь по-другому смотрел на ворох одежды для стирки. Если все они носили широкие, из грубой мешковины вещи, сшитые вручную, то фабричные носки, да ещё и с пижамными штанами, вполне могли показаться им сказочным нарядом.

“И наверняка тут никто не носит белых и чёрных носков, – подумал он и улыбнулся, – особенно одновременно”.

Он вспомнил странную реакцию Сильвиона на свои носки. Великолепный Сильвион – само совершенство – был потрясён неряшливостью Майлза. Но именно злополучные носки и ввергли его в пучину приключений, убедив в том, что Сильвион врёт, и только что они спасли ему жизнь. Ведь

напади Прачный на Джина и Кэда, Майлз ринулся бы на нож без раздумий...

“Никакой я не Освободитель. Нужно признаться в этом”.

– А раз уж он Освободитель, ты, Прачный, поможешь нам, правда? – спросил Джин. – Ты вылечишь Кэда, покормишь нас, спрячешь?.. И поможешь Майлзу выяснить, что произошло с его сестрой?

Майлз поморщился. Он перехватил заговорщический взгляд Джина в свою сторону и решил: лучше пока помолчать.

– Я сделаю всё, что в моих силах, – пообещал Прачный. – А ты приступай к своему заданию. У тебя есть план?

Майлз потёр лоб. Уж очень стремительно развивались события. Хорошо, пусть даже он и не Освободитель, всё равно он должен помочь им. Разве это так важно, как тебя называют? Он медленно обвёл всех взглядом: Кэда, Джина, Ли Джо, смотревшего на него с детской наивной верой в глазах, парня со странным именем Бельевой Замочек, глаза которого тоже были полны безоговорочной веры в него, и, наконец, уставился в тощее, суровое лицо Прачного. Тот уже давно ни во что не верил, но теперь в глубине его измученных глаз вновь появился блеск давно утраченной надежды.

– У меня нет плана... пока, – объявил Майлз. – Сейчас я лишь над ним работаю. Не представляю, получится ли у меня реально освободить вас, но я очень постараюсь.

Майлз просыпался постепенно, блаженно потягиваясь. Ему не было холодно, у него ничего не болело, он не умирал от голода и жажды, и было так приятно чувствовать себя в безопасности. Он сел, и ощущение безопасности испарилось. Майлз находился в землянке Прачного. Джин и Ли Джо спали рядом, а Кэда забрали в другую лачугу лечить. Прачный провозился с ним целую ночь. Майлз пока не знал, поправится он или нет. Испуганный парень по имени Бельевой Замочек принёс им завтрак. Он сообщил, что Кэд ещё спит. Завтрак был таким же, как и обед прошлым вечером: толстая овсяная лепёшка, подслащённая черникой. Майлз съел её жадно. Лепёшка была вкусной – во всяком случае, для того, кто так голоден.

– Как здорово, что нам дали лепёшки, – сказал Джин.

Он и Ли Джо сидели напротив Майлза на голом земляном полу и ели, отламывая кусочки руками. Они все были одеты в грубые робы из мешковины и большие башмаки для рабов. Одежда кололась и чесалась, и Майлз, весь извертевшись, напрасно старался дотянуться пальцами до лопаток. Его старые вещи, включая особо ценные носки, были спрятаны в углу лачуги.

– Тут не сеют зерна и не выращивают овощей, – объяснил Джин. – И, разумеется, рабы не получают в пищу мяса. Плоть и кровь – угощение лишь для вампирш с оборотнями.

Ли Джо поёжился и поднял тонкие плечи:

– Когда ты так говоришь, мне тоже не хочется есть мясо.

Джин криво усмехнулся:

– Они боятся, что рабы станут чересчур сильными. Тут всё продумано. Вы, наверное, заметили, что в лачугах почти ничего нет из дерева.

Майлз пригляделся и правда заметил, что бараки с грязным земляным полом сложены из глиняных кирпичей и что совсем нет деревянных орудий труда: ни метел, ни грабель.

– А чем же они топят печи? – спросил он, смотря на маленький каменный очаг, встроенный прямо в пол лачуги.

Сверху в крыше было отверстие для дыма.

– Древесным углем, измельчённым на маленькие кусочки. Они добывают его в лесу в угольных шахтах под строгим надзором. Рабы получают определённое количество, а если кого поймают с излишками – казнят.

– Потому что дерево убивает вампирш, – догадался Майлз.

Джин кивнул.

– А серебро убивает оборотней. Поэтому и серебро тоже запрещено... никто из нас не сумел припрятать его.

Ли Джо смотрел в маленькое окно лачуги. В нём не было стекла, и на ночь его затыкали дерюгой.

– Если нельзя есть мясо, тогда зачем держать скотину? – спросил он.

Наклонившись, Майлз выглянул на улицу. Во дворе к железным кольям были привязаны два больших телёнка, кудахтала дюжина кур и похрокивала свинья в небольшом, огоро-

женном верёвками загоне.

– Это для Обитателей Ночи, – сказал Джин. –оборотни и колдуны с удовольствием едят обычную пищу, а иногда даже и вампирши – когда хотят. Видимо, они собираются устроить пир – скот приводят сюда лишь перед забоем.

Ли Джо поморщился:

– Мне их так жалко...

– Бывают вещи пострашнее, – протянул Джин. – Видишь те клетки сразу за свиньёй? В них держат диких зверей: львов, гепардов и других хищников. На них устраивается охота. Хуже всего погибнуть вот так.

По спине Майлза побежали мурашки.

– Давайте надеяться, что нам никогда не придётся... – начал он, но, заметив движение во дворе, замолчал.

– Ложись! – воскликнул Джин.

Парни быстро пригнулись, опасаясь, что их заметят в проёме окошка. Майлз переждал пару минут и, с предельной осторожностью подобравшись к краю подоконника, опять выглянул.

– Кто там? – прошептал Джин.

Ли Джо лежал, растянувшись на полу и испуганно дыша.

– Сильвион, – так же еле слышно ответил Майлз.

По двору медленно, о чём-то разговаривая, шли двое – Сильвион и Гэвина.

На Сильвионе был красивый костюм с узором из зелёных листьев, его волосы тщательно прочёсаны. Он выглядел об-

ворожительным, изящным и хрупким.

– Они идут сюда? – спросил Джин.

Майлз махнул на него рукой – мол, пригнись и помолчи малость. Он и сам знал, что им не спастись, если Обитатели Ночи пойдут по хижинам с облавой.

Сильвион повернул к клеткам с хищниками. Он с интересом разглядывал пленённых зверей и давал распоряжения Гэвине.

– Ну что там? – раздался нетерпеливый голос около самого уха Майлза: Джин подполз вплотную к окошку.

– Беспонятия, пока ничего хорошего, – прошептал Майлз.

– Наверное, они планируют охоту, – мрачно сказал Джин. – Это плохо. Я слышал, они собирались устроить большую охоту, когда Ханна Редферн договорится с Дило-сой.

Гордо Майлза сдавило. Неужели всё зашло уже так далеко? Значит, времени вообще не осталось. Отвернувшись от хищников, Сильвион пошёл к загонам с домашними животными.

– Прячься, – прошептал Майлз, падая на пол.

Но Сильвион, к счастью, даже не взглянул на барак. Он распорядился по поводу телят, улыбнулся и направился через двор назад. Гэвина последовала за ним.

Майлз подождал, пока они не скрылись из виду, и обернулся к Джину:

– Нам надо увидеться с Прачным.

Лачуга, в которую привёл его Джин, была немного больше остальных и имела – поразительная роскошь! – две комнаты. Кэд спал в мизерной, едва больше ниши, каморке. Майлз сразу заметил, что он выглядит лучше.

Температура явно спала, исчезли синяки под глазами, дыхание было глубоким и ровным, и короткие ресницы спокойно лежали на белых щеках.

– Он поправляется? – с надеждой спросил Майлз Прачного, который обтирал влажной губкой лицо Кэда.

Удивительно, до чего нежными могли быть большие огрубевшие руки.

– Он проживёт не меньше, чем все мы, – проворчал Прачный.

Джин хмыкнул, а Майлз радостно улыбнулся. Этот суровый мужчина начинал нравиться ему. Если и остальные рабы в крепости обладают такой же стойкостью и юмором, как Джин и Прачный, ими невозможно не восхищаться.

– У меня был сын, – заговорил Прачный. – Примерно вашего возраста... вот такой же тёмненький... – Он кивнул на Ли Джо, который комкал бейсболку, припрятав её под туникой.

– А где он? – неуверенно спросил Майлз.

– Одна из придворных положила на него глаз... понравился он ей... – Прачный сильно отжал бельё, кинул на скамейку и резко выпрямился. Заметив, что Майлз продолжает вопросительно глядеть на него, добавил безразлично: – Она

была оборотнем – волчица по имени Аутолика. Вскоре он ей надоел. Она била его, издевалась над ним. А однажды ночью устроила на него охоту: заставила его бежать и загнала насмерть.

Колени Майлза подкосились. Он не знал, что сказать. Любые слова прозвучали бы лицемерно. И он промолчал.

– Как жалко! – тоненьким голосом сказал Ли Джо и обнял своими детскими руками плечи Прачного.

И тот погладил его разлохмаченные волосы благоговейно, будто касаясь волос ангела.

– М-м-м-можно мне побеседовать с ним? С Кэдом? – кашлянув, чтобы избавиться от кома в горле, и сморгнув слезу, спросил Майлз.

– Нет, – прозвучал категорический ответ Прачного. – Ты не сможешь разбудить его. Я напоил его сильнодействующим снадобьем. Противоядие должно подействовать. Ты знаешь, чем его пытали?

Майлз отрицательно покачал головой.

– Смесью из тростникового аира, кровавого сусла и тому подобного. Это – эликсир правды.

– Ты говоришь, они хотели выудить из него информацию?

Прачный утвердительно кивнул.

– Но зачем? – Майлз поглядел на Джина.

Тот в ответ пожал плечами:

– Он из Внешнего Мира. Может быть, они думали, он что-то знает.

Майлз немного поразмышлял на эту тему и сдался. Нужно просто спросить Кэда, когда он проснётся.

Майлз обратился к Прачному, который теперь быстро прибирался в комнате:

– Я пришёл и ещё по одной причине... то есть ещё по двум причинам. Я хотел спросить...

Сунув руку под рабскую робу, он вынул оттуда фото Мелони, предусмотрительно перепрятанную прошлой ночью.

– Вы случайно её не видели?

Прачный осторожно взял фото двумя пальцами и посмотрел на него.

– Замечательный маленький рисунок, – сказал он.

– Это не нарисовано. Это – фото. – Майлз заглянул мужчине в лицо, не позволяя себе надеяться.

Нет, в его лице не промелькнуло даже тени узнавания.

– Она твоя родственница, – сказал Прачный, возвращая фото Майлзу.

– Она моя сестра. Мы из Внешнего Мира. Она встречалась с парнем... с Сильвионом Уилом... и исчезла на прошлой неделе.

– Колдун Сильвион! – раздался вдруг незнакомый старческий голос.

Майлз оглянулся. В проёме двери стоял старик: низинькое высохшее создание с редкими седыми волосами и морщинистым, как печёное яблоко, лицом. Такие существа встречаются лишь в сказках.

– Старый Штопальщик, – отрекомендовал его Джин. – Он штопает порванную одежду. Он тоже знахарь.

– Вот этот мальчишка и есть Освободитель? – спросил старик и прошаркал ближе, чтобы получше рассмотреть Майлза. – Он ничем не отличается от нас, пока не увидишь его глаза.

Майлз закрыл глаза.

– О, благодарю, – вежливо сказал он, а мысленно подумал, что больше всего на колдуна был похож Старый Штопальщик.

В его остром птичьем взгляде и хитрой улыбке была заметна исключительная прозорливость.

– Колдун Сильвион пришёл в крепость неделю назад, – заговорил тот, склонив голову набок. – С ним не было девы, и он не говорил ни о какой деве. Моя правнучка Кожевенница слышала, как он рассказывал принцессе Дилосе, что выбрал себе девочку для забавы и хотел привести её в крепость накануне праздника Сэмхэйн. Но девушка что-то натворила по дороге... кажется, посмела противиться ему... пришлось её наказать... Вот он и опоздал к началу торжества.

Сердце билось у Майлза в ушах.

– Наказать?... – начал было он, но затем спросил: – А что такое Сэмхэйн?

– Хэллоуин, – ответил Джин. – Колдуны обычно устраивают большое празднество в полночь.

Хэллоуин! Майлз старался осмыслить свалившуюся на

него новую информацию. Итак, накануне Хэллоуина Сильвион ушёл в горы вместе с Мелони. Он именно так и сказал шерифу. Может, они поехали на автомобиле к таинственной тропинке, которую, судя по рассказам Джина, видят лишь Обитатели Ночи. Понятно одно: они направлялись сюда, в Тёмное Королевство. Но что-то их задержало. Мелони ужасно разозлила Сильвиона, и он передумал вести её с собой в крепость. И решил... наказать её. Как? Он говорил, что Майлз никогда не сможет догадаться.

“Возможно, он просто убил её, – думал Майлз, чувствуя, как болезненно сжимается сердце. – Он мог легко столкнуть её со скалы. Но, что бы там ни произошло, это случилось не тут...”.

– А в крепостной тюрьме нет узниц? – спросил он, переводя взгляд с Прачного на Штопальщика и назад.

Но он уже знал ответ ещё до того, как они отрицательно помотали головами.

Никто не узнавал её. Мелони нигде не было. Майлз почувствовал, как поникли его плечи. Он совсем пал духом. Ну нет! Всё равно он не был побеждён. Теперь в его груди горело пламя мщения. Он вытрясет из Сильвиона правду любой ценой.

“Если ничего другого не остаётся, я, по крайней мере, узнаю, как она погибла. Мне это важно”.

Странно, теперь он уже был готов поверить в то, что Мелони погибла. Майлз так много успел увидеть с тех пор, как

попал в долину. Люди страдали и погибали в муках. А оставшиеся в живых должны были жить и страдать дальше. Не забывая и не прощая.

– Ты говорил, что пришёл ко мне по двум причинам, – нетерпеливо напомнил Прачный. Он стоял прямо, сложив руки на груди. – Освободитель, ты пришёл с планом?

– Ага... вроде... Это ещё не совсем план... эм, в общем, это план, – путано объяснил Майлз, не зная, как выразить свою мысль.

Он пришёл с весьма фундаментальной идеей. Ему нужно встретиться с Дилосой. Вот и весь план. Самое простое и наиболее прямое решение. Ему необходимо застать её одну и побеседовать с ней. Если придётся, использовать таинственную связь между ними и вложить хоть каплю разума в её тупую голову. Он готов был бросить свою жизнь на чашу весов. Джин говорил, что рабы будут истреблены, когда Ханна Редферн договорится с Дилосой. Майлз теперь тоже был рабом. Если других рабов убьют, то и он окажется среди них.

“Держу пари, принцесса к тебе равнодушна, – подсказывал назойливый внутренний голос. – Но наверняка ничего не известно. Она пригрозила, что убьёт тебя. Она, наверное, хотела предостеречь, чтобы ты не ходил в крепость”.

“Ну, вот мы это и выясним, – возразил Майлз противоположному внутреннему голосу. – Если я не смогу убедить её, мне придётся прибегнуть к силе”.

– Я должен пробраться во дворец, – сказал он Прачному. –

Но не на кухню, а туда, где я мог бы застать принцессу Дилосу одну.

– Одну? Одну её нигде нельзя застать... только в спальне.

– Тогда я пойду туда.

Прачный посмотрел на него и радостно прищурил глаза:

– Ты собираешься убить её? Я знаю, у кого можно достать деревянный кол.

– Нет... – Майлз вздохнул. – Надеюсь, до этого не дойдёт.

Но лучше взять кол с собой... на всякий случай.

“А ещё лучше надеяться на чудо, – съязвил внутренний голос. – Интересно, как ты собираешься одолеть её?”

Джин потёр лоб. Когда он заговорил, Майлз понял, что думали они об одном и том же.

– Послушай, тупица, ты уверен, что это хорошая идея?

Принцесса...

–... Обитательница Ночи, – подсказал Майлз.

– А ты...

– Обыкновенный парень.

– Он – Освободитель, – убеждённо заявил Ли Джо, и Майлз не стал над ним смеяться.

Он повернулся к Джину:

– Не представляю, насколько удачна моя идея, но она пока единственная. Да, это опасно, но я должен это сделать. – Он смутился и посмотрел на Прачного да Старого Штопальщика. – Если то, что сказал Джин о Ханне Редферн, правда, речь идёт не только о вас – рабах в крепости, – всё челове-

чество в опасности.

– Как сказано в пророчествах... – пробормотал Старый Штопальщик.

– Ты тоже их знаешь?

– Мы, рабы, слышим многое. – Старый Штопальщик улыбнулся и кивнул. – Особенно о том, что касается нашей принцессы. Когда она была совсем маленькой, я служил Королевским Портным у самого Его Величества короля... незадолго до его гибели. Он-то знал пророчества, он говорил:

Голубой огонь разгонит последнюю темноту,

Будет кровью оплачена последняя дань...

Кровь? Майлз знал, что перед тем, как Дилоса сможет извергнуть Синее Пламя, должна пролиться кровь, но пророчество звучало более мрачно. Чья кровь?

– Темнота – то есть конец мира, да? – спросил он. – Вот видите, как важно для меня изменить решение Дилосы. Важно не только для рабов, но и вообще для всех людей.

Он обращался к Джину. Прачный и Старый Штопальщик ничего не знали о Внешнем Мире, но Джин-то знал. Джин кивнул: да, конец мира – это катастрофа для всех.

– Хорошо, мы должны попытаться. Нужно узнать, кому из рабов разрешено входить в её комнату. Мы можем подняться вместе с ними и спрятаться там. В комнатах есть шкафы? – спросил он Старого Штопальщика, и тот утвердительно наклонил голову. – Отлично, мы залезем в...

– Хорошая мысль, – кивнув, оборвал его Майлз. – Всё подходит, исключая “мы”. На этот раз ты не пойдёшь со мной. Я должен сделать всё один.

Джин в негодовании передёрнул плечами. Его русые волосы взъерошились в знак протеста, глаза сверкнули.

– Глупости! Я могу помочь. Нет причин...

– Есть причина: дело очень опасное. Тот, кто пойдёт туда, может быть убит сегодня. Если ты останешься тут, у тебя, по крайней мере, будет ещё пара дней...

Джин протестующе открыл рот, но Майлз остановил его и продолжил:

– ...пара дней, чтобы разработать новый план, который, может быть, будет не менее опасным. И кроме того, необходимо, чтобы кто-то присматривал за Ли Джо и Кэдом, пока... пока это возможно.

И он ободряюще улыбнулся Ли Джо.

– Мне очень надо пойти одному, – мягко сказал Майлз, опять поворачиваясь к Джину.

Удивительно: кто бы мог подумать пару дней назад, что Майлзу придётся отговаривать Джина от желания оказаться убитым вместе с ним?

Прищурив глаза, Джин недовольно присвистнул и наконец кивнул:

– Хорошо-хорошо. Иди покорять вампиршу, а я останусь тут и организую революцию.

– Могу поспорить, что ты сумеешь.

На миг их взгляды встретились, и между ними снова установилось взаимопонимание, как и тогда, в телеге.

– Ты там поосторожнее. Ты ведь не самый умный, – сказал Джин.

Слова прозвучали грубо, но его глаза подозрительно заблестели.

– Знаю, – улыбнулся ему Майлз.

Шмыгнув носом, Джин вдруг повеселел.

– Я вспомнил, кому можно входить утром в комнаты. Ты бы помог ему, а он провёл бы тебя в спальню Дилосы.

Майлз настороженно посмотрел на него:

– Что это ты так развеселился? О ком ты?

– О! Он тебе понравится. Его зовут Мойщик Ночных Горшков!

Глава 15

Майлз шёл к дворцу следом за Мойщиком Ночных Горшков. Он нёс груды сложенных льняных простыней, которые дал ему Прачный, и очень старался ничем не отличаться от остальных рабов. Его лицо для маскировки было живописно измазано грязью. Прачный также кинул пригоршню пыли ему на волосы, чтобы приглушить их русоватый цвет. Майлз наклонил голову, и пряди пыльных волос скрыли его лицо. Только бы не начать громко чихать.

– Там неукротимые животные, – через плечо прошептал Мойщик Ночных Горшков.

Это был крепкий парень с кротким взглядом, который на-

помнил Майлзу глаза привязанных во дворе телят. Прачному не сразу удалось объяснить ему, чего от него хотят, и Мойщик, судя по всему, решил, что должен провести для Майлза экскурсию.

– Их привезли из Внешнего Мира, – сказал он. – Они кусаются.

Майлз вертел головой, оглядывая клетки из ивовых прутьев, вдоль которых Сильвион и Гэвина прогуливались утром. Серо-бурая волчица ответила ему пугающе грустным долгим взглядом. Великолепный полосатый тигр зарычал, когда они проходили мимо его клетки. В глубине третьей клетки кто-то свернулся клубочком, большой и чёрный – возможно, пантера.

– Мне бы не хотелось охотиться на неё, – прошептал Майлз.

Мойщик Ночных Горшков довольно кивнул и двинулся дальше.

– А вот и дворец. Он называется “Тёмный Рассвет”.

– Как? – спросил Майлз, отрывая взгляд от животных.

– Бабушка звала его “Тёмный Рассвет”. Бабка жила и умерла во дворе дворца и ни разу не входила в него. – Парень на миг задумался. – Старухи говорят, что небо не всегда было сплошь закрыто облаками. Они помнят, как всходило и заходило солнце. А на рассвете солнце освещало дворец розовыми лучами. Но возможно, это лишь сказки.

“Да, очень возможно, это лишь сказки и тут не бывает ни

солнца, ни голубого неба”, – мрачно подумал Майлз.

Каждый раз, когда ему казалось, что долина ничем уже не сможет его удивить, она преподносила ему новые сюрпризы. Дворец выглядел величественным и внушал благоговение. Он был единственным строением не грязно-коричневого и не бледно-серого цвета. Его блестящие чёрные стены казались зеркальными и, очевидно, были выложены не из обычного камня. Где добывали его и как доставляли в долину, оставалось загадкой.

“Дилоса живёт тут, – размышлял Майлз, пока Мойщик вёл его вверх по каменной лестнице. – Она живёт в этом прекрасном, пугающем, таинственном месте. Не только живёт, но и владеет им. Весь дворец принадлежит ей”.

Он окинул беглым взглядом большой зал, где вчера рабы накрывали длинные столы. Мойщик Ночных Горшков повёл его на другой этаж по пронизанным сквозняками длинным километровым коридорам. В этом внутреннем лабиринте царил мрак. Узкие окна располагались высоко и почти не пропускали внутрь дневной свет. На стенах в железные кольца были вставлены горящие факелы, но языки пламени только наполняли мрак причудливыми и дрожащими тенями.

– Её комната тут, наверху, – прошептал Мойщик, и Майлз придвинулся к нему поближе.

И лишь он успел подумать, что за целый путь их даже никто ни о чём не спросил, как из глубины коридора раздался грубоватый окрик:

– Стой! Куда? А это ещё кто?

Стражница. Майлз разглядывал её через пряди своих пыльных волос.

Настоящая средневековая стражница с копьём и в полном обмундировании.

В противоположном конце коридора стояла на посту другая стражница – точно такая же, как первая. Несмотря на испуг, Майлз восхитился их воинственным видом. Не очень быстро соображающий Мойщик Ночных Горшков сейчас отреагировал так, как нужно.

Он долго кланялся им, а затем невозмутимо проямлил:

– Это Складывальщик Белья из прачечной, госпожа. Прачный велел ему отнести наверх простыни. Мне сказали, что он должен помочь мне. Знаете, сегодня намного больше работы из-за гостей.

– Расстилать простыни – обязанность комнатной прислуги, – раздражительно сказала стражница.

Мойщик Ночных Горшков опять поклонился и забормотал всё так же медленно и монотонно:

– Вы совершенно правы, госпожа, но из-за гостей больше работы...

– Хорошо-хорошо, – нетерпеливо оборвала его стражница. – Почему бы тебе не пойти и не заняться своим делом вместо того, чтобы попусту болтать об этом?

Мойщик Ночных Горшков поклонился в третий раз и неспешно пошёл дальше. Майлз тоже поклонился, уткнув-

шись лицом в простыни. Парни опять двинулись по коридору, в конце которого находилась дверь.

– Тут, – остановился Мойщик. – И вокруг никого.

Майлз распрямил плечи.

– Знаешь, ты замечательный. Ты заслуживаешь награды Академии.

– Какой награды?

– Неважно. Но ты был великолепен!

– Я просто сказал правду, – скромно прошептал парень, но в глубине его телячьих глаз мелькнула лукавая улыбка. – Когда приезжают гости, бывает больше работы. У нас никогда раньше не было гостей, лишь в последние два года.

Майлз кивнул:

– Я знаю. Послушай, тебе лучше сейчас уйти, Мойщик...

– Он не смог произнести его имя полностью. – Надеюсь, из-за меня у тебя не будет неприятностей.

Мойщик Ночных Горшков наклонился, пошарил под кроватью и вытащил оттуда керамический горшок. И, осторожно держа его в руках, он вышел из спальни. Майлз оглядел просторную комнату. Она была немного лучше освещена, нежели коридоры: тут стояла пара овальных ламп на подставках.

Мебели почти не было. Лишь кровать, большая, под тяжёлым деревянным альковом с резными столбиками по углам. Сверху на неё были навалены меховые покрывала, а вокруг висели льняные занавеси. Вдоль стен стояли громозд-

кие сундуки красного дерева и длинные скамейки с табуретами.

Прятаться было негде. Майлз продолжал исследовать спальню и – о счастье! – обнаружил за занавеской нишу в стене. Похоже на стенной шкаф, как и говорил Джин. Очень большой стенной шкаф, а с точки зрения Майлза, скорее маленькая кладовка.

“Что ж, надеюсь, мой план удастся”.

За фигурой, отдалённо напоминавшей манекен, стояло два табурета. Майлз кинул простыни на сундук и придвинул один табурет ближе к проёму. Теперь сквозь щель между двумя занавесками ему была видна почти вся комната.

“Отлично. Осталось лишь подождать, когда она придёт. И тогда...”.

И тут он насторожился. Из коридора донеслись чьи-то голоса. Приятный баритон юношеского голоса...

“О Боже! Только не он. Не приведи господи, чтобы принцесса пришла сюда вместе с ним. Я точно выскочу и вмажу ему прямо по физиономии! Я не смогу сдержаться”.

Но когда двое вошли в спальное помещение, у Майлза пропало желание выскакивать. Сильвион пришёл вовсе не с Дилосой, а с Ханной Редферн.

Майлза будто холодной водой облили. Что эта парочка делает в комнате Дилосы? Но, если они заметят его, он – труп. Майлз застыл, впившись взглядом в узкий просвет.

– Она катается на коне и раньше чем через полчаса не

вернётся. – Сильвион на сей раз вырядился в светло-зелёный костюм и держал в руке корзину. – К тому же я отпустил слуг.

– Ты предусмотрителен. – Ханна Редферн прикрыла за собой тяжёлую дверь, оставив маленькую щель, чтобы просматривался коридор.

– Ты уверена, что наши спальни прослушиваются? – Сильвион повернулся и поднял на неё глаза.

– Принцесса гораздо умнее, чем ты полагаешь, – ответила Ханна. – А в старых дворцах всегда полно тайников, тут стены нашпигованы трубками для прослушивания, – я помню, как в то время строили. Нужно быть глупой, чтобы не пользоваться ими...

“Она помнит!” – поёжился Майлз.

От удивления он почти забыл про страх. Она говорит, что помнит те времена, когда строились средневековые дворцы. Она правда живёт целую вечность.

Он рассматривал её красивое аристократическое лицо, русо-белые волосы, полные, мягкие губы и пронизательные красные глаза. Такой тип людей обычно увлекает за собой толпу. Она обладала магнетизмом сильной личности, одарённой высоким интеллектом, и заставляла обычного человека чувствовать себя рядом с собой неловко. Ханна Редферн была врождённой лидершей.

“И охотницей, – думал Майлз. – Тут все охотятся, но она – Охотница, живое воплощение самой идеи охоты. Не зря её

так назвали”.

– Что же это такое, о чём принцессе не полагается знать? – спросил Сильвион.

– Есть новости из Внешнего Мира. Не спрашивай о том, как я узнала, – у меня свои источники.

– Свои маленькие доносчики... – Сильвион, заигрывая, заулыбался. – А я их видел.

Наступила пауза.

– Ты бы лучше следил за собой, мальчик, – процедила Ханна. – Твой язык доведёт тебя до беды.

Сильвион отвернулся от неё, и Майлз заметил, что он с трудом проглотил обиду.

– Простите. Я не знал, что это секрет. А что за новость?

– Самая потрясающая новость за твою короткую жизнь. – Ханна Редферн усмехнулась и добавила, вернувшись в хорошее расположение духа: – А возможно, и за мою. Колдуны откололись от Ночного Мира.

Торжественность, с которой она произнесла это, произвела на Майлза сильное впечатление. Но ещё сильнее его поразила реакция Сильвиона.

Он остолбенел и еле выдохнул:

– Что?

– Свершилось. Они уже месяц грозились, но мало кто верил, что колдуны действительно решатся на это.

Сильвион прижал руку к груди, будто унимая боль в сердце. Он медленно опустился на кровать, покрытую шкурами.

– Колдуны покинули Совет, – пробормотал он, не смотря на Ханну Редферн.

– И Совет, и Ночной Мир вообще.

– Все колдуны?

Тонкие светлые брови Ханны Редферн поднялись.

– А ты как думал? Ну, пара магистров тёмной магии из Круга Полночи всё ещё оспаривают раскол, но большинство поддерживает либерально настроенных представителей Круга Сумрака. Им, видишь ли, захотелось спасти человечество и предотвратить наступающий Сумрак, – сказала она, посмеиваясь. – Так лесорубы говорят: “Спасём пятнистых сов!”

– Начинается... – Сильвион упорно смотрел в каменный пол. – И назад пути уже нет... Ночной Мир расколот навсегда.

– Новое тысячелетие наступает, – бодро начала Ханна.

Она выглядела молодо и... представительно, как лидирующая кандидатка на выборах.

“За неё бы точно проголосовали”, – думал Майлз.

– И в этой связи возникает вопрос, – вкрадчиво продолжала она, буравя Сильвиона взглядом, – когда ты собираешься отыскать его?

Кого его? У Майлза всё внутри окаменело. На лицо Сильвиона набежало облако тревоги.

Но он как ни в чём не бывало поднял на неё безмятежные фиалковые глаза и ответил:

– Я ведь сказал, что отыщу его. И я отыщу.

– Когда? Ты понимаешь, насколько это важно?

– Да, понимаю! – Сильвион вспыхнул и учащённо задышал. – Поэтому я и пытался первым делом отправить его к тебе...

Ханна словно не слышала его.

– Если всплывёт, что Арадий – Ведьмовской Юнец, Колдун-Провидец – находится в долине...

– Я знаю!

– И то, что ты схватил его, а затем позволил ему выскользнуть из твоих рук...

– Я пытался доставить его к тебе. Я понимал, что это важно. – Сильвион вышел из себя.

“Именно этого и добивалась Ханна, – догадался Майлз. – Она действительно умеет играть людьми”.

Впрочем, сейчас он был так потрясён услышанным, что ему было не до сверхъестественных способностей Ханны. Арадий. Ведьмовской Юнец, Колдун-Провидец. Для всех колдунов он – начало начал.

“Значит, его имя совсем не Аркадий, и он мог бы поправить меня, когда я столько дней звал его Кэдом! Правда, он почти всё время находился в отключке, а когда приходил в сознание, у нас были более важные темы для бесед. Арадий. Арадий. Какое красивое имя!”

Странное имя заставило Майлза вспомнить давно забытый урок по мифологии.

“Арадий – бог... м-м-м... лесных полян или просто лесов... как Диана”.

Кроме того, он оказался Вельмовским Юнцом, Колдуном-Провидцем!

Неизвестно, что это такое, но, очевидно, нечто важное. И наверное, непорочное. Судя по словам Ханны, колдуны не такие плохие, как остальные Ночные Создания. Это о нём говорили Берна и Гэвина. Им велено было доставить его во дворец. Сильвион отправил его к Ханне Редферн. Зачем?

Кэд сказал... то есть Арадий сказал, что он не просто так пришёл в долину. Но к кому он шёл? И едва только Майлз задался этим вопросом, как сам собой у него возник ответ. Дилоса.

И именно в это мгновение Сильвион сказал:

– Я не позволю ему добраться до Дилосы.

От такого совпадения у Майлза кожа покрылась мурашками.

– Лучше бы он и не пытался добраться, – проворчала Ханна. – Ты, видно, не понимаешь, как сильно его влияние. Он пришёл от имени всех колдунов, он пришёл защищать своё дело... и может повлиять на неё или заставить её сомневаться. У принцессы есть презренный изъян – совесть. И мы уже знаем, что она помогла рабу, который бежал с Юнцом. Интересно, какое послание маленький негодяй передал ей от Арадия?

“Никаких посланий, – хмуро подумал в ответ Майлз. – Во

всяком случае, этот “негодяй” – не я. Иначе бы я знал”.

– Гэвина говорила, что после эликсира правды Арадий не приходил в сознание. Он практически мёртв, – успокаивал её Сильвион. – Вряд ли он мог передавать послания. Клянись, Дилоса вообще не знает, что он в долине.

Ханна продолжала размышлять вслух:

– Колдуны уже перетянули на свою сторону одну Неукротимую Силу.

– Но больше никого они не получают, – упрямо возразил Сильвион. – Я отправил верных людей на его поиски. Вся знать на нашей стороне. Ему не позволят добраться до Дилосы.

– Тебе следовало сразу убить его. – Ханна пребывала в задумчивости. – Но, может быть, ты снова проявил слабинку... как и с той девушкой, к которой ты так расположен...

За льняными занавесями Майлз весь обратился в слух.

“Она сказала “расположен”, а не “был расположен”. А кто ещё, кроме Мелони, мог быть его девушкой?”

Стиснув зубы, он вслушивался так напряжённо, что чувствовал биение сердца в ушах. Хоть бы они заговорили о Мелони!

– Или тебя всё ещё влечёт к колдунам?

Бледное лицо Сильвиона вспыхнуло.

– Нет! Я порвал с ними, и ты это знаешь! Я помню заклинания, но я не колдун.

– Ладно, что ты не прощаешь того, что они тебе сделали, –

сказала Ханна. – Когда-нибудь ты мог бы стать Хранителем Очага, Старшим Колдуном и занять почётное место в Совете.

– Да...

– Как твой дедушка и как раньше – его отец. Все они были Харманами. И твоя мать тоже Харман. Жаль, что у колдунов имя не передаётся по женской линии. Ты просто Уил.

– Я был Харман. – Сильвион с трудом сдерживал ярость. Он устался в пол и, казалось, разговаривал сам с собой, а не с Ханной. – Был! Но они предпочли мне моих ничтожных двоюродных братьев. Мне пришлось согласиться с тем, что полукровки вошли в наш круг, и все приветствовали их потому, что они потомки по мужской линии. Они заняли моё место.

Ханна покачала головой:

– Ничего не поделаешь. Глупая традиция.

Ещё миг потребовался Сильвиону, чтобы справиться с собой, затем он медленно перевёл взгляд на высокую особу, стоящую посередине спальни.

– Тебе не стоит сомневаться в моей преданности, – тихо произнёс он. – Мне нужно хорошее место при Новом Порядке. Я по горло сыт традициями.

Ханна улыбнулась.

– Знаю. – Она одобрительно кивнула и направилась к двери.

“Она получила от него то, что хотела”, – подумал Майлз.

– Кстати, – небрежно добавила она, – убедись, что Сила Дилосы будет заблокирована, пока всё не закончится.

Наклонившись, Сильвион поднял корзинку, про которую Майлз вообще забыл.

– Новые заклинания удержат её. Я достал все нужные снадобья у одного колдуна из Круга Полночи. Дилоса ничего не заподозрит.

– И никто, кроме тебя, не сможет снять заклинаний?

– Никто, кроме меня, – твёрдо сказал Сильвион. – Даже Старший Колдун. Даже Юнец.

– Умник. – Ханна снова улыбнулась. – Я всегда верила в тебя. В конце концов, в тебе течёт кровь вампирш, которая справится с примесью крови колдунов. Помни, что ты мой собственный восьмой прапраправнук.

Как Майлзу хотелось врезать ей! Он был испуган и возмущён одновременно.

Ханна Редферн манипулировала всеми. И даже Дилоса, Неукротимая Сила, превращалась в марионетку в её руках.

“Что же они с ней сделают, если она не присоединится к Новому Порядку?”

Ханна подошла к двери. Остановилась, прислушалась, посмотрела на Сильвиона и вновь заговорила. Голос её звучал ровно и естественно.

– Ты даже вообразить себе не можешь, как я счастлива, – сказала она не натянуто, не очень громко и не очень бодро – в общем, абсолютно натурально, – что у меня появилась на-

стоящая наследница по женской линии безо всяких примесей крови ведьм. Я никогда бы не вышла замуж за колдуна Мэва Хармана, если бы знала, что моя дочь жива. И не только жива, но и у неё тоже есть дочь! Единственные настоящие Редферны во всём мире.

Майлз прикусил губу. Он понял, что с другой стороны двери кто-то стоит, и даже догадывался, кто именно. И точно – как раз на последнюю реплику вошла Дилоса.

Глава 16

– Простите. Я не помешала вашему разговору? – спросила она.

Увидев Дилосу, Майлз чуть не выдал себя. Каждая встреча с ней становилась для него потрясением. Она была особенной... даже на фоне могущественной Ханны Редферн и ослепительного Сильвиона. Она принесла с собой холодный северный ветер и запах снега. Принцесса была всегда великолепна.

“Она не испытывает страха перед Ханной, – думал Майлз. – Она смотрит на своего великого предка бесстрашными красными глазами как равная”.

– Нет,нисколько, – приветливо ответила Ханна Редферн. – Мы ждали тебя. И планировали наш праздник.

– Праздник?

– В честь соглашения между нами. Я так рада, что мы наконец пришли к взаимопониманию. А ты?

– Конечно, – бесстрастным тоном произнесла Дилоса,

снимая перчатки. – Когда мы придём к взаимопониманию, я буду очень рада.

Майлз кусал губы, чтобы не захохотать. Ему так нравилась ледяная строгость Дилосы, особенно в ответ на фальшивую улыбку Ханны и жеманство Сильвиона.

“Идиот, – сказал он себе. – Разве тебе вообще в ней что-то нравилось? Не девушка, а кусок льда”.

Однако в её холодности были чистота и ясность, и Майлз не мог не восхищаться тем, как она вела себя с Ханной. Когда она вошла, красивая и элегантная, с разлохмаченными из-за верховой езды светлыми волосами, его сердце ёкнуло. Но он её побаивался. Дилоса была очень сильной, она могла почувствовать его присутствие в спальне. Заметила ведь она его тогда в лесу, когда Арадий блокировал их... А теперь она стояла на расстоянии двенадцати футов от него, и их разделяла одна льняная занавеска. Майлзу ничего не оставалось, лишь сидеть затаившись.

– Сильвион решил начать подготовку праздника, – продолжала тем временем Ханна. – Я надеюсь, ты не против. Думаю, мы успеем договориться об оставшихся мелочах до завтра, правда?

Дилоса вдруг поникла, будто устала. Она кинула перчатки на кровать и кивнула, уступая.

– В основном, – продолжала Ханна Редферн, – мы ведь договорились?

И на этот раз Дилоса лишь кивнула.

– Я не могу дождаться, когда представлю тебя Внешнему Миру. – В голосе Ханны звучала гордость, которая показала Майлзу вполне искренней. – Мой великий потомок! Подумать только, год назад я и представления не имела о твоём существовании. – Она подошла к Дилосе и похлопала её по плечу. Её жест был так похож на одобрение королевы-матери из детских воспоминаний принцессы. – Я не собираюсь сама заниматься приготовлениями. Но последняя охота, перед тем как мы покинем долину, должна быть особенной, ведь так? – Ханна улыбнулась и вышла.

Дилоса хмуро смотрела на меховое покрывало.

– Ну, – зашебетал Сильвион, – как твоя рука?

Дилоса всё ещё не сняла повязку, которую Майлз заметил на ней вчера.

– Всё нормально.

– Болит?

– Чуток.

Вздыхнув, Сильвион помотал головой:

– Это потому, что ты использовала Силу для тренировки. Я ведь предупреждал тебя.

– Ты можешь вылечить мне руку или нет? – резко спросила Дилоса.

Сильвион открыл корзинку.

– На всё нужно время. Рана будет заживать, если ты не будешь её тревожить.

Он вертел в руках обереги. Из-за занавески не было вид-

но, как он колдует. Но сердце Майлза тяжело колотилось от ярости и глупого желания защитить принцессу.

“Этого нельзя допустить, но как же мне остановить его? Никак. Если он меня увидит – всё кончено...”.

– Это поддержит тебя некоторое время, – сказал Сильвион.

Майлз стиснул зубы.

“Зато теперь этот колдун свалит отсюда. Я сижу в шкафу уже целый век и слушаю его бред”.

Сильвион проворно собрал свои ведьмовские снадобья в корзину, а заодно схватил и перчатки Дилосы.

– Я уберу в шкаф перчатки...

“О нет!” – Майлз пришёл в ужас.

– Нет! – прозвучал быстрый ответ Дилосы. – Оставь.

– Но почему, ты ведь не собираешься опять на прогулку...

– Они мне нужны.

В мгновение ока она преградила Сильвиону путь к шкафу и выхватила перчатки из его рук. Сильвион посмотрел на неё долгим недоумевающим взглядом. Майлз видел его лицо: на бледных щеках вспыхнул румянец, глаза цвета фиалок потемнели. Сильвион неодобрительно качнул головой, проведя рукой по своим тёмным волосам. Дилоса неприязненно смотрела на него сверху вниз. Пожав плечами, Сильвион отвернулся.

– Пойду погляжу, как идут приготовления к празднику. – Подхватив свою корзину, он театрально вышел из спальни.

Дилоса проводила его взглядом. Майлз сидел в полном оцепенении. Когда Дилоса выпроводила Сильвиона и плотно закрыла за ним дверь, он заставил себя встать и отойти подальше от занавесок в глубь ниши, откуда почти ничего не было видно. А Дилоса уже стояла возле шкафа.

– Можешь выходить, – произнесла она тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

Майлз закрыл глаза.

“Великолепно! Я должен был догадаться. Но она не позволила Сильвиону обнаружить меня и не сдала меня стражникам. Это добрый знак. Смелее, Майлз! Может, и не придётся её переубеждать, вдруг она и сама образумилась...”

– Мне войти? – с угрозой спросила Дилоса.

“...или не образумилась”, – подумал Майлз.

Надо бы отряхнуть пыль с волос. Он ожесточённо помотал головой из одной стороны в другую – не очень помогает – и сдался. Грязь на лице и рабская одежда угнетали его. Но делать нечего, он решительно раздвинул занавески и вышел.

– Я предупреждала тебя. – Дилоса стояла прямо перед ним.

Её вид был грозен. Губы твёрдо сжаты, веки опущены, пряча зловещий блеск глаз под бархатной тенью ресниц, – мрачная и таинственная принцесса-вампириша.

“А я, держу пари, выгляжу как... “маленький негодяй”, и к тому же такой чумазый, словно меня только что вытащили из сточной канавы. Не больно-то я подхожу на роль посланника

человечества”.

Нет, он никогда особо не увлекался модными вещами, стильными причёсками и тому подобным, но раз уж судьба мира зависит от него, хотелось бы выглядеть хоть прилично... Но, вопреки всему, между ними в воздухе радугой протянулась волшебная нить, от которой сердце Майлза застучало тоской и надеждой. Они стояли, глядя друг на друга.

– Я подслушал кое-что, о чём тебе надо знать, – сдержанно сказал Майлз.

Она проигнорировала его слова.

– Я же предупредила, что будет, если ты заявишься сюда. Я сказала, что не стану защищать тебя.

– Да. Но ты меня защищаешь... И я очень тебе благодарен. Послушай, мне нужно скорее рассказать тебе, что тут происходит. Сильвион подозрителен, он наверняка сразу побежал к Ханне Редферн жаловаться, что ты не позволила ему заглянуть в шкаф...

– Ты что, вообще ничего не понимаешь? – перебила она его с такой внезапной яростью, что у Майлза слова застряли в горле. – Ты стоишь на пороге смерти, но, похоже, тебя это мало волнует. Ты слишком туп, совсем ничего не соображаешь или просто хочешь умереть?

Теперь сердце Майлза стучало уже от страха.

– Я понимаю, – начал он медленно, как только опять обрёл способность говорить.

– Нет, не понимаешь, – протянула она. – Но я заставлю

тебя понять.

И в то же мгновение её глаза засветились ослепительным неестественным багровым пламенем. Майлз уже насмотрелся на превращения, и всё равно для него это было потрясением. Лицо принцессы становилось всё бледнее... и всё прекраснее... будто ледяное изваяние. Зрачки расширились, как у хищницы, и в них открылась тёмная бездна, готовая поглотить человека.

Гордый и властный рот искривился от злости. Спустя секунду она превратилась в вампиршу и стала приближаться к нему, оскалившись и оголив зубы. Майлз уставился на её клыки. Он испугался. Клыки показались ему более длинными и острыми, нежели в первый раз. Её рот был приоткрыт, и заострённые концы клыков касались нижней губы, оставляя на ней отпечатки. Ужас!

– Ты видишь, кто я! – прорычала Дилоса. – Хищное животное. Часть Тьмы, в которой тебе не выжить и минуты. Я устала повторять, чтобы ты держался от меня подальше. Ты ничего не желаешь слушать. Ты проник в мой собственный дворец и думаешь, что тебе всё сойдёт с рук. Я проучу тебя.

Майлз отшатнулся от неё. Он занимал не самую удобную позицию: за ним была стена, справа путь преграждала большая кровать. Дилоса находилась между нею и дверью. А он уже убедился, как стремительно она может двигаться. Его колени задрожали, он задышался от страха, сердце выпрыгнуло из груди.

“Ну, в действительности она ведь не собирается... она ведь не станет... она просто пугает...”

Как бы Майлз себя ни уговаривал, паника всё сильнее овладевала им. В нём пробудились забытые инстинкты. Древняя память предков заставила его почувствовать себя добычей, загнанной хищницей. Попятившись, он упёрся спиной в стену, занавешенную гобеленом. Дальше отступить было некуда.

– Ага, попался! – воскликнула Дилоса, с грациозностью тигрицы преодолевая последнее расстояние между ними.

Она стояла вплотную к нему. И Майлз не мог оторвать замороженного взгляда от её лица. Он вдохнул запах осенних листьев и свежего снега. От неё веяло холодом.

“Но в ней нет ничего потустороннего, – промелькнуло где-то в глубине его сознания. – Она безжалостна. Её воспитывали так, чтобы она выросла орудием убийства. Но она живая! Самая живая из всех, кого я встречал”.

Ему уже некуда было деться от неё. Принцесса тяжело опустила руки ему на плечи, притянула его к себе – не грубо, но и не нежно – и молча смотрела на него двумя факелами багровых глаз.

“Господи! Она разглядывает моё горло”, – подумал Майлз.

Он чувствовал, как на шее пульсирует тонкая жилка. Здрав подбородок, Майлз постарался отклониться от неё. Он видел, что её глаза были прикованы к этой трепещущей жил-

ке на его шею с нечеловеческой жадой.

Ужас совсем захлестнул Майлза, оттесняя все прочие чувства. Сознание покидало его, и у него осталось единственное желание – это бежать отсюда прочь. Затем паника почему-то отступила. Майлзу показалось, словно он поднимается из глубокой воды в чистое хрустальное небо.

Дерзко посмотрев прямо в багровые глаза, он сказал:

– Давай!

– Что? – Дилоса вздрогнула от удивления.

– Давай! – громко повторил Майлз. – Ты сильнее меня, и мы оба это знаем. Но как бы ты ни старалась, ты не сможешь превратить меня в свою добычу. Я не покорюсь. Нет у тебя надо мной такой власти.

Дилоса гневно зашипела.

– Ты хотела меня напугать – я испугался. Ну и что? Я и раньше тебя боялся. Это не имеет значения. На карту поставлено нечто большее, чем моя жизнь. Давай, доказывай, что ты там хотела доказать. А затем я расскажу тебе кое о чём.

– Полный идиот! – Дилоса взбесилась. Но у Майлза возникло странное ощущение, что она злится не столько на него, сколько на себя саму. – Так ты не веришь, что я смогу причинить тебе боль?

– Ошибаешься. Верю.

– Я заставлю тебя корчиться от боли. Я покажу тебе...

– Ты можешь убить меня. И это всё, что ты можешь сделать. Я уже говорил, тебе не удастся подчинить меня своей

воле. И ты не сможешь разорвать ту нить, что существует между нами.

Гнев принцессы перешёл все границы. Бездонные зрачки её глаз стали темнее темноты, и Майлз вдруг вспомнил, что она не просто вампирша и не просто орудие убийства, а явление Судного дня, предназначенное уничтожить мир.

Она наклонилась к нему, пугая клыками:

– Я заставлю тебя мучиться. Гляди, как я буду истязать тебя.

Он видел именно это намерение в её глазах: уничтожить... разорвать его на куски... и... как капли дождя падают в ледяную воду, её губы сами потянулись к нему с поцелуем. Майлз отчаянно вцепился в неё и... ответил на поцелуй.

Они будто растворились друг в друге. И затем он почувствовал, что её тело дрожит в его объятиях. Они оба совсем потеряли голову. Точно так же, как и в первую встречу, их сознание слилось в одно. Майлза тоже охватил озноб. Ему казалось, что он парит в прекрасном хрустальном мире, где существуют лишь они двое, окутанные белым сиянием, и больше ничто не имеет значения. Он погружался в глубь её сознания и в то же время видел её перед собой. Она больше не была похожа ни на явление Судного дня, ни на вампиршу.

Принцесса смотрела на него большими глазами испуганного ребёнка, переполненными неизведанным приливом чувств.

Она вздохнула, и он услышал, как она подумала:

“Я не хочу этого...”

“Неправда”, – прервал он её негодуя.

Обычные, существующие между людьми барьеры растаяли. Он точно знал, что она чувствует, и ему не хотелось, чтобы она обманывала его.

“Я не хочу, чтобы это кончалось”, – договорила она.

“О!”

Глаза Майлза наполнились горячими слезами. Он потянулся к ней, и их души обнялись так же, как обнимались их тела. Невидимые крылья выросли за их спиной. Майлз улавливал обрывки её самых тайных мыслей, которые были скрыты даже от неё самой.

“Я так одинока... я всегда была одна... моё предназначение... быть всегда одной...”

“Нет, ты больше не одна. Я не позволю тебе страдать в одиночестве. Мы предназначены друг для друга, разве ты не чувствуешь этого?”

Она так долго ждала любви, что не могла сразу принять её. Он услышал в ответ: моя судьба... и вновь увидел сюжеты из её прошлого. Её мать. Её учителей. Придворных. И даже слуг, которые знали пророчества. Они все были убеждены, что она пришла в мир с одной-единственной целью: её предназначение – конец света.

“Ты можешь изменить судьбу, – телепатически убеждал её Майлз. – Ты справишься. Я не знаю, что случится с миром, но ты не обязана играть ту роль, что тебе навязали. У тебя

достаточно сил, чтобы одержать победу!”

Появилось большое грозное изображение её матери – высокой, суровой женщины. Затем появился образ Ханны Редферн с тем же жестоким и обвиняющим взглядом красных глаз. Но Дилоса яростно прогнала все страхи подсознания.

“Я больше не оружие в их руках”.

“Я знаю”, – сказал Майлз.

“С этого мига я сама буду решать, кто я. Я сама выберу свой путь”.

“Да”.

“Я отправлюсь с тобой”.

Майлз заметил и другой сюжет, который уже однажды являлся ему: он увидел себя её глазами. Для неё он был не рабом с пыльными, слипшимися волосами, чумазым лицом и в мешке вместо одежды, а прелестным парнем с волосами цвета солнца и бесконечно глубокими зелёными глазами, которые никогда не лукавили и проникли прямо в её душу. Он растопил лёд в её сердце и освободил её от оков предназначения. Они сидели в объятиях друг друга довольно долго, пока их души парили в заоблачных далях, общаясь между собой. Дилоса вообще не собиралась возвращаться к реальности.

Признаться, и Майлзу тоже хотелось, чтобы это наслаждение длилось вечно.

Он нежно, как никто и никогда не рискнул бы, обнимал эту странную деву, которая, вопреки всякой логике, была его

второй половинкой и которой он отныне принадлежал и делил с ней одну душу. Отдалённая смутная тревога всё-таки беспокоила его. Майлз никак не мог отделаться от неё, и наконец он всё вспомнил... ..вылетел из сознания Дилосы и вернулся в своё тело. Они были очень сильно связаны, и ментальное разделение оказалось мучительным для обоих. Но не время было обращать на это внимание.

– Дилоса! – заговорил он торопливо. – Быстрее! Мы должны действовать. У нас беда.

Она медленно и неохотно расставалась с ним.

– Всё будет в порядке.

– Нет! Не будет. Ты ведь ничего не знаешь.

Она вздохнула почти раздражительно:

– Не переживай из-за Ханны...

– ...и Сильвиона. Дилоса! Я слышал, о чём они говорили, когда сидел в шкафу. Ты не знаешь их коварных планов.

– Ерунда! Пусть себе планируют. Я разберусь с ними. –

Выпрямившись, она посмотрела на руку.

– Нет, ты не сможешь. – Майлза знобило от волнения. –

В том-то и беда. Сильвион тебя заколдовал. Ты больше не владеешь своей Силой.

Глава 17

Дилоса не верила своим ушам.

– Ты мне не веришь?

– Вполне возможно, что Сильвион попытался... – сказала она. – Но вряд ли он настолько силён.

– Он раздобыл специальные обереги и снадобья. И теперь никто, кроме него, не сможет снять заклинания.

Дилоса нахмурила брови, всё ещё сомневаясь, и тогда Майлз добавил:

– А почему бы тебе не попробовать?

Дилоса сильно дёрнула повязку, и она на удивление легко соскочила. Майлз зажмурил глаза. Вытянув руку в сторону стены, она выхватила кинжал из-за пояса. Ну конечно, он совсем забыл, что “должна пролиться кровь”. Он больно прикусил губу, чтобы не вскрикнуть, когда она резанула себя по запястью. Хлынула алая кровь.

– Не бойся, будет совсем маленький пожар, – сказала Дилоса, примеряясь, куда бы лучше ударить.

Однако ничего не случилось. Она помрачнела, в её красных глазах бушевала гроза. Майлз видел, как она собиралась, концентрируя энергию, её вытянутые пальцы светло судорогой. И опять ничего не случилось. Майлз тяжело вздохнул. Ведьмовские чары невидимы. Повязка была просто предлогом.

Дилоса смотрела на свою руку, как на чужую.

– Мы в опасности. – Майлз старался, чтобы слова не прозвучали как назидательное: “Ну я ведь говорил!” – Знаешь, они тут о многом болтали, пока тебя не было. Ханне надо заставить тебя уничтожить человечество. А в Ночном Мире случился раскол, и все колдуны вышли из него.

Принцесса вдруг стала пугающе спокойной.

– Значит, война. Открытая война между колдунами и вампирами.

Майлз заговорил, возбуждённо жестикулируя и стараясь вывести её из оцепенения:

– Дилоса! Послушай, Дилоса, колдуны направили в долину своего посла для переговоров с тобой. Они хотят перетянуть тебя на свою сторону. Ханна сказала, что у них уже есть одна Неукротимая Сила. Понимаешь?

– Да, – всё так же отстранённо сказала Дилоса, смотря куда-то вдаль. – Один из четверых ничего не решает. Даже двое или трое – тоже недостаточно.

– О чём ты? – спросил Майлз и, не дожидаясь ответа, затараторил: – Я его знаю, того парня, который пришёл беседовать с тобой. Это с ним я был тогда в горах, когда ты спасла нас от Берны. Его зовут Арадий. Он – Ведьмовской Юнец, Колдун-Провидец. Дилоса, они ищут его и хотят убить, чтобы не позволить ему встретиться с тобой. Он мой друг. Дилоса!

– Очень плохо.

– Мы должны остановить их.

– Мы не сможем.

– О чём ты? – заволновался Майлз.

– Майлз, послушай меня, – заговорила она, чеканя каждое слово и не позволяя ему возражать. – Мы не сможем остановить их. Они сильнее.

А он подумал о том, что она впервые произнесла вслух его

имя – Майлз! – и у него закружилась голова. Он сжал голову руками и сосредоточился на её словах.

– Это не просто заклинания, они навели на меня порчу. Кроме того, мой дворец тоже в их власти. – Дилоса горько усмехнулась. – Ты не жил тут и не можешь всего понять. Большинству придворных уже сотни лет. Им не нравится, что ими правит не по годам развитый ребёнок со сверхъестественной силой. И как только сюда прибыла Ханна, они все переметнулись к ней.

– Но...

– Они преклоняются перед ней. Она совершенство, идеальная вампирша и первородная хищница. Она не ведает жалости, жаждет крови и стремится превратить весь мир в свои охотничьи угодья. Никто из придворных не устоит перед таким соблазном. Неужели ты думаешь, что они, озверевшие от долгих лет постоянной охоты, смогут остановиться в один миг и отказаться от своих развлечений? Да все с готовностью последуют за ней!

Майлз молчал. Ему нечего было сказать. Дилоса была права, и это многое меняло и не оставляло надежды.

– Это ещё не всё, – беспощадно продолжала она. – Хочешь услышать пророчество?

– Не очень... – Майлз уже наслушался пророчеств, кажется, на всю оставшуюся жизнь.

Казалось, она даже не услышала его возражений.

– Моя старая учительница говорила:

... Четверо встанут меж ночью да солнечным днём,
Дети из голубого огня, сила в их древней крови.

Те, кто рождён в год видения слепого Юнца, —

Только лишь всем четверым предначертано Темноту одо-
леть.

Если погибнет один, то рассвет никогда не наступит.

– Ого! – оценил Майлз пророчество, прозвучавшее для него бессмысленным набором слов.

Его заинтересовало только упоминание о слепом Юнце. Это, скорее всего, Арадий. Он настоящая знаменитость среди ведьмаков.

– Что там сказано про “рождённых в год слепого Юнца”? – спросил он.

– Все Обладатели Неукротимой Силы одного возраста, все мы родились восемнадцать лет назад. Но не в этом суть. Главный смысл заключается в последней строке: “Если погибнет один, то рассвет никогда не наступит”. Ночной Мир одержит победу, Майлз.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Сумрак неизбежен. Ни люди, ни колдуны не смогут перетянуть все четыре Неукротимые Силы на свою сторону. А если окажется на одного меньше четырёх, Темнота победит. Вампирам необходимо просто убить одну Неукротимую Силу, и всё будет закончено. Неужели ты не понимаешь?

Майлз понимал, и от этого стало лишь страшнее.

– Но нельзя ведь нам просто отказаться от борьбы? – Он старался разгадать, куда клонит Дилоса. – Если мы сдадимся, всё будет закончено. Мы ведь не можем позволить им победить нас.

– Да, не можем! – Было ясно, она приняла решение. – Мы должны примкнуть к ним.

– Что?!

– Мы должны оказаться на стороне победителей, то есть на стороне вампирш. – Она смотрела на него красными глазами вампирши, чужими и незнакомыми. – Мне жаль твоих друзей, но у них нет шансов выжить. А единственный шанс для тебя – стать вампиром.

Майлз не поверил собственным ушам. До него дошло наконец, что она задумала. Обида придала ему силы. И хотя Дилоса двигалась молниеносно, он успел вскочить до того, как она сомкнула руки вокруг него.

– Ты сошла с ума!

– Нет.

– Ты собираешься убить меня?

– Нет. Я хочу спасти тебе жизнь единственно возможным способом.

Она встала, преследуя его со зловещим спокойствием.

“Я не могу верить в это! Я... реально... не могу... поверить... в это”, – думал Майлз.

Он долго бегал от неё вокруг кровати, затем остановился. Бесплезно, она всё равно достигнет его. Он заглянул в её

лицо, увидел, что она совершенно серьёзна, и беспомощно уронил руки. Но тут же собрался, постарался успокоиться и смело встретить её взгляд.

– Дилоса, речь идёт не только обо мне и не только о моих друзьях. Речь идёт обо всех рабах в долине и о людях Внешнего Мира. Если ты превратишь меня в вампира, кто им поможет?

– Мне жаль их, – равнодушно проговорила она. – Но только твоя жизнь имеет для меня значение.

– А для меня не только! – Майлз не сдержался, стараясь не расплакаться. И заявил: – Я не дамся.

– Ты не можешь противиться мне.

– Я буду драться и заставлю тебя убить меня. Лучше умереть, нежели стать вампиром. Если ты хочешь действовать силой – давай! Пусть это будет твоей лучшей охотой.

Дилоса пронзила его взглядом и... опустила глаза.

– Ах, так! Замечательно! – И её лицо опять застыло. – Ты не желаешь принять мою помощь. Хорошо, будешь сидеть в тюрьме, пока не поймёшь, что для тебя лучше.

Майлз открыл рот от удивления:

– Не надо... Ты ведь не посадишь меня за решётку?!

– Посмотрим.

Тюремная башня оказалась невероятно древней постройкой. В ней было всё, что Майлз видел в средневековых фильмах: на полу охапка сена, узкая каменная лавочка, выбитая

прямо в стене, и маленькое, закрытое решёткой окошко – высоко, примерно в пятнадцати футах над головой. Майлз пошуровал солому и обнаружил, что предпочитает не знать, что может оказаться в этой куче. Подёргал железные прутья, перегораживающие дверь, внимательно изучил каменные плиты, из которых были сложены стены, и влез на скамью, стараясь дотянуться до оконца. Всё! Больше ему нечем заняться. Он с досадой плюхнулся на скамейку. Дурацкая ситуация! Его на самом деле посадили в тюремную камеру. Дилоса не шутила. А мир, настоящий, реальный мир вне долины, будет действительно уничтожен. Да, он понимал, почему она с ним так обошлась. Он ясно чувствовал её желание защитить его. Но нельзя ведь просто забыть обо всём. О родителях, друзьях, учителях... Если он позволит Дилосе отказать от борьбы, что произойдёт со всеми ними? А с рабами из Тёмного Королевства? Прачным, Старым Штопальщиком, Бельевым Замочком, Мойщиком Ночных Горшков и другими... Они рисковали жизнью, помогая Майлзу, он восхищался их стойкостью и отчаянным бесстрашием. Он не мог предать их.

“Дилоса ничего не понимает. Они для неё второй сорт. Всю свою жизнь она заботилась лишь о себе. Теперь – обо мне. Она не способна на большее. Значит, надо её заставить. Только как?”

В тишине камеры время замедлило свой ход, и бесконечные часы действовали на Майлза угнетающе. Он тщётно пы-

тался придумать хоть что-то. За окном стемнело, в камере становилось всё холоднее. Майлз задремал, скрючившись на холодной скамейке, и вдруг услышал звяканье ключей. Вскочив, он ринулся к решётке в надежде увидеть Дилосу. В самом конце узкого каменного коридора появился человек с факелом. Увы! Это была не Дилоса. Это была стражница, а за ней была ещё одна стражница, которая вела узника.

– Джин! – вскрикнул Майлз.

А затем его сердце едва не выпрыгнуло из груди. Третья стражница волоком тащила Арадия. Майлз онемел от отчаяния. Странно, Джин вообще не сопротивлялся, когда стражницы открыли дверь камеры и впихнули туда парней. Дверь лязгнула, захлопываясь за ними, и стражницы молча промаршировали обратно. Одна из них воткнула факел в железное кольцо на стене, оставив узникам немного света. Когда стражницы ушли, Джин вскочил и помог Арадию встать.

– Они заперли Ли Джо наверху, – сказал он Майлзу, который всё ещё не мог поверить в реальность происходящего. – Они обещали не колотить его, если мы не окажем сопротивления.

Ком застрял в горле у Майлза.

Наконец ему удалось выдавить из себя:

– Кто обещал? Дилоса?

– И Дилоса, и Ханна Редферн, и тот колдун. Они все были очень любезны.

Майлз медленно опустился на холодную скамейку.

– Это я виноват.

– Почему? Ты очень доверчивый... – утешающе сказал Джин. – Но ты не можешь отвечать за действия принцессы.

– Может. Они – супруги по духу, – вдруг произнёс Арадий.

Джин уставился на него, словно тот вдруг заговорил на иностранном языке.

Майлз тоже выпучил глаза от удивления. Он напряжённо всматривался в полутьме в сказочно красивое лицо Арадия и чувствовал странное смущение перед этим парнем, которого он звал Кэдом и который оказался очень важным в ведьмовском мире. Подумать только!

– Откуда ты знаешь? – спросил он, стараясь не заикаться. – Ты мог бы сказать и раньше...

Улыбка изогнула совершенные губы колдуна.

– Да. Я мог сказать и раньше. – Арадий подошёл к стене и опустился на скамейку, которую в такой темноте и зрячему-то было не разглядеть. – Когда ты пришёл после вашей первой встречи с принцессой, я уже знал, но не мог говорить, будучи почти в забвении. Я много раз видел, как люди находят свои половинки.

– А сейчас тебе лучше? – спросил Майлз. – Ты говоришь так, словно совсем пришёл в себя.

Изменилось не только это. Арадий всегда удивлял своим благородством, но теперь в нём стали заметны непоколебимая уверенность и властность.

– Знахарь очень помог мне. Да, я ещё не здоров, – Арадий окинул невидящим взглядом темницу, – и не в полной мере владею своей силой. Впрочем, я всё равно не сумел бы провести вас через стены.

Майлз вздохнул.

– Хорошо, что тебе уже лучше, – сказал он, смутившись. – Я узнал твоё настоящее имя. Прости, я его сразу не расслышал.

Арадий положил руку на плечо Майлза.

– Мой дорогой друг (Майлза потрясла сила и проникновенность его голоса), никто не помогал мне больше тебя... и настолько бескорыстно. Если бы ты был одним из моих подданных или хотя бы знал, кто я, то и тогда твой поступок был бы удивительным. Но от человека, который вообще ничего обо мне не знает... – Он помотал головой. – Если мы проживём эту ночь и если есть что-нибудь в мире, что ведьмы могут сделать для тебя, тебе нужно лишь попросить.

Майлз зажмурил глаза.

– Спасибо, – прошептал он. – Я хочу сказать... ты знаешь, что я хочу сказать. Я не мог тебя бросить, и всё тут.

– Знаю, – ответил Арадий. – Это и есть самое удивительное. – Он пожал Майлзу руку. – Что бы ни произошло, я никогда тебя не забуду. И не только я, но и другие...

Тут вмешался Джин.

Сначала он молча переводил взгляд с одного на другого, как болельщик на теннисном матче, затем не выдержал:

– О чём весь этот сентиментальный диалог? О чём вы, друзья?

И Майлз рассказал ему. И о том, что Арадий был Ведьмовским Юнцом, Колдуном-Провидцем, и о расколе в Ночном Мире – обо всём, что он узнал из беседы Ханны Редферн и Сильвиона.

– Значит, мы всё-таки покинули Ночной Мир, – спокойно сказал Арадий, когда Майлз закончил свой рассказ. – Когда я уходил, мы только собирались.

– Ты пришёл сюда встретиться с Дилосой? – спросил Майлз.

Арадий кивнул:

– До нас дошли слухи, что Ханна уже подбирается к следующей Неукротимой Силе. И разумеется, она не могла позволить Кругу Рассвета связаться с Дилосой.

Джин потёр лоб:

– Круг Рассвета? Что это?

– Самый светлый ведьмовской круг. Он объединяет не только колдунов. Он открыт и для людей, и для оборотней, и даже для вампирш, которые хотят жить в мире со всеми. И он противостоит Тёмным Силам. – На миг он задумался. – Я принадлежал к Кругу Сумрака, в нём... не очень злые колдуны. – Он улыбнулся, но улыбка быстро сбежала с его губ. – Сегодня есть только две стороны. Пришло время выбирать, где ты. Есть Свет, и есть Тьма – это всё.

– Но Дилоса же не на стороне Тьмы! – В голосе Майлза

были слышны боль с отчаянием. – Она запуталась. Она бы присоединилась к вам, если б не думала, что это означает неминуемую гибель.

Арадий вновь положил руку ему на плечо:

– Я верю тебе.

– Так ты, стало быть, важный человек среди колдунов, да? – воскликнул Джин.

Повернувшись к нему, Арадий рассмеялся:

– Я для колдунов Ведьмовской Юнец, спустя пару лет стану их Отцом, а потом когда-нибудь Старшим Колдуном... если проживу достаточно долго.

– Интересно. И при всём этом ты не в состоянии придумать, как нам отсюда выбраться?

– Прости. Я ничего не смогу сделать. Если только... в том мало пользы, но раз уж я предсказатель, я мог бы прочесть одно пророчество.

Майлз невольно фыркнул:

– Только не это!

– Видение посетило меня, когда я спал в лачуге знахаря, – сказал Арадий, будто оправдываясь. – Просто одна фраза: “Лишь возвав к сердцам, можно ещё спастись”.

Джин расхохотался ещё громче Майлза.

– И ещё одно. – Арадий обратил взор своих узких открытых невидящих глаз к Майлзу. – Я должен был рассказать тебе раньше... о твоей сестре.

Глава 18

Майлз застыл как изваяние.

– Как, ты знал?..

– Я должен был сказать тебе сразу, но я не догадывался, что она была твоей сестрой, пока моё сознание не прояснилось. Я не обратил внимания на то, что вы так похожи... – И он торопливо добавил: – Но, Майлз, ты лишь не теряй надежды. Хотя вряд ли ей удалось остаться в живых.

– Говори.

– Она спасла меня ещё до нашей с тобой встречи в телеге. Я отправился в долину не один, со мной пошли и другие ведьмы. Мы точно не знали, где потайная тропинка. Разведчикам не всё удалось разузнать у прислуги Ханны Редферн.

Майлз слушал Арадия с затаённым дыханием.

– Вечером в канун Сэмхэйна-Хэллоуина мы бродили в горах, пытаясь подобрать заклинание, которое сделало бы тропинку видимой. Вместо этого мы вызвали лавину.

Майлз совсем перестал дышать:

– Лавину?

– Она не задела твою сестру. Она шла как раз по тропинке, которую мы искали. Снежная лавина обрушилась на нас и погубила всех моих спутников.

– О, – прошептал Майлз. – Мне так жаль...

– Я не был серьёзно ранен, но совсем потерял способность двигаться. Я почувствовал, что мои друзья погибли, и услышал чей-то зов. Это была твоя сестра. После схода лавины они с Сильвионом побежали поглядеть, не пострадал ли кто-

либо.

– Мелони всегда спешит на помощь, – тихо сказал Майлз. – Даже если нужна какая-то ерунда: батарейки или тёплые носки.

– Невозможно выразить словами мою радость, когда я услышал её голос. Она спасла мне жизнь. Если бы не она, я бы замёрз в снегу. И ещё больше я обрадовался, поняв, что её парень – ведьмак... – Арадий нахмурил брови.

– Ха! – усмехнулся Джин. – Держу пари, твоя радость продолжалась недолго.

– Он тоже моментально понял, кто я. И я оказался заложником у него в руках, он мог бы мною шантажировать колдунов. Но главное, ему удалось бы завоевать расположение Ханны Редферн. И конечно, он сразу догадался, что не должен допустить моей встречи с Дилосой.

– Он стремится лишь к власти, – сказал Майлз. – Я слышал, как он рассказывал, что колдуны обидели его и лишили важного поста в Совете потому, что он не Харман.

Арадий слабо улыбнулся:

– Я тоже не Харман. Но все мы – сыновья Элиуса, Хранителя Очага. Нам давно пора понять это. – Он помотал головой. – Сильвиона настолько потрясло, что я попал к нему в руки, что он не удержался и рассказал всё твоей сестре. А она... эм, её эти новости не обрадовали.

– Конечно, нет! – Майлз всегда гордился своей сестрой, и даже в холодной тюрьме при мысли о ней ему становилось

тепло.

– Раньше Сильвион ничего ей про себя не рассказывал, только пообещал, что покажет ей волшебную долину, где оживают легенды. Но тут он проговорился. Она узнала правду о Тёмном Королевстве и о его желании превратить её в Обительницу Ночи. Он сказал, что королевство станет их владением, как только Дилоса покинет долину вместе с Ханной Редферн. Мелони могла бы превратиться в вампиршу или оборотня на выбор. И тогда они оба – Обители Ночи – безо всяких помех взойдут на царский престол в Тёмном Королевстве...

Майлз замахал на него руками. У него не было слов. Как Сильвион мог оказаться столь глуп? Он что, совсем не знал Мелони?

– Мелони ничего этого не нужно! – Майлз просто задохнулся от возмущения.

– Да, именно это она и сказала ему. Я почувствовал, что она попала в беду, – вздохнул Арадий. – Но что я мог сделать? Сильвион превосходно играл свою роль, пока мы спустились вниз, в город. Он притворялся, что печётся лишь о том, чтобы доставить меня в больницу и сообщить спасателям о гибели моих спутников. Но только мы переступили порог его квартиры, всё изменилось.

– Я помню эту квартиру, – медленно проговорил Майлз. – Что за чудовищная компания там собирается?

– Там веселится Ночной Мир, – объяснил Арадий. – Дру-

зья Сильвиона. Лишь мы вошли, он приказал им схватить нас. Я шепнул Мелони: “Беги!”, но поздно – их было очень много. Она встала на мою защиту и крикнула, что им придётся убить её, прежде чем они доберутся до меня.

Упрямый подбородок Майлза предательски задрожал. Он чувствовал, как его сердце медленно бухает внутри и его тяжёлые редкие удары отдаются во всём теле.

– Её убили?

– Нет. Тогда не убили, может, и вообще не убили. Я не знаю. Они накинулись на неё, связали и усыпили. Затем вошли две работорговки: Берна и Гэвина. Сильвион вызвал их.

“Ну да, они как раз вернулись после похищения Ли Джо, – подумал Майлз. – Расторопные девки!”

– Они и меня усыпили, – продолжал ведьмак. – Сильвион навёл на меня порчу и испытал на мне свой эликсир правды. Он не много у меня выведал, потому что не было никакой армии колдунов, идущей войной на Тёмное Королевство (уж лучше б была!), а о том, что я пришёл встретиться с Дилосой, он и так знал. – Тяжело вздохнув, Арадий кратко завершил свой рассказ: – Эликсир правды – настоящий яд. Из-за него я бредил пару дней, с трудом понимая, что происходит вокруг. Я словно включался и выключался. Меня долго держали в каком-то помещении, ждали подходящей погоды, чтобы перевезти в долину. А Мелони увезли сразу. Я не знаю, что он с ней сделал. До сих пор не знаю.

Майлз кивнул. Его сердце билось всё так же медленно и

тяжело.

– Не понимаю! Зачем ему понадобилось разыгрывать целый спектакль? Он отправился назад в горы, чтобы спасатели нашли его там, и рассказал им, что Мелони упала в расщелину в леднике. Но если она убита, почему он просто не сказал, что они расстались и он не знает, где она может быть?

– Думаю, на этот вопрос я смогу ответить, – вздохнул Арадий. – Когда они накинулись на нас, Мелони пригрозила, что её друзья знают, с кем она ушла в горы, и если она не вернётся, они вспомнят об этом в полиции.

Да. Тогда всё понятно. Всё, исключая одно – Майлз так и не узнал, что с ней произошло. Наступила долгая тишина.

– Она смелая, – с внезапной серьёзностью подытожил Джин. – Если она погибла, то потому, что сделала правильный выбор. Будем надеяться, что и мы сумеем не ошибиться.

Майлз посмотрел на него, стараясь понять по его лицу во тьме, не смеётся ли он. Джин не смеялся.

“Кэд превратился в Арадия, Ведьмовского Юнца всех колдунов, я – в Освободителя (хотя не особенно в этом преуспел), но сильнее всего изменился ты, Джин...”

– Джин, я даже не знаю твоей фамилии... – Майлз так неожиданно сменил тему, что Джин даже вздрогнул.

– А? Моя фамилия? Была... есть... Маккарэн... Мне было пятнадцать, когда они схватили меня. Я сидел в зале игровых автоматов и играл в “Смертельный бой”. Затем спустился в комнату для мальчиков... Я шёл по длинному коридору.

дору и вдруг отключился, а очнулся в телеге работорговок. Вот и всё.

Майлз протянул руку к нему во тьме.

– Рад познакомиться, Джин Маккарэн. – Он почувствовал крепкое рукопожатие худых мозолистых пальцев.

Одной рукой Майлз держал руку Джина, второй – руку Арадия, и все трое – раб, учащийся и ведьмак – сидели вместе, взявшись за руки, в тёмной тюремной камере и чувствовали себя обычными парнями, попавшими в необычную беду.

– Джин, ты не сказал мне одной вещи, – вдруг вспомнил Майлз. – Как они звали тебя, когда ты начал на них работать? Кем ты работал?

Джин хмыкнул:

– Я – Младший помощник Конюха. Теперь ты знаешь всё.

Майлз никогда бы не подумал, что сможет уснуть в таком месте, но, просидев тихо некоторое время на скамейке вместе с друзьями, он всё-таки задремал.

И проснулся только тогда, когда скрип двери тюремного коридора коснулся его ушей. Майлз понятия не имел, день это был или ночь. Огонь факела почти погас. Арадий и Джин сонно зашевелились возле него.

– Обед? – пробормотал Джин.

– Надеюсь, что это не Ли Джо... – начал было Майлз и замолчал, когда твёрдые, решительные шаги гулко раздались под каменными сводами.

Он узнал походку и устремился навстречу Дилосе. Она шла по коридору.

Умирающий свет факела играл в её светлых волосах и отражался случайными вспышками в багровых глазах. Принцесса была одна.

Не теряя попусту времени, Дилоса сразу перешла к делу:

– Я пришла узнать, согласен ли ты вести себя разумно.

– Я всегда веду себя разумно, – ответил Майлз спокойно и абсолютно серьёзно.

Он всматривался в её непроницаемое лицо, стараясь уловить слабую на таком расстоянии ментальную связь между ними и надеясь обнаружить перемену в её настроении. Майлз почувствовал, что она охвачена мучительным смятением и в то же время полна стальной решимости.

“Я не позволю, чтобы тебя убили. Всё остальное мне не важно”.

Майлз растерянно обернулся, ища поддержку у Арадия и Джина, которые молча сидели на скамейке – Арадий неподвижно, Джин настороженно. Оба понимали, что это лишь его сражение.

“И они правы. Если я не смогу переубедить её, то и никто не сможет... Только как?”

– Они такие же, как ты и я, – заговорил он, показывая рукой на друзей и неотрывно смотря в лицо Дилосы. – Что мне сделать, чтобы ты поняла это? Их жизни тоже имеют значение.

Она едва посмотрела в их сторону.

– В Тёмном Мире, который наступает, – начала она монотонно, словно повторяя заученный урок, – смогут выжить лишь Обитатели Ночи. Поднимаются древние ведьмовские силы. Они спали десять тысяч лет, сегодня они пробуждаются.

Из глубины камеры ей возразил низкий голос, в котором не было ни агрессии, ни страха:

– Некоторые думают, что люди вполне смогут жить рядом с волшебниками.

– А некоторые думают, что им лучше умереть, – отозвалась Дилоса, не поворачивая головы.

Она смотрела лишь на Майлза. И он смотрел на неё. Они всеми силами старались переубедить друг друга.

“У меня ничего не выйдет”, – решил Майлз и сдался.

Он разорвал их сплетённые взгляды, отвернулся и... с силой тряхнул головой...

“Нет! Так нельзя. Я ведь Стальной Нил, я никогда ещё не сдавался. Я докажу ей, что есть вещи, ради которых стоит умереть... Впрочем, она не боится смерти. Она боится за мою жизнь. Дилоса не станет меня слушать, если я скажу, что предпочту смерть сделке с совестью. Но это правда. Есть вещи совсем недопустимые, и им нужно воспрепятствовать, чего бы это ни стоило”.

Майлз замер, и тюремные стены будто раздвинулись перед его мысленным взором.

Он словно вновь очутился в тёмной и холодной маленькой телеге и услышал свой голос:

“Джин, мы должны их остановить”.

С безрассудством отчаяния Майлз повернулся к другу и крикнул:

– Джин! Иди сюда.

Джин встал, вопросительно смотря на него, и неуверенно подошёл. Майлз показал ему глазами на Дилосу.

– Покажи ей, – попросил он, не узнавая своего голоса, который вдруг стал намного старше и мрачнее, – что Обитатели Ночи делают с беглыми рабами. Покажи ей то, что ты показал мне.

Выражение лица Джина оставалось невозмутимым. Ещё миг он продолжал глядеть на Майлза, затем вызывающе усмехнулся и повернулся спиной. На нём была всё та же роба из мешковины, что и четыре дня назад. Он резко задрал её вверх, демонстрируя Дилосе изувеченную спину. Один взгляд – и он отшатнулся, словно его ударили. И Майлз, несмотря на то что был готов к жуткому зрелищу, опять испытал шок. Волна ужаса и негодования захлестнула его. Вцепившись руками в железные прутья тюремной двери, он стиснул зубы, стараясь не глядеть на красные полосы.

– Кто это сделал? – глухо спросила Дилоса. Она была смертельно бледна. Её глаза потемнели. – Кто это сделал?

Джин опустил рубаху.

– По-моему, тебя не сильно волнует участь всяких там

низких тварей. – Он отошёл, не удостоив её ответом.

Проводив его взглядом, Майлз повернулся к Дилосе:

– Так больше не может продолжаться! Теперь ты меня понимаешь? Это нужно остановить любой ценой!

Он замолчал.

“Принцесса не знала о том, что тут происходит, – думал Майлз со странным чувством грустной радости. – Я и раньше догадывался, но как хорошо, что это подтвердилось”.

Тишина длилась бесконечно. Дилоса долго смотрела на Джина. Затем нервно провела рукой по своим волосам. Её лицо казалось напряжённым, глаза яростно горели. Принцесса выглядела так, словно земля вдруг ушла у неё из-под ног и она не знала больше, чему верить. Затем Дилоса уставилась на Майлза. Он молча ждал её решения. Их взгляды опять встретились, и он почувствовал, что она никогда раньше не была такой растерянной... такой открытой. Но уж чего-чего, а решительности принцессе Дилосе было не занимать. Спустя минуту она собралась, выпрямила плечи и гордо подняла голову. Как всегда, она начала с главного.

– Ты прав, – сказала она просто. – Я была неправа. Есть вещи совсем недопустимые. Это надо остановить.

Майлз прижался всем телом к решётке и улыбнулся.

– Я достану ключ. – В её голове уже созрел план. – Вы все трое должны покинуть крепость хотя бы на время моего сражения с Ханной.

– Ты не справишься с ней одна! – Майлзу следовало бы

заранее догадаться, что она всё возьмёт на себя, оберегая жизнь каждого из них. – Тем более что ты не можешь пользоваться Силой.

– Нет смысла подвергать тебя ещё большей опасности, – твёрдо сказала она. – Я велю вывести вас из крепости кому-нибудь из верных мне людей...

– Боюсь, что это будет невозможно, – внезапно раздался чей-то голос из глубины коридора.

Майлз вздрогнул. Они все были очень измучены и поглощены его битвой с Дилосой и не заметили тёмной фигуры, приближавшейся к Дилосе во тьме.

За спиной принцессы стояла Ханна Редферн и улыбалась. Сильвион был около неё. Вооружённые стражницы мигом наполнили тюрьму.

– Нам пришлось отделаться от парочки дур, которые оставались тебе верны, – сообщила Ханна самым любезным тоном. Её глаза светились багровым цветом. – Крепость полностью перешла под мой контроль. Но, возвращаясь к твоим планам... Забавно! Очень забавно было слушать, как вы стараетесь спасти друг друга.

– И не нужно отнекиваться, – зло добавил Сильвион. – Мы всё слышали. Мы знали, тебе нельзя доверять, поэтому специально позволили тебе спуститься сюда, чтобы подслушать твои планы.

“Сильвион так долго знаком с Дилосой и так плохо её знает, – подумал Майлз. – Ей и в голову не пришло бы притво-

ряться!”

Принцесса поступила именно так, как ожидал Майлз – молниеносно ринулась на Ханну Редферн. Дилоса была молода, сильна и очень зла, но она была одна против всех. Сильвион вскрикнул и отбежал в сторону, а стражницы подскочили на помощь Ханне. Спустя минуту всё было закончено.

– Киньте принцессу к её друзьям, – сказала Ханна и поправила блузу. – Мне больно видеть, до чего докатилась моя единственная наследница! – добавила Ханна, когда Дилосу скрутили и кинули к парням в камеру, и в её голосе Майлзу опять послышалось искреннее сожаление. Затем её глаза стали ещё холоднее, чем всегда. – Завтра утром нас ждёт большая охота, после которой в живых останутся лишь три Неукротимые Силы.

Тюремные коридоры опустели. Ушли, торжествуя, Ханна и Сильвион, ушли и стражницы, забрав с собой все факелы.

– Дилоса, – прошептал Майлз и ощупал её ссадины, – мне жаль... я не знал...

– Ерунда, – ответила она, взяв его за руки, – это всё равно бы произошло.

– Для вампирши ты не очень хорошо дралась, – съязвил Джин из глубины камеры.

Майлз нахмурил брови, но Дилоса повернулась к нему и спокойно ответила:

– Этот колдун не просто заблокировал Синее Пламя. Он забрал мою силу вампирши. Я не сильнее обычного челове-

ка... до тех пор, пока он не снимет порчи.

– Арадий! – позвал Майлз. – А ты разве не можешь? Конечно, я знаю, что лишь Сильвион в силах снять заклятие, но...

Арадий опустился возле них на колени.

Он нежно прикоснулся к руке Дилосы, затем вздохнул:

– Прости. Даже если бы я был полностью здоров, мне это не по силам.

Майлз всхлипнул.

– Я жалею лишь об одном, – сказала Дилоса. – Я не сумела спасти тебя.

– Не думай об этом, – вновь всхлипнул Майлз.

Вдруг им завладела странная покорность судьбе. Нет, он не сдался, просто очень устал. Его физические и психические силы были истощены. Да и что он мог бы сейчас сделать? Ничего, вообще ничего... Он почувствовал, как рука Дилосы погладила его по плечу. И прильнул к ней, радуясь теплу её тела.

Было так уютно сидеть в её объятиях. Биться всегда важно, даже если ты и не победил. Его веки отяжелели. Как замечательно хотя бы на миг закрыть глаза... В ту ночь он проснулся только один раз. Из-за Дилосы. Майлз почувствовал её тревогу. Она вроде бы спала... и грезила, и металась во сне.

“Она зовёт меня? Или мне померещилось? Я слышал своё имя...”

Принцесса что-то невнятно бормотала. Майлз наклонился поближе.

– Я люблю тебя... Я любила тебя... Помни это всегда...

– Дилоса!!! – Он затряс её. – Дилоса, что с тобой?

Она сразу же проснулась:

– Ничего.

Но Майлз уже знал, что с ней. Он вспомнил, что слышал эти слова раньше, ещё до их встречи в горах.

– Мой сон, да? Ты была... ты отправилась назад во времени... да? И предостерегла меня, чтобы я уходил из долины... Но как тебе удалось? Я думал, ты не владеешь своей Силой.

– Для этого не нужны возможности вампирши, – сказала она почти виновато. – Тут нечто большее. Таинственная связь между нами. Наша единая душа. Я даже не знаю, как я это сделала. Я уснула... думая о тебе. Я искала тебя во сне... и нашла. Интересно, кто-либо, кроме меня, путешествовал во времени?..

Майлз помотал головой.

– Но ты знала, что это всё равно не помогло. Сон ничего не изменил. Я не стал убегать отсюда, когда проснулся в телеге. Поэтому сейчас я тут. Если бы я ушёл, мы никогда бы не встретились... но и тогда ты не послала бы мне сон...

– Знаю, – сказала она, и её голос прозвучал измученно и безнадежно. – Но стоило попробовать.

Глава 19

– Сегодня самая большая охота в вашей жизни, – объяви-

ла Ханна Редферн.

Она стояла, подтянутая и статная, и непринуждённо улыбалась. Придворные собрались вокруг неё, и Майлз заметил в толпе знакомые лица. Вот высокая женщина из детских воспоминаний Дилосы – та, что грубо схватила ребёнка за руку. А вот колдун, который наложил первую повязку с заклятиями.

Охотники столпились во внутреннем дворе дворца. Они жаждали крови.

Бледный предрассветный луч коснулся неба. Восход солнца наполнил облака перламутровым свечением и озарил долину слабым печальным светом.

– Два мальчика, колдун и принцесса-отступница. – Ханна была явно довольна собой. – У вас никогда не было и не будет такой роскошной добычи.

Майлз сжал руку Дилосы. Он боялся того, что ожидало их, и в то же самое время испытывал гордость. Пусть свора Ханны ждёт, что осуждённые будут молить о пощаде, – не дождётся! Они стояли одни в центре площади. Три парня в рабских робах: Майлз, Арадий и Джин – и Дилоса, без плаща, в разорванном платье и царской обуви. Они стояли неподвижно, только лёгкий ветер трепал волосы. Арадий – живое воплощение благородства. Его красивое лицо казалось торжественно грустным, но в нём не было ни тени ярости или страха. Он высоко держал голову, и его маленькие глаза были обращены к толпе, словно он встречал дорогих гостей.

Джин был готов к битве. Его русые волосы торчали в разные стороны, измятая одежда болталась на тощем теле, но хмурая улыбка и дикое пламя сражения в серых глазах ясно говорили: он будет отчаянно биться и дорого продаст свою жизнь. Майлз изо всех сил старался не отставать от друзей. Он вытянулся во весь рост, зная, что ему никогда не удастся быть таким сказочно красивым, как Арадий, или таким бесшабашным, как Джин, но он, по крайней мере, делал вид, что легко принимает смерть. Дилоса... ну, Дилоса всегда была великолепна. В одном платье она выглядела более царственной, чем Ханна Редферн в полном облачении. Она смотрела на толпу придворных, которые все без исключения присягали ей на верность, а теперь жаждали её крови, – смотрела и даже не злилась. Она пыталась говорить с ними.

– Смотрите на то, что тут происходит, – сказала она, и её голос легко перелетел через площадь. – Смотрите и никогда не забывайте. Вы переметнулись на сторону той, которая объявила охоту на свою праправнучку! Вы действительно готовы последовать за ней? Сколько времени осталось до того, как она повернёт против вас? До того, как вы окажетесь в роли добычи перед её кровожадной сворой?

– Заставьте её замолчать! – приказала Ханна, и ей не удалось скрыть гнев.

Однако никто не поторопился выполнить её приказ. Майлз видел, как придворные недоумённо глядят друг на друга: кому следует заставить принцессу замолчать и как?

– Надо остановить эту убийцу, – продолжала говорить Дилоса. – Признаюсь, и я хотела пойти за ней. Я была глуха и слепа. Теперь я понимаю, что она задумала. Поэтому она и предала меня. Вы все давно меня знаете. Разве стояла бы я тут перед вами, жертвуя собственной жизнью, если бы на то не было веских причин?

Среди придворных прошла слабая волна возмущения. Майлз посмотрел на них с надеждой... но нет... они не умеют думать самостоятельно, точнее – умеют думать лишь о себе. Никто из них не способен на протест.

“И рабы не поднимут восстания, чтобы прийти нам на помощь. Стражницы вооружены до зубов, а они безоружны. Они напуганы, они нам сочувствуют. Но рабы видели такое не раз, они привыкли к охоте на людей. Они знают: так было и так будет, этого не остановить”.

– Арадий пришёл к нам с миром, стараясь сохранить союз колдунов и вампирш. – Дилоса опустила руку на его плечо. – И в ответ мы пытались убить его. Призываю вас – остановитесь! Пролив его невинную кровь, вы совершите преступление, кара за которое впоследствии падёт на ваши головы.

Другая волна недовольства прошла среди мужчин. Скорее всего, это были колдуны.

– Заставь её заткнуться! – прорычала Ханна.

На этот раз она обращалась к конкретному человеку. Майлз проследил за её взглядом и увидел Сильвиона.

– На некоторых придётся надеть намордник перед тем, как

начнётся охота. Итак, скорее позаботься об этом! – приказала Ханна Сильвиону. – Охота начинается.

Сильвион неуверенно пошёл к Дилосе. Та остановила его взглядом, словно предупреждая, что лучше ему не приближаться.

– Стражницы! – в раздражении крикнула Ханна.

Два ряда стражниц вышли вперёд. Они были вооружены разными копьями: одни с металлическими наконечниками (наверное, против колдунов и людей), другие – с деревянными. Против вампирш, догадался Майлз. Если Дилоса не сдержится, её сердце пронзят ещё до начала охоты.

– Сильвион, заткни её обманчивый рот! – приказала Ханна Редферн.

Сильвион послушно снял корзину с руки.

– При Новом Порядке, который наступит вместе с новым тысячелетием, мы будем ежедневно устраивать охоту, – ораторствовала Ханна Редферн, стараясь снять вызванное словами принцессы напряжение и недовольство в толпе. – У каждого из вас будет по городу, чтобы охотиться. Целые города перерезанных глоток, чтобы напиться крови, целые города истёрзанной тёплой плоти, чтобы насытиться вдоволь.

Стоя рядом с Дилосой, окружённой со всех сторон лесом копий, Сильвион что-то искал в своей корзине.

– Сильвион, – тихо позвал Арадий.

Сильвион в удивлении обернулся к нему. Майлз заметил испуг в его глазах фиалкового оттенка.

– Каждая из вас станет принцессой... – продолжала разглагольствовать Ханна.

– Сильвион Уил, – повторил Арадий.

Сильвион опустил глаза.

– Не разговаривай со мной, – прошептал он. – Ты не... я не ваш больше.

– Вы просто должны верить мне и слушаться меня... – говорила Ханна.

– Сильвион Уил, – провозгласил Арадий, – рождённый ведьмаком, чьё имя означает зелёную дубраву или священную рощу. Ты – сын Элиуса, и ты останешься им до конца своих дней. Ты – мой брат.

– Нет! – вскрикнул Сильвион.

– Ты не в силах изменить это. Ничто не сможет разорвать кровную связь. И в глубине души ты это знаешь. Я, Ведьмовской Юнец, заклинаю тебя именем Элиуса – Хранителя Очага: сними заклятье с этой девушки.

Последние слова произнёс уже не Арадий. Голос принадлежал ему... Но на миг чья-то светящаяся фигура заслонила собой Арадия. Майлз увидел высокого мужчину с чёрными, как у Сильвиона, волосами и маленькими голубыми глазами.

– Элиус... – ахнул Сильвион и замер.

Майлз отдалённо слышал, что Ханна продолжала свою напыщенную тираду, но смотрел он лишь на Сильвиона, которого охватил благоговейный трепет.

“...лишь призвав к сердцам”, – вспомнил Майлз.

– Сильвион, – заговорил он, – я верю в тебя.

Фиалковые глаза поражённо уставились на Майлза.

– Я прощаю тебя за Мелони, – сказал Майлз. – Я знаю, ты просто запутался. И ты несчастен. Но у тебя появилась возможность всё исправить. Ты можешь сделать нечто важное. То, что изменит мир.

– ...реки крови! – кричала Ханна. – И никто не остановит нас. Мы обратим в рабство не только людей, но и колдунов. Отныне колдуны – наши враги. Подумайте о Силе, которую вы приобретёте, когда будете пить их кровь!

– Если по твоей вине обладательница Неукротимой Силы будет убита, на тебя ляжет ответственность за наступающую Темноту, – говорил Майлз. – Лишь на тебя. Потому что лишь ты можешь остановить это прямо сейчас.

Сильвион закрыл лицо руками. Его пальцы тряслись. Он почти лишился сознания.

– Я, Ведьмовской Юнец... – заговорил Арадий.

И другой глубокий голос вторил ему эхом:

– Я, Отец-Прародитель...

– ...именем Элиуса...

– ...именем моих детей...

– ...тебе, Хранителю Очага...

– ...тебе, моему сыну, истинному Хранителю Очага...

– Повелеваю! – Голос Арадия возвысился и разнёсся многократным эхом, прервав на полуслове тираду Ханна.

Он потряс всех. Воцарилась мёртвая тишина. Придвор-

ные недоумённо озирались, откуда доносится звук. Сильвион не мог отвести взгляд от Арадия. Затем его фиалковые глаза медленно закрылись, и он тяжело вздохнул.

Когда он заговорил, его тихий шёпот был слышен лишь стоявшему рядом Майлзу:

– Я, сын Элиуса, повинуюсь.

Сильвион потянулся к руке Дилосы. Ханна дико закричала. Майлз не смог разобрать её слов. Он не расслышал и того, что прошептал Сильвион. Просто увидел, как движутся его губы и худые пальцы сжимают запястье Дилосы.

Краем глаза Майлз успел заметить летящее копьё... Миг – и оно пронзило сердце Сильвиона.

Тут же раздался неузнаваемый визгливый голос Ханны Редферн, кричавшей:

– Убейте его! Убейте его!

И стражницы выполнили приказ. Копьё насквозь пробило грудь Сильвиона и откинуло его от Дилосы. Кровь залила элегантный зелёный костюм.

Сильвион оглянулся на Ханну Редферн и улыбнулся.

По его губам Майлз прочёл:

– Слишком поздно.

Дилоса рванулась вперёд. По рукаву её чёрного платья тоже текла кровь – её кровь. Сначала она пыталась преградить путь стражницам и спасти Сильвиона.

Но затем впилась глазами в Ханну:

– Темнота заканчивается тут!

Майлз уже видел Синее Пламя, но этот удар был подобен ядерному взрыву.

Синее Пламя полыхнуло там, где стояла Ханна Редферн с её сворой прихвостней, и ушло в небо большой шаровой молнией. Огонь вознёсся от земли до неба, будто солнце выкатилось из дворца.

Глава 20

Майлз осторожно поддерживал Сильвиона. Он опустился перед ним на колени и старался держать его так, чтобы не задеть копьё, пронзившее его грудь. Всё закончено. На том месте, где только что стояла Ханна Редферн с самыми верными соратниками, зияла большая, выжженная в земле воронка.

Перед глазами Майлза всё ещё стоял ужасный взрыв и разбегающиеся в разные стороны люди. Среди них он заметил работорговку Гэвину, но Ханны нигде не было. Когда ударило Синее Пламя, она оказалась в эпицентре взрыва и от неё ничего не осталось, даже русого волоса. На площади из всех Обитателей Ночи осталась лишь Дилоса. Рабы украдкой выглядывали из своих хижин.

– Не бойтесь! – закричал Джин. – Эй! Выходите, не бойтесь! Дилоса не опасна. Во всяком случае, для вас. Выходите. Все выходите! Ну что вы там прячетесь?

Майлз увидел высокого тощего человека и прижавшегося к нему сбоку маленького мальчика.

– Прачный! Ли Джо! Какое счастье, что с вами всё нормально! Нет, Прачный, пожалуйста, не нужно...

Прачный упал перед Майлзом на колени. Затем пристально посмотрел на Сильвиона, лицо которого приобрело мертвенно-бледный, сероватый цвет.

Под глазами легли тёмные круги, а из уголка губ вытекала кровь.

– Дело плохо, – прохрипел Сильвион.

– Да, так и есть, – прямо сказал Прачный. – Освободитель, ты ему уже ничем не поможешь. И я тоже ничем не смогу ему помочь.

– Никакой я не Освободитель. – Майлз вдруг всхлипнул и быстро смахнул слёзы, навернувшиеся на глаза.

– Значит, ты ловко морочишь всем голову, – сказал Прачный и встал с колен. – Но похоже, что все рабы реально свободны. Ты пришёл – и пророчество исполнилось. Если это и не твоих рук дело, то, согласишься, очень странное совпадение.

Почтительный взгляд его светлых глаз заставил Майлза почувствовать себя неловко. Он показал на Сильвиона.

– Это не я, это он спас нас, – пробормотал Майлз. – Сильвион заслуживает признания...

– Не только он, – раздался у него за спиной тихий голос, и Майлз обернулся к Дилосе:

– Да. И ты тоже.

– Я не об этом. – Она села на землю возле Прачного, обняла Майлза и погладила плечо Сильвиона. – Я могла бы попытаться спасти тебя. Ты согласен, Сильвион?

– Уйти в вампиры? – Он отрицательно помотал головой. –

Нет. Нет смысла. Меня пронзили деревянным копьём, мне всё равно не выжить.

Майлз оглядел острый обломок дерева:

– Мы вытащим его...

– Брось! Я не выдержу. Сдайся хотя бы один раз, а? – усмехнулся Сильвион.

Потрясающе! Даже на пороге смерти он оставался насмешливым и язвительным. Его стойкость восхищала Майлза.

– Послушай, – внезапно обратился к нему Сильвион, – хочу кое-что тебе сказать. – Он прерывисто вздохнул: – О твоей сестре.

Майлз сжался в ожидании ужасных подробностей её гибели.

– Знаешь, что меня по-правде задевало? Мне было так обидно, когда я старательно приводил себя в порядок, пригладил волосы и шёл на свидание с твоей сестрой, а она... сразу начинала рассказывать о тебе.

Майлз заморгал недоумённо. Это было совсем не то, что он ожидал услышать.

– Она... что?

– Рассказывала о своём братишке. Какой он смелый, какой он смыслённый и какой упрямый.

Майлз продолжал моргать. Он бы не удивился, обвини его Мелони во всех смертных грехах... Но неужели она и правда думала, что он смыслённый? Он почувствовал, что его веки

опять защищало и ком подступил к горлу.

– Я не смел сказать ни одного плохого слова в твой адрес. – Сильвион прищурил свои потемневшие фиолетовые глаза. – Я возненавидел тебя за это... А её ... её я любил.

Голос Сильвиона становился всё слабее. Арадий прикоснулся к его тёмным волосам.

– Тебе осталось совсем немного, – произнёс он, будто предупреждая.

Сильвион опустил веки – он знал это.

– Я сказал Дилосе, что я убил Мелони, – прошептал он. – Но... я врал.

Сердце Майлза заколотилось так сильно, что его удары сотрясали всё его тело.

– Ты не убил её? Она жива?

– Я хотел наказать её ... но я хотел, чтобы она всегда была возле меня...

У Майлза голова пошла кругом. Он буквально впился взглядом в бледное лицо ведьмака.

– Пожалуйста! Скажи мне, что ты с ней сделал. Умоляю тебя! Скажи!

– Я её ... изменил... – от низкого голоса Сильвиона осталось только хриплый шёпот. – Я превратил её в оборотня... и ещё немного поколдовал, чтобы она не могла стать человеком, пока я этого не захочу...

– Какое заклинание? – быстро спросил Арадий.

Сильвион слабо вздохнул:

– Ничего особенного, Юнец... Просто сними кожаную повязку с её лапки. Она всегда будет оборотнем... но останется жива... – Его голос вдруг стал прежним, а в глазах мелькнуло выражение прежней жестокости. – Майлз, ты ведь очень смыслённый... Ты наверняка догадаешься, в кого я её превратил...

Он не договорил: жутковатый звук вырвался из его горла. Майлз никогда такого не слышал, но почему-то сразу понял, что он означает: Сильвион умер.

Его тощее тело, обтянутое зелёным костюмом, выгнулось дугой и застыло.

Голова запрокинулась. Широко раскрытые глаза цвета лесных фиалок глядели в небо, но они уже ничего не видели. Арадий положил свою тощую руку на бледный лоб Сильвиона.

– Бог Жизни, прими сына Элиуса, – проговорил он проникновенным низким голосом. – Проводи его в мир иной. – И добавил, шепча: – Да пребудет с ним благодарная память всех колдунов.

Майлз со страхом ждал, что появится светящаяся фигура и окружит Арадия светлой аурой. Но он видел только красивое, белое лицо Арадия и его грустные слепые глаза. Арадий осторожно закрыл рукой глаза Сильвиона.

Майлз стиснул зубы, чтобы не зареветь. Не помогло. Он всхлипнул и вдруг отчаянно расплакался. Дилоса обняла его, и он зарылся лицом в её плечо.

Это помогло. Пара секунд – и Майлз взял себя в руки. В её объятиях его охватывало невыразимое чувство покоя и безопасности, как и тогда в его волшебном сне. Он знал, что принадлежит ей. До тех пор, пока они вместе, с ним всё будет нормально.

Ли Джо подбежал к Майлзу, и тот, высвободив одну руку из объятий Дилосы, прижал к себе маленького испуганного мальчика:

– С тобой всё нормально, малыш?

Ли Джо шмыгнул носом:

– Да. Теперь – да. Было страшно, но я рад, что всё уже позади.

– Знаешь, – вдруг заговорил Джин, смотря вниз на Сильвиона, – вот так и мне хотелось бы уйти. Избрав свой собственный путь...

Его слова поразили Майлза и помогли справиться с истерикой.

Он покачал головой:

– Не могу понять, почему я переживаю из-за его гибели. Он принёс нам столько горя. Я и сам недавно хотел его убить.

– Он был личностью, – сказала Дилоса.

“Точнее не скажешь”, – подумал Майлз.

Он заметил, что Джин, Прачный и Дилоса вопросительно глядят на него, и Арадий тоже повернулся к нему.

– Ну? – спросил Джин. – Ты догадался, в кого он превратил твою сестру?

– О! Думаю, да. Дилоса, что значит имя “Гэвина”? Для оборотня? Оно означает “соколица”?

– Да. Соколица или ястребица.

Майлз обрадовался:

– Тогда всё просто. – Он вскочил, и Дилоса встала вместе с ним. – Как нам найти соколицу, с которой он охотился в тот день, когда мы встретились в первый раз? Помнишь, они вышли на охоту и ты была с ними?

– Птиц держат возле конюшен.

Они пошли к конюшням, и за ними последовала целая толпа: Старый Штопальщик, который болтал без умолку, Бельевой Замочек, чей вид уже не был таким испуганным, и Мойщик Ночных Горшков...

– Вам нужны новые имена, – обратился к ним Майлз. – Сможете выбрать себе имя?

Высокий парень с мечтательными, нежными глазами застенчиво улыбнулся:

– Однажды я слышал имя Гортензион...

– Хорошее имя, – подумав, кивнул Майлз. – Просто замечательное. Особенно по сравнению с прежним.

Они подошли к небольшому тёмному загону для скота недалеко от крепостной стены. Соколы вострепнулись и захлопали крыльями.

– Птицы на вид совсем одинаковые! – испугался Майлз.

– Она должна быть новенькой, – сказала Дилоса. – Может, вон та... Где сокольничий?

Все ринулись искать сокольника, а Джин подошёл к Майлзу:

– Не могу понять, как ты догадался. И вообще с чего ты взял, что Гэвина оборотень?

– М-м-м... логическим путём. Берна была оборотнем, так? А у них схожие возможности восприятия. Кроме того, Арадий сказал, что Сильвион заколдовал Мелони ещё в своей квартире, когда Берна и Гэвина были там. Значит, он мог использовать оборотней, чтобы распространить заклятие и на Мелони.

– А почему ты решил, что Гэвина была соколицей?

– Не знаю... Она похожа на соколицу. Такая же быстрая и золотистая. И потом, когда она убежала от Дилосы, она моментально нашла охотников. По земле так быстро не доберёшься. Тогда мне было не до того, но в глубине сознания отложилось, что она должна была лететь по воздуху.

Джин хитро прищурил глаза:

– Этого недостаточно, чтобы догадаться.

– Нет... лишь в общих чертах. Знаешь, Мелони должна была быть именно соколицей. Сильвион не смог бы брать с собой в горы поросёнка, льва или медведицу. И на охоте я видел его с соколом. Он должен был превратить её в нечто маленькое, что можно всегда носить с собой в качестве аксессуара к костюму. Тут всё логично.

– Хм, – покачал головой Джин. – Всё равно, по-моему, тебе не хватит мозгов на изобретение космической ракеты.

Тебе просто повезло, что ты догадался.

– Я в этом пока не уверен, – прошептал Майлз. – Но я очень надеюсь.

В это время к ним привели тощего человека с острым взглядом – это и был сокольничий. На вытянутой руке он держал большую птицу.

– Вот новая соколица. Джентльмен Сильвион приказал никогда не снимать зелёную повязку с её лапки. Но я захватил с собой кинжал. Вы хотите снять её?

Майлз затаил дыхание. У него тряслись пальцы, когда он разрезал кожаный изумрудно-зелёный шнурок. Он упал – его сердце замерло. Ничего не произошло. Однако спустя несколько тягостных секунд началось превращение. По телу соколицы пошли волны, её очертания расплывались, крылья вытягивались... и затем соколица исчезла, а на её месте постепенно возникла фигура девушки... Ещё миг – и перед ними стояла Мелони. Она встряхнула светло-русые волосы, озорно улыбнулась и показала жестом – кулак с большим пальцем вверх – всё отлично.

– Привет! Я знала, что ты меня выручишь. А иначе зачем нужны младшие братья?

Майлз ринулся к ней на шею. Им казалось, что прошло очень много времени.

Все слёзы были пролиты, все секреты раскрыты, все объяснения произнесены. Рабы – то есть бывшие рабы, поправил себя Майлз, – стали тихо менять свой быт и строить пла-

ны на будущее. Дилоса и Арадий отправили послов во Внешний Мир. Но многое ещё нужно было устроить.

Майлз понимал, что жизнь никогда уже не станет для него прежней. Его сестра превращена в оборотня. К счастью, ей понравилось быть соколицей.

Майлз улыбнулся. Она увлечённо рассказывала Джину о новых возможностях покорения горных вершин – на крыльях. Его девушкой – нет, его супругой по духу – оказалась обладательница Неукротимой Силы. Арадий объяснил, что это для них означает. Ночной Мир попытается их убить. Круг Рассвета возьмёт их под свою защиту до того рокового часа, когда Дилоса вступит в решительную битву. Бой будет жестоким. Майлз и сам изменился.

Он чувствовал свою ответственность за людей из долины, которые по-прежнему звали его Освободителем. Он обязан помочь им найти свой путь во Внешнем Мире. Его судьба отныне связана с их судьбами навсегда.

Впрочем, в настоящий момент возникла весьма прозаическая проблема: хотелось есть.

– Приглашаю всех во дворец. Будем пировать! – сказала Дилоса громко.

Она повела Майлза ко дворцу... Но в это время Ли Джо замахал руками, показывая в небо.

А по толпе прошёл благоговейный шёпот:

– Солнце! Смотрите, солнце!

Майлз посмотрел вверх и зажмурил глаза. В перламутро-

вом небе Тёмного Королевства, точно в том месте, куда ударило Синее Пламя, образовался небольшой просвет в облаках. В него и выглянуло солнце, прогоняя туман и одевая леса и поля в зелёный наряд, который отражался в блестящей поверхности чёрных стен дворца, как в зеркале.

“Волшебный мир, – подумал Майлз, в удивлении озираясь вокруг. – Ну до чего тут красиво!”

Он посмотрел на Дилосу: светлые лохматые волосы, чеканный профиль, высокие скулы, гордый и властный изгиб губ... нет, теперь в ней появилась мягкость, – и встретил взгляд её бесстрашных красных глаз, полный любви и заботы. Для неё в этом мире не было никого важнее Майлза.

– Я думаю, что все пророчества исполнились совсем случайно, – медленно проговорил он. – Самые обычные люди старались быть добрыми, и им повезло.

– В тебе нет ничего обычного, – возразила Дилоса и поцеловала его.

Один – из края королей, давным-давно забытых,

Один – из очага, где теплится огонь,

Один – из мира Дня, где два бессонных глаза,

Один – из сумрака и вновь соединится с Темнотой.